

Ламброс Кацонис

Ю. Д. Пряхин

Ю. Д. Пряхин

Ламброс Кацонис

в истории
Греции
и России

Серия
НОВОГРЕЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основана в 2003 году
при участии
ФОНДА ГРЕЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Γ. Π ρ ι ά χ ι ν

Λάμπρος Κατσώνης

στην ιστορία Ελλάδος
και Ρωσίας

Πετρούπολη
ΑΛΗΘΕΙΑ
2004

Ю. Д. П р я х и н

Ламброс Кацонис

в истории Греции
и России

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2004

УДК 94
ББК 63.3(0)
П85

Пряхин Ю. Д.

П85 Ламброс Кацонис в истории Греции и России. — СПб.: Алетейя, 2004. — 176 с. — (Серия «Новогреческие исследования»).

ISBN 5-89329-731-8

Ламброс Кацонис (Ламбро Качиони, 1752–1805) — грек на русской военной службе, инициатор создания и бесстрашный командир российской «каперской» флотилии на Средиземноморье, которая длительное время терроризировала морские коммуникации Османской империи во время русско-турецкой войны (1787–1791 гг.). Его биография по сей день полна тайн и загадок. Удачливый «пират», обычно изображался в австрийском мундире, но его корабли шли в бой под российским флагом. Греческий патриот, объявивший личную войну Османской империи и сражавшийся с ее флотом после завершения русско-турецкой войны под собственным флагом, первым флагом Военно-морского флота Греции, на котором было начертано: «Кацонис, освободитель Греции». Русский офицер, талантливый флотоводец, дерзкий и неуступчивый, наживший влиятельных врагов при дворе Романовых, объявленный едва ли не мятежником. Благородный и отважный герой, его жизнь и подвиги стали примером для тысяч греческих патриотов, вступивших в борьбу за освобождение Греции. В приложении впервые публикуются уникальные документы из российских архивов.

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 5-89329-731-8

9 785893 297317

© Ю. Д. Пряхин, 2004
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2004
© «Алетейя. Историческая книга»,
оформление, 2004

Лампи-сынъ: Портретъ Ламбро Качіони.
(Собр. І. І. Лемана)

Лампи-сынъ: Портретъ госпожи Качіони.
(Собр. І. І. Лемана)

Введение

В истории Российского государства, его Военно-морского флота и русско-турецких войн второй половины XVIII в., в славной и драматичной истории греческой нации, навечно остался отважный военный моряк, неслгибаемый греческий патриот, командующий легкой российской флотилией на Средиземноморье, успешно действовавшей в Эгейском море и в Архипелаге в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг., полковник российского флота и кавалер Ламброс Кацонис. Известный в Российской империи и на флоте по сохранившимся российским документам как Ламбро Качони (Ламбро Качиони), подлинный «...гроза турецких моряков», надежда и боевая слава угнетенного, но не смирившегося, борящегося греческого народа.

Пламенный греческий патриот, легендарный герой русско-турецкой войны 1787–1791 годов на Средиземноморском театре военных действий, он стал легендой, притягательным примером для многих поколений греков-участников национально-освободительной борьбы. Исторические оценки роли его побед на море, слава, популярность Ламброса Кацониса не померкли и через века. В современной Греции он не вычеркнут из памяти народной и по-прежнему остается в сознании греков одним из самых известных и почитаемых героев борьбы за независимость своей страны против многовекового ига турецких захватчиков.

Прошло 200 лет со дня смерти отважного моряка, но Ламброса Кацониса не забывают, его боевые подвиги в борьбе с Османской Портой, заслуги перед греческой нацией общепризнанны. Имя его не утратило своей популярности и притягательности, его свято чтят, ставят в пример, учат так же любить свою Родину, отстаивать ее интересы и честь, быть таким же патриотом Эллады, защитником ее народа, каким всегда и во всем был Ламброс Кацонис.

Во многих архивных материалах последней четверти XVIII — начала XIX столетия, хранящихся в российских государственных архивах — в Указах и Высочайших повелениях Екатерины II, Павла I, Александра I; в донесениях, рапортах, письмах с театров военных действий; в протоколах Адмиралтейств коллегии; в приказах и распоряжениях флотского и военного командования; в записях Камер-фурьерских журналов; в служебной и личной переписке государственных и военных деятелей Российской империи того времени; во многих других документах той эпохи можно встретить имя Ламброса Кацониса, отважного офицера российского флота, узнать о его повседневной жизни и боевой деятельности, о его боевых заслугах перед Россией и Грецией, оценить его яркий военный талант и вместе с тем почувствовать сложность и противоречивость этой яркой, неординарной лично-

сти, оценить ее роль в развертывании, усилении вооруженной борьбы греков против своих угнетателей. Разбирая архивные документы, можно ознакомиться не только с победными реляциями и докладами, но и с жалобами и доносами «обиженных» и «пострадавших», столкнуться и с прямо противоположными оценками личности Ламброса Кацониса, его боевой деятельности, с тенденциозными, несправедливыми, порой заведомо лживыми.

Время явилось самым объективным судьей, оно отмело сор, развенчало жалобы, наветы и доносы. Все наносное и надуманное не выдержало проверки временем, ушло в небытие. Время все расставило на свои места, в соответствии с исторической правдой.

Около 35 лет греческий патриот Ламброс Кацонис находился на военной службе России, отличился в двух русско-турецких войнах 1768–1774 и 1787–1791 гг., связал свою службу России с борьбой за независимость Греции; положил начало российской ветви славной греческой фамилии, давшей новому Отечеству немало славных и отважных сынов — российских дворян, честно и добросовестно служивших Российскому государству. Они не были столь известны и популярны, как их героический предок Ламброс Кацонис, но и они вошли в историю России своим героизмом и мужеством, своим талантом. И сегодня в России проживают далекие потомки отважного греческого моряка, национального героя Греции, чья личность неразрывно связана с историческим прошлым как Греции, так и России, и чье имя знаменует собой единение народов-единоверцев, их взаимопомощь и поддержку в трудные для народов и простых людей времена.

Боевые действия легкой российской флотилии в Средиземноморье, ставшие яркой страницей истории Российского военного флота XVIII в. и важным эпизодом национально-освободительной борьбы греческого народа, жизненный путь и служебная, военно-морская деятельность Ламброса Кацониса специально и всесторонне не исследовалась в российской и советской историографии. К сожалению, серьезной научной литературы о Ламбросе Кацонисе до сих пор тоже нет, не считая специального раздела в обстоятельной и интересной книге Г. Л. Арша «Этеристское движение в России», а также небольших статей в справочных изданиях и в опубликованных материалах различных научных конференций, посвященных XVIII столетию и истории Российского флота. Например, в тезисах докладов международной научной конференции «Греки в истории флота России», опубликованных в Санкт-Петербурге в 1999 г.

Имеющаяся зарубежная научно-популярная литература, в том числе и греческая, повествующая о жизни и боевой деятельности Ламброса Кацониса, сосредоточивается в основном на периоде русско-турецкой войны 1787–1791 гг. При этом особое внимание уделяется боевой деятельности Ламброса Кацониса как командующего легкой российской флотилией, рас-

крытию основных боевых эпизодов его плаваний, а также его жизни и деятельности после заключения Ясского мирного договора. При этом практически не освещается и не исследуется его жизнь и деятельность после возвращения в Россию: в Санкт-Петербурге, в Крыму. Документальная база данных работ, на наш взгляд, скудна и однообразна, ибо многочисленные документы о Ламбросе Кацонисе, хранящиеся в российских архивах, использовались зарубежными авторами поверхностно или не принимались во внимание вообще.

Предлагаемое на суд читателей данное исследование, несомненно, имеет определенный биографический уклон и по сути является первой в России попыткой дать на базе неизвестных или мало известных архивных документов развернутый обзор, обоснованную оценку военно-морской деятельности Ламброса Кацониса, биографический очерк о нем, приоткрыть некоторые ранее неизвестные страницы его жизни, взаимоотношений с окружающими его людьми, с элитой империи, российского общества.

В данной работе автор стремился подчеркнуть, что Ламброс Кацонис, как и большинство греков того времени, все свои надежды на освобождение от турецкого ига и получение Грецией независимости связывал в основном с Россией, с ее военной помощью и поддержкой.

Преданность России, активная служба в ее Военно-морском флоте, освобождение Греции от турецкого ига были тесно взаимосвязаны, причудливо переплетались в жизни и сознании Ламброса Кацониса — были главной составляющей в его военной карьере, целью жизни, основным содержанием его повседневной и боевой деятельности. И это хорошо прослеживается на протяжении всей его военной службы.

Стремясь к исторической правде, автор не пытался представить полковника Российского флота и кавалера Ламброса Кацониса только отважным моряком, безупречным во всех отношениях человеком, личностью, лишенной человеческих слабостей и недостатков, заблуждений и просчетов. Опираясь на архивные материалы, автор стремился творчески использовать всю полученную информацию, выводы, оценки и мнения его современников: соратников и почитателей, завистников и врагов, начальников и подчиненных, близких и незнакомых ему людей. Пытался быть во всем предельно объективным, осторожным в своих выводах, обобщениях и оценках.

Автор считает, что выход данной книги должен побудить новых исследователей продолжить изучение личности Ламброса Кацониса, ибо документальные возможности для этого еще есть. В архивах России хранится большой массив документов, до сих пор не изученных исследователями. Хотя к написанию данной книги были привлечены многие, ранее не известные и не публиковавшиеся архивные материалы, возможности информационного поиска для исследователей все еще обширны.

Так, например, документы Ламброса Кацониса на французском, итальянском и новогреческом языках практически не использовались исследователями с момента их сдачи в архив. До сих пор к ним практически не обращались, они не переведены на русский язык. Содержание данных документов не изучалось и не вводилось в научный оборот. Таким образом, названные и другие еще не описанные документы ждут своих исследователей. Они, несомненно, могут явиться источником новых данных и сведений, которые помогут полнее раскрыть личность Ламброса Кацониса, расширить имеющиеся знания о нем.

Явно недостаточно, на наш взгляд, зарубежными авторами и российскими исследователями освещаются и вопросы корабельного состава, базирования флотилии, ремонта судов, проблемы взаимоотношения с населением островов, местными властями, обеспечения продовольствием, водой, боевым снаряжением, такелажом и другим флотским имуществом, обеспечивающим повседневную походную и боевую деятельность экипажей судов, вопросы комплектования матросами, офицерами и абордажными командами; этого необычного боевого корабельного соединения, официально не входившего в состав Российского императорского флота, по сути являющегося «вольной», каперской флотилией, однако успешно решавшего определенные ему командованием боевые задачи на полном самообеспечении во всем.

Поставленная тема весьма обширна и многогранна. Вместе с тем она слабо изучена, не получила должного освещения в научно-исторической литературе, многие архивные документы по данной проблеме до сих пор не введены в научный оборот. Предлагаемый вниманию материал 3 главы данной работы основан на архивных материалах. Это попытка автора в самом общем плане осветить поставленную тему и обратить внимание исследователей на эту важную, но слабо изученную и практически не освещенную в литературе сторону организаторской, управленческой деятельности Ламброса Кацониса в период его командования российской легкой флотилией в 1788–1791 гг. в Средиземноморье. В Приложении автором публикуются в хронологической последовательности некоторые из наиболее важных архивных материалов, использовавшихся им при написании данной работы.

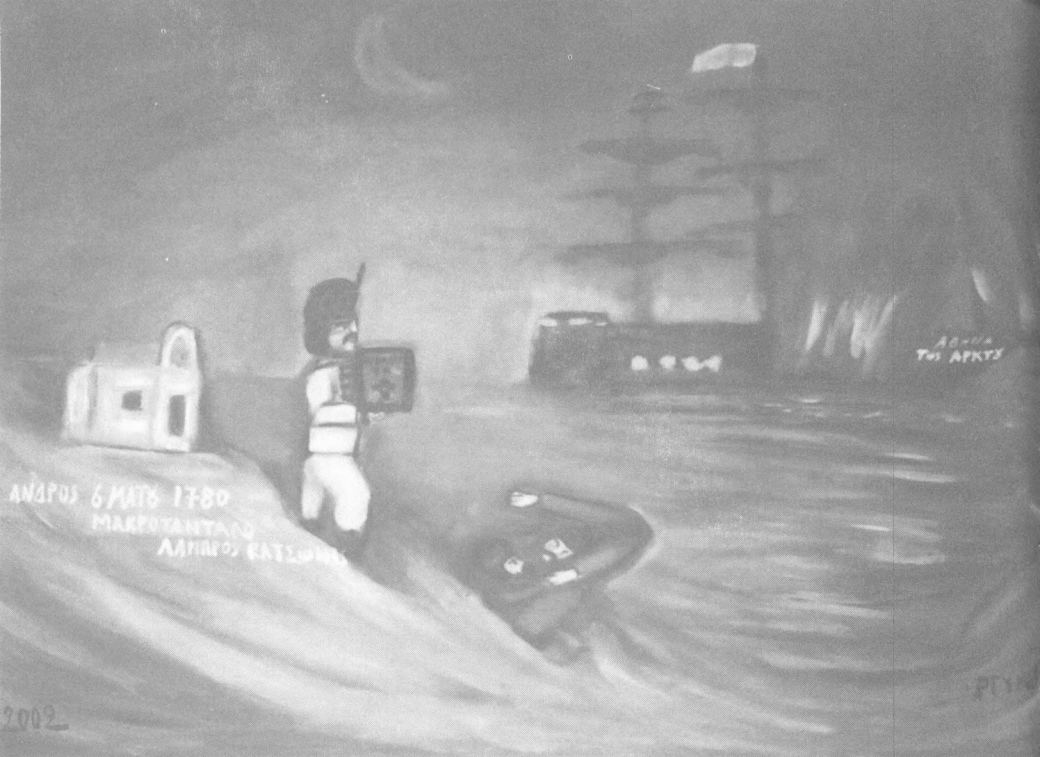
В книге использованы иллюстрации фольклорного плана, любезно предоставленные издательству греческими общественными и государственными организациями и частными дарителями.

Автор благодарит всех за безвозмездно предоставленные иллюстрации, несомненно улучшившие информационную ценность книги, обеспечившие наглядность, позволившую глубже уяснить содержание работы, а также улучшить внешний вид и привлекательность данного издания.

**Глава
первая**

**Боевая молодость,
воинская зрелость
(1770-1787 г.)**

2002

Архивные документы, хранящиеся в России, позволяют с полной уверенностью заявить, что почти 35-летняя воинская служба Ламброса Кацониса Российскому государству, в ходе которой он покрыл себя неувядаемой боевой славой, стал национальным героем Греции, полковником Российского флота и кавалером, началась в 1770 г., в ходе суровых испытаний русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в Морее, в Архипелаге, в период активных действий кораблей и сухопутных частей первой Архипелагской экспедиции Российского флота в Средиземном море.

Именно тогда Ламброс Кацонис, 18-летний юноша-грек из города Левадия (неподалеку от Афин) наряду «...с прочими единоверцами...» поступил волонтером на эскадру адмирала Г. А. Спиридова, впервые оказался на палубе русского военного корабля. Он, как и другие греки, страстно желал принять вместе с россиянами непосредственное участие, в вооруженной борьбе против ненавистных турецких угнетателей, в войне против Османской Порты за независимость Греции, за свободу своего народа. Молодой грек, неплохо знавший острова Эгейского моря, уже имевший морские знания и навыки, опыт плаваний на парусниках, быстро зарекомендовал себя на боевых российских кораблях умелым и отважным моряком.

Он отличился в ходе некоторых морских операций и морских боев, в крейсерствах кораблей российской эскадры. Завоевал среди моряков высокий боевой авторитет и уважение. Однако после гибели родного брата «убитого в действиях» Ламброс Кацонис добился перевода на берег, в сухопутные части, «перешел в бывший Егерский корпус», где также отличился храбростью в боях, зарекомендовал себя отважным и умелым воином во многих сухопутных сражениях на Пелопоннесе, стал сержантом.¹

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира сержант Ламброс Кацонис в составе Албанского (Греческого) войска переселился в 1775 г. в Крым, где продолжил воинскую службу в Керчь-Еникале. Здесь он стойко, вместе со всеми греками пережил трудности и тяготы обустройства на новом, необжитом месте, в покинутой турецким гарнизоном крепости, к тому же полностью разграбленной местным татарским населением. Как можно судить из архивных документов, он постоянно «находился в оном (войске. — Ю. П.) при всех данных сражениях и во время татарского бунта, отличив себя храбростью, был пожалован офицером».²

Действительно, в декабре 1777 г. среди местного татарского населения, активно подстрекаемого протурецки настроенной крымской знатью, константинопольскими эмиссарами и фанатичными муллами, утверждавшими что все многочисленные беды, болезни и трудности населения вызыва-

ются нахождением в Крыму «неверных», стало зреть недовольство, начались стихийные волнения и отдельные вооруженные выступления против России, вскоре переросшие в организованный целенаправленный антироссийский бунт в Крыму.

При подавлении его в составе российских войск совместно с керчь-еникальскими Азовским и Троицким полками действовало и Албанское (Греческое) войско в составе до 600 человек из числа греков, оставшихся на службе в Еникале.³ Среди них умело и отважно сражался опытный сержант Ламброс Кацонис. Проявленные греками в ходе подавления вооруженного мятежа воинское мастерство и мужество по достоинству были оценены российским военным командованием в Крыму.

Так, в аттестате генерал-майора П. С. Потемкина, выданного войску в апреле 1778 г., особо подчеркивается, что греки успешно действовали «очищая горы от самой Кефы чрез Качу и до Янисуля». Отличились потом при четырех атаках, а именно «при деревне Бейсале, в деревне Илисуле, при поражении Нурадин-султана», затем «на Каче за Бахчисараем, и наконец в Черкес-Кермене». Этим же документом генерал-майор П. С. Потемкин удостоверял, что «невозможно иметь более мужества, отважность и усердия к службе, колико оное войско изъявило».⁴

Высказывает не менее лестные слова, дает весьма высокие оценки грекам и их действиям командующий российскими войсками в Крыму князь, генерал-поручик А. А. Прозоровский, впоследствии генерал-фельдмаршал. Он отметил, что греки «во всех сражениях с бунтующими», в любых условиях обстановки «дрались, от вышняго до нижняго, с отменной храбростию» и всем этим наглядно доказали «ревностное к высочайшей службе усердие».⁵

После подавления вооруженного бунта и воцарения в Крыму относительного спокойствия греки вместе с российскими войсками возвращаются к месту своей основной дислокации в Еникале. В донесении командования на имя президента Военной коллегии князя Г. А. Потемкина о действиях войска в Крыму, об итогах подавления в Таврии вооруженного бунта татар в списке среди особо отличившихся храбростью и проявивших умение в боевых действиях в Крыму в 1777–1778 гг. значится сержант Ламбро Качони (Кацонис). Он находился и в числе тех воинов-греков, кто за боевые заслуги представлялся командованием к офицерскому званию. «...Прошу Вашей светлости, — говорится в данном документе, — дать офицерские чины, ибо они заслужили...». Таким образом, в 1778 г. Ламброс Кацонис, хорошо известный в греческом войске по минувшей войне 1768–1774 гг., становится наконец офицером.⁶

3 августа 1779 г. Екатерина II утвердила проект Военной коллегии, предоставленный ей президентом князем Г. А. Потемкиным, о формировании греческого пехотного полка в составе 1762 человек, основу которого долж-

ны были составить греки-переселенцы, все еще числящиеся в составе Албанского (Греческого) войска, способные по возрасту и здоровью носить оружие, решать боевые задачи, желающие продолжить воинскую службу в создаваемой греческой части. Как это видно из документов, целью образования данного полка было: «...с одной стороны вознаградить службу тех греков, кои в Архипелаге сражались за Россию, и доставить им пристанище, а с другой, чтобы посредством их умножить и число полезных поселян».⁷

Формирование полка было поручено полковнику Дмитрову, штаб-квартирой определен форштадт г. Таганрога. Здесь фактически и шло его комплектование, начиная с конца 1779 г. по 1783 г. На сентябрь 1779 г. в списках Албанского войска числилось около 1010 воинов, среди них 102 офицера. Из состава бывшего войска к этому времени «в Керчь-Еникале размещалось 592 человека, в Таганроге — 288, в Збурьевском ретраншаменте — 130 солдат и офицеров, из коих 28 находились в «дальних отлучках», в поездках за своими семьями».⁸

В силу ряда обстоятельств и, прежде всего, отсутствия необходимого контингента для призыва в полку вместо 12 было сформировано 8 рот, носивших названия: афинская, спартанская, коринфская, македонская и др. Общая численность греческого пехотного полка не превышала в период завершения комплектования 850 человек. Числился он в составе иррегулярных войск России, находился в подчинении новороссийского генерал-губернатора. Переведенный после укомплектования в г. Керчь, полк в 1784 г. после присоединения Крыма к России был направлен на определенное ему постоянное место дислокации в город Балаклаву и его окрестности. Он получил задачу нести кордонную службу, охранять южное побережье Крыма от Севастополя до города Керчи, направлять часть своих сил на корабли флота в качестве десанта в ходе военных действий, что и было во время русско-турецких войн.

Личный состав полка, семьи офицеров и солдат, вновь прибывающие греки-переселенцы составили подавляющую часть населения города Балаклавы и близлежащих сел. В свободное от военной службы время греки занимались сельским хозяйством, виноградарством, виноделием, торговлей и другим мирным трудом.

Офицер Ламброс Кацонис, решивший посвятить себя воинской службе России, являлся активным участником всех мероприятий по реорганизации войска, созданию греческого пехотного полка в Крыму. В ходе формирования греческого пехотного полка в Таганроге Ламброс Кацонис проявляет неплохое знание военного дела, хорошие воинские качества. Природные способности и старание в службе выгодно выделяют Ламброса Кацониса из числа других офицеров греческого полка. Его отмечает командование, он растет в воинских званиях.

В 1781 г. Ламброс Кацонис производится в поручики и в том же году командировается в Персию под начальством графа М. Войновича «с дипломатическим поручением склонить Ага-Мохаммед-хана к действиям против Порты», при выполнении которого хорошо справляется с возложенной на него миссией, завоевывает авторитет, благодарность императрицы, высшего военного руководства. Так, 24 февраля 1785 г. повелением Екатерины II «албанской команды поручику Качонину» пожаловано из «комнатной суммы» в награду «200 червонных, на пятьсот восемьдесят рублей»⁹.

21 апреля 1785 г. грамотой императрицы Екатерины II № 79 Ламбро Качони за усердие и заслуги на военном и дипломатическом поприще перед государством был «пожалован в благородное российское дворянство и внесен во 2-ю часть Родословной книги Таврического дворянства».¹⁰

А в 1786 г. Ламброс Кацонис приказом президента Военной коллегии Г. А. Потемкина-Таврического «за заслуги в персидской экспедиции» производится в очередной чин капитана. Светлейший князь лично убедился в его преданности России, в дипломатических, воинских и человеческих качествах грека-офицера, по достоинству оценил его незаурядные способности. Стал привлекать Ламброса Кацониса, который по-прежнему продолжал воинскую службу в греческом пехотном полку, к выполнению отдельных поручений.¹¹

Позднее, в ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Ламброс Кацонис, уже отличившийся на военном и дипломатическом поприще, достаточно авторитетный офицер греческого пехотного полка, в полной мере заявил о себе.

В полном соответствии с оперативными планами боевого развертывания на военное время и полученными приказами командования греческий пехотный полк с началом Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. перешел в режим деятельности по планам военного времени, к выполнению поставленных перед ним боевых задач. Часть сил полка была направлена на усиление пограничных кордонов на южном побережье Крыма от Севастополя до Керчи, на обеспечение «защиты Балаклавы». Наряду с этим греческому пехотному полку предписывалось «в случае нужды, отделить часть сил на Южную сторону Севастопольской гавани».¹²

До 30% своего личного состава полк должен был направлять на боевые корабли Черноморского флота, для усиления десантных и abordажных команд. Поэтому греки, находясь на кораблях эскадры контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова, а также на крейсерских судах, являлись участниками многих победоносных сражений с турецким флотом: у острова Фидониси, в Керченском проливе, у Тендры, во время полного разгрома турецкого флота 31 июля 1791 г. у мыса Калиакрия. Участвовали также во многих других морских боях, в крейсерстве российских кораблей и судов на морских ком-

муникациях. Так, например, летом 1790 г. греческий пехотный полк направил из своего состава на Черноморский флот 352 «обер-офицера и рядовых служителей» во главе с командиром полка подполковником Константином Чапони, из которых на корабли севастопольской эскадры были распределены 198 человек: 23 офицера, 175 сержантов, капралов и рядовых. Остальные были направлены на крейсерские, гребные и другие суда.¹³

В соответствии с данным порядком Ламброс Кацонис в августе 1787 г. незадолго перед началом военных действий турецкими войсками был направлен в Херсон с личным составом на строящиеся и ремонтирующиеся корабли. Это не отвечало воинственным устремлениям энергичного и честолюбивого боевого офицера, желавшего принять самое непосредственное участие в начавшихся сражениях с турками по защите Кинбурнской косы, в действиях гребной эскадры под командованием контр-адмирала Н. С. Мордвинова, которая активно препятствовала высадке турецкого десанта, срывала главную цель турецкого командования — захватить расположенную на Кинбурнской косе крепость и господствовать в данном морском регионе.

Капитан Ламброс Кацонис предпринимает самые энергичные меры, чтобы оказаться в эскадре контр-адмирала Н. С. Мордвинова, быть в центре боевых событий и действий. Он письменно обращается к Главнокомандующему — светлейшему князю Г. А. Потемкину-Таврическому с просьбой поспособствовать ему, дать возможность поучаствовать в морских боях, напоминает о себе.

Ордер князя Потемкина-Таврического от 18 сентября 1787 г. в адрес контр-адмирала Н. С. Мордвинова, раскрывающий просьбу и устремления Ламброса Кацониса и других воинов греческого пехотного полка, полностью удовлетворил грека-офицера. Он получил даже больше, чем хотел — командование небольшим боевым судном. «Капитан Ламбро Качони, — говорится в данном документе Г. А. Потемкина, — и самые греки, что убежали в Кинбурн с флота Очаковского, желают и просят быть употреблены в действиях против турков. Удовлетворяя ревностнейшему их усердию, Вашему превосходительству предписываю вооружить какое-нибудь небольшое судно и снабдить их оным. Они считают собраться в числе 50 человек и готовы вдаться во всякую опасность лишь бы только неприятелю сделать вред чувствительный».¹⁴

Как показали дальнейшие события войны, данные заявления грека-офицера не были пустыми обещаниями. Они вскоре были подтверждены дерзкими и умелыми действиями капитана Ламброса Кацониса и экипажа его судна, входящего в состав Очаковской эскадры, уже в конце 1787 г.¹⁵ Это видно из донесений командующего эскадрой контр-адмирала Н. С. Мордвинова, направленных в адрес Главнокомандующего князя Г. А. Потемкина в начале октября 1787 г., описывающих боевые эпизоды и отважные дейст-

вия греческих моряков и их командира Ламброса Кацониса: «...Я послал в ночь, — говорится в донесении адмирала Н. С. Мордвинова от 9 октября 1787 г., — капитана Ламбро Качиони, командира судна, именуемого “Князь Григорий Потемкин-Таврический”, на шлюпке взять и привести в эскадру мою судно, стоящее под батареею Гасан-Паши». Речь здесь идет о турецком купеческом судне, находившемся под защитой береговой батареи турок. Несмотря на артиллерийский обстрел, ожесточенное сопротивление команды, Ламброс Кацонис сумел в целом решить поставленную ему командованием задачу. «Подошел к оному судну, — говорится далее в донесении, — нашли, что оное стоит на мели, а люди все побросались на берег; почему и принуждены были его сжечь, которое и посейчас горит». ¹⁶ В другом своем донесении адмирал Н. С. Мордвинов информирует Главнокомандующего Г. А. Потемкина: «...капитана Ламбро Качони и Спиро Рицардопуло, командира судна “Пчела”, посылал я ночью на шлюпках взять с берега языка и судно, пришедшее вчерашнего числа к Очакову. Судно взяли и ведут в эскадру мою... прочие суда, стоящие под Очаковым, убежали в море, и шлюпки отряженные не могли достичь их...» ¹⁷

Подобные боевые эпизоды в деятельности Ламброса Кацониса в конце 1787 — начале 1788 г. не были единичны. Взаимодействуя с другими греческими крейсерскими судами, Ламброс Кацонис отважно пускался в море, успешно решал поставленные перед ним боевые задачи, наносил урон торговому судоходству противника. Его успешная боевая деятельность высоко оценивается руководством. В конце 1787 г. он производится Главнокомандующим генерал-фельдмаршалом князем Г. А. Потемкиным-Таврическим в очередной чин майора. ¹⁸ Авторитет его растет вместе с боевой практикой, опытом разнообразных боевых действий на море.

Опираясь на оправдавшую себя практику действий греческих крейсерских судов против турок в Черном море, у высшего командования возникает идея создания подобных отрядов крейсерских судов из числа капер и в водах Средиземного моря. В условиях отсутствия регулярного российского флота на данном театре это давало возможность организовать боевые действия в Левонте, прежде всего в Архипелаге, по нарушению морских коммуникаций противника, по подрыву его торгового судоходства, ухудшению снабжения турецких войск и населения крепостей, Константинополя, прибрежных населенных пунктов и их гарнизонов продовольствием, оружием и военным снаряжением; осуществлять эффективную морскую блокаду островов Архипелага, проливов и другие боевые действия на море.

По предложению контр-адмирала Н. С. Мордвинова, энергично поддержанному генерал-фельдмаршалом Г. А. Потемкиным-Таврическим, для решения этих сложных и ответственных задач борьбы с противником на средиземноморском театре военных действий избирается хорошо зареко-

мендовавший себя в подобных боевых операциях на Черном море майор Ламброс Кацонис — умелый и опытный моряк, по оценке флотского командования, «весьма отважный и храбрый человек»¹⁹. И выбор этот оказался исключительно удачным.

Ламброс Кацонис с блеском выполнил все возложенные на него боевые задачи, проявляя при этом разумную инициативу и самостоятельность, решительность и настойчивость, мужество и ответственность в принятии и реализации своих боевых решений; определенную дипломатическую гибкость и политическую дальновидность, широту взглядов в ходе всех четырех боевых морских кампаний каперской флотилии.

Первичное финансирование задуманной экспедиции Ламбрoса Кацониса, включавшей покупку судна, пригодного к боевым корсарским действиям, осуществил на свои личные и привлеченные средства контр-адмирал Н. С. Мордвинов. Под его письменные обязательства были также получены деньги и от генерал-майора Маринова, бригадира Бентона и других лиц, пожелавших участвовать в данном предприятии. Данные деньги были приобщены к средствам Н. С. Мордвинова и обеспечили финансирование предприятия.

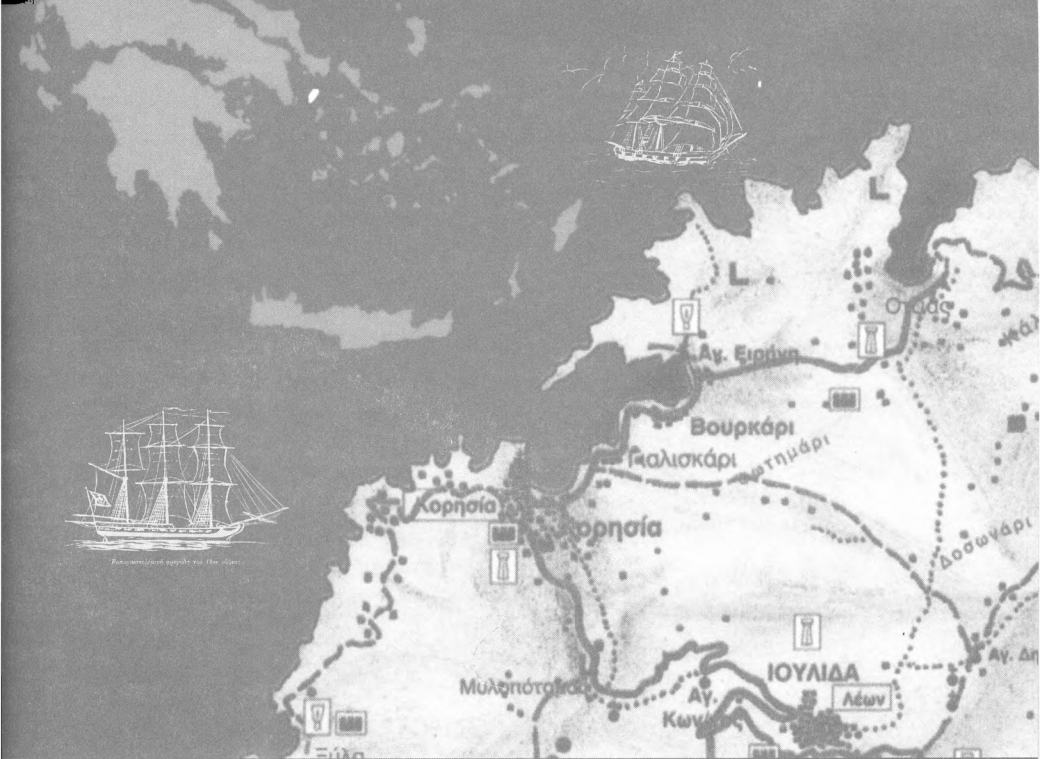
Именно от своего начальника контр-адмирала Н. С. Мордвинова Ламброс Кацонис получил в долг, под определенные устные и письменные обязательства, необходимую ссуду. Это дало ему возможность начать организацию каперских действий в Средиземном море под покровительством командования и лично светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического, с полного одобрения императрицы Екатерины II.²⁰ Дело государственной важности готовилось в обстановке строгой секретности, не было предметом обсуждения в официальных кругах, не подлежало огласке.

Первоначальное финансирование проекта и последующие эпизоды посылки средств Ламбросу Кацонису давали все основания контр-адмиралу Н. С. Мордвинову считать, а позднее публично утверждать о своей решающей роли в создании и деятельности каперской легкой флотилии Ламбрoса Кацониса, заявлять, что он обманут, что он не получил причитающееся ему. «...Ламбро был отправленный и поставленный нами корсар, — писал в феврале 1798 г. руководителям соответствующих государственных ведомств и органов адмирал Н. С. Мордвинов, — а мы были хозяева, вооружители...», подчеркивал, что «Ламбро не может оспаривать право наше...».²¹ Но выяснения отношений между адмиралом Н. С. Мордвиновым и полковником Ламбросом Кацонисом будут позднее. В начале же 1788 г., получив официально от командования длительный отпуск и соответствующие инструкции, имея три патента на каперские суда, могущие действовать под российским флагом, майор Ламброс Кацонис в феврале 1788 г. сухопутным путем, лежащим через Вену, направляется в Триест навстречу судьбе, где

и открывается новая боевая страница его славной, героической жизни. Он ехал в Триест полный надежд, внутренне готовый «для формирования флотилии и действий оною против неприятельских судов, под российским военным флагом»²². И надежды эти оправдались.

Примечания

- ¹ Общий морской список, СПб., 1890. Ч. IV. С. 217; Российский Государственный архив ВМФ (РГА ВМФ), ф. 212, канц. II отд., д. 327, л. 1–5.
- ² Общ. морск. список, СПб., 1890. Ч. IV. С. 217; РГА ВМФ, ф. 212, канц. II отд., д. 327, л. 1; Военная энцикл. СПб., 1911. Т. 1. С. 240.
- ³ Российский Государственный исторический архив (РГИА), ф. 383, оп. 29, д. 927, л. 36.
- ⁴ Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД), Одесса, 1844. Т. 1. С. 218–219.
- ⁵ Там же. С. 218–220.
- ⁶ Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 52, оп. 1, д. 165, ч. I, л. 166–167; Общий морской список, СПб., 1890. Ч. IV. С. 217.
- ⁷ РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 176, л. 84.
- ⁸ РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 202, ч. III, л. 1, 2.
- ⁹ Общий Морск. список, СПб., 1890. Ч. IV. С. 217; РГИА, ф. 468, оп. 1, д. 3900, л. 96.
- ¹⁰ РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 2393, л. 12.
- ¹¹ РГА ВМФ, ф. 212, канц. 2 отд., д. 327, л. л. 1, 3; РГИА, ф. 468, оп. 1, д. 3900, л. 96; Военная энциклопедия, СПб., 1911. Т. 1. С. 240.
- ¹² Известия Таврической Ученой архивной комиссии (ИТУАК), № 8. 1889. С. 59.
- ¹³ РГА ВМФ, ф. Контора Таганрогского порта, д. 60, л. 80–81; *Ушаков Ф. Ф.* Документы. М.: Военмориздат, 1951. С. 147, 291, 292, 398, 409.
- ¹⁴ Материалы для истории русского флота. СПб., 1895. Ч. XV. Л. 54.
- ¹⁵ РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 511, л. 196.
- ¹⁶ Материалы для истории русского флота, СПб, 1895. Ч. XV. Л. 74.
- ¹⁷ Там же. Л. 76.
- ¹⁸ РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 13, л. 91, 97–98; Общий морской список. СПб., 1890. Ч. IV. С. 217.
- ¹⁹ РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 511, л. 196, 197; РГА ВМФ, ф. 212, канц. 2 отд., д. 327, л. 1.
- ²⁰ РГИА, ф. 1374, оп. 1 д. 511, л. 196.
- ²¹ Там же. Л. 197.
- ²² РГА ВМФ, ф. 212, канц. 2 отд., д. 327, л. 1; РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 511, л. 196, 197.

Глава вторая

Жизнь и боевая деятельность в Средиземноморье (1788-1794 г.)

ΛΑΜΠΡΟΣ ΚΑΤΣΟΝΗΣ

ΛΙΒΑΔΕΙΑ 1752 - ΚΑΡΑΣΟΙ' ΚΡΙΜΑΙΑΣ 1804

ΔΙΑΣΗΜΟΣ ΘΑΛΑΣΣΟΜΑΧΟΣ ΠΡΟΤΑΓΟΝΙΣΤΗΣ
ΑΠΕΛΕΥΘΕΡΟΤΙΚΟΥ ΚΙΝΗΜΑΤΟΣ ΚΑΤΑ ΤΗ ΔΙΑΡΚΕΙΑ ΤΟΥ
ΡΩΣΟΤΟΥΡΚΙΚΟΥ ΠΟΛΕΜΟΥ. ΕΝΩ ΥΠΗΡΕΤΟΥΣΕ ΣΤΟ ΡΩΣΙΚΟ
ΝΑΥΤΙΚΟ ΕΚΑΝΕ ΟΡΜΗΤΗΡΙΟ ΤΟΥ ΤΟ ΛΙΜΑΝΙ ΤΗΣ ΚΕΑΣ
ΚΑΙ ΠΑΝΤΡΕΥΤΗΚΕ ΤΗ ΜΑΡΟΥΩ, ΘΥΓΑΤΕΡΑ ΤΟΥ
ΠΡΟΚΡΙΤΟΥ ΠΕΤΡΟΥ ΣΟΦΙΑΝΟΥ. ΣΤΙΣ 17 ΜΑΪΟΥ 1790
ΜΕΤΑ ΑΠΟ ΑΙΜΑΤΗΡΗ ΝΑΥΜΑΧΙΑ ΜΕ ΜΟΙΡΑ ΤΟΥ
ΤΟΥΡΚΙΚΟΥ ΣΤΟΛΟΥ ΑΠΟΚΛΕΙΣΤΗΚΕ ΣΤΟ ΛΙΜΑΝΙ ΤΗΣ
ΚΕΑΣ ΚΑΤΑΦΕΡΕ ΟΜΩΣ ΝΑ ΔΙΑΦΥΓΕΙ ΚΑΤΑ ΤΗ
ΔΙΑΡΚΕΙΑ ΤΗΣ ΝΥΧΤΑΣ ΜΕ ΤΕΧΝΑΣΜΑ ΑΦΟΥ
ΠΕΡΑΣΕ ΤΟ ΚΑΡΑΒΙ ΤΟΥ ΑΠΟ ΤΟΝ ΚΟΛΠΟ ΣΤΟ
ΠΕΛΑΓΟΣ ΣΥΡΟΝΤΑΣ ΤΟ ΠΑΝΘ ΑΠΟ ΑΥΤΟΝ
ΤΟΝ ΣΤΕΝΟ ΙΣΘΜΟ ΣΤΗΝ ΠΕΡΙΟΧΗ ΤΗΣ
ΚΟΚΑΣ. ΟΙ ΚΕΙΟΙ ΠΛΗΡΩΣΑΝ ΜΕ ΣΦΑΓΕΣ ΚΑΙ
ΚΑΤΑΣΤΡΟΦΕΣ ΤΗΝ ΑΦΟΣΙΩΣΗ ΚΑΙ
ΥΠΟΣΤΗΡΙΞΗ ΤΟΥΣ ΠΡΟΣ ΤΟΝ ΘΑΛΑΣΣΟΜΑΧΟ.
Ο ΕΠΙΣΚΟΠΟΣ ΤΟΥ ΝΗΣΙΟΥ ΓΡΗΓΟΡΙΟΣ
ΜΙΓΔΑΣ ΑΠΑΓΧΟΝΙΣΤΗΚΕ ΑΠΟ ΤΟΥΣ
ΤΟΥΡΚΟΥΣ ΩΣ ΕΥΛΟΓΗΣΑΣ ΤΟ ΓΑΜΟ ΤΟΥ
ΛΑΜΠΡΟΥ

ΕΛΛΗΝΙΣΤΗΣ

ΕΠΙΟΙΚΗΤΗΣ

ΔΕΡΕΑ
ΑΡΧ. ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ
ΤΖΟΥΒΑΡΑ ΕΚ
ΕΡΧΟΜΕΝΟΥ ΒΟΙΩΤΙΑΣ

Прибыв в январе 1788 г. в г. Триест, Ламброс Кацонис весьма энергично действует и вскоре подыскивает подходящий для каперства быстроходный корабль, хорошо вооружает его, подбирает опытную команду моряков единомышленников — греков, готовит ее к корсарским походам, и все это на свои личные деньги, полученные в долг от контр-адмирала Н. С. Мордвинова, а также на средства, собранные греческой общиной и полученные от частных пожертвований. Однако уже в ходе подготовки к боевому походу у Ламброса Кацониса появились завистники, недоброжелатели. Среди них были и некоторые официальные лица из российских военных и дипломатических представительств в регионе, которые всячески препятствовали ему, среди них — граф Войнович, бывший консул в Архипелаге.

Возмущенный подобными действиями Ламброс Кацонис был вынужден в феврале 1788 г. проинформировать об этом Главнокомандующего генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина-Таврического. «...Сколько я здесь понес обиды, — пишет он, — от господина полковника графа Войновича. Он единственно по ненависти в делах моих... вместо чтобы помочти, мне сколько мог старался вредить. Все меры прилагал он, как я самонернейше извдал, приостановить меня, чтоб я не отправился в корс...».¹ Однако, преодолев все трудности и неожиданные препятствия, Ламброс Кацонис завершил подготовку к боевому походу и в установленный срок вышел в море.

В апреле 1788 г. в своем письме контр-адмиралу Н. С. Мордвинову Ламброс Кацонис информирует черноморское флотское командование о проделанном: «...во всем собственным моим коштом купил, вооружил и людьми вольными укомплектовал одно трехмачтовое судно, нимало чем меньшее от военного фрегата, именующееся “Минерва Северная”...».²

К этому времени полностью подготовленный к длительным и опасным каперским действиям фрегат «Минерва Северная» уже находился в боевом плавании «под российским военным флагом». 28 февраля 1788 г. он вышел из Триеста в свой первый боевой поход «корсировать против турков», получив необходимые инструкции, напутствия представителя Российского военного командования в регионе. Так началась первая боевая кампания 1788 г. Ламброса Кацониса в Средиземном море, в Архипелаге, имевшая исключительный успех. Появление его кораблей на морских коммуникациях было для противника неожиданным и весьма неприятным сюрпризом, что серьезно осложнило для турок обстановку на морских коммуникациях в целом, в Средиземноморье и в Архипелаге.

Незадолго перед выходом в море его корабль неожиданно посетил Иосиф II, осматривавший порт и инспектировавший свои боевые корабли.

Докладывая 28 февраля 1788 г. перед выходом в боевой поход главнокомандующему князю Г. А. Потемкину-Таврическому об этом неординарном событии, Ламброс Кацони в своем донесении пишет, что император Иосиф II «при осматривании в порте судов соизволил обозреть и мое судно... оное мое судно Его Величеству понравилось лучше всех ихних 10, которые приуготовлены здесь. О сем без всякого пристрастия признаюсь Вашей Светлости, — с гордостью подчеркивает Ламброс Кацони, — и сие весь Триест знает...»³ Обращаясь в этом письме к генерал-фельдмаршалу Г. А. Потемкину-Таврическому, Ламброс Кацонис перед началом опасного и длительного боевого похода заверяет Главнокомандующего в своей преданности и верности долгу. Он пишет: «Поручая себя в милостивое Вашей Светлости благоволение с истиннейшим моим высокопочитанием и должною преданностью даже до последней капли крови моей».⁴

Он 28 февраля 1788 г. информирует светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического: «...Сего числа отправился я корсировать против турков; вслед за мною отправятся еще два судна наши, чтоб быть вместе со мною».⁵

Соединившись с данными судами, зайдя в гавани островов Кефалония, Закинф и Кифера (Китира), корабли Ламброса Кацониса начинают активное боевое крейсерство и вскоре «захватывают в приз» два небольших турецких судна, пригодных для боевых действий. Ламброс Кацонис дает им наименования «Великий князь Константин», «Великий князь Александр», вооружает первый 22, второй 16 морскими пушками и принимает командование над образованной флотилией. К этому времени к ней уже присоединились в Цефалонии (Кефалонии) два греческих судна, чьи владельцы изъявили желание стать каперами и действовать под руководством Ламброса Кацониса. Докладывая об этом 23 апреля 1788 г. из Цефалонии (Кефалонии) контр-адмиралу Н. С. Мордвинову, Ламброс Кацонис пишет, что греческие судовладельцы пожелали «быть в службе нашей, и ныне имеют корсировать вместе со мною, состоя под моею командою». Дав присоединившимся судам наименования «Князь Потемкин-Таврический» и «Граф Александр Безбородко» и вооружив каждое 16-ю пушками, Ламброс Кацонис привел судовладельцев к «присяге на верность службе», выдал им специальные патенты (каперские свидетельства),⁶ дававшие им право от имени воюющего Российского государства, под его военно-морским флагом захватывать и уничтожать боевые и торговые суда Османской Порты, а также суда нейтральных стран, перевозящих грузы для неприятеля и действующих в его интересах.

Вознаграждением, добычей, «боевым призом» для каперских кораблей Ламброса Кацониса были захваченные суда противника и перевозимые на них грузы, большая часть которых после тщательного досмотра изымалась или уничтожалась, как правило, сжигалась. Уничтожались и суда, оказав-

шиеся непригодными к боевой каперской деятельности или получившие серьезные повреждения в ходе их захвата. Команда бралась в плен, позже отпускалась, иногда безжалостно уничтожалась.

Так, например, было «предано огню» захваченное в результате боя 30 апреля 1788 г. кораблями Ламброса Кацониса 3-мачтовое турецкое судно, из-за наличия пробоины, большой течи ниже ватерлинии и невозможности ее заделать в тех условиях. При этом с судна было предварительно снято вооружение и все более-менее ценное⁷. И такого порядка строго придерживались на флотилии.

3 мая 1788 г. Ламброс Кацонис доносит своим рапортом главнокомандующему князю Г. А. Потемкину-Таврическому из Занте (Закинф) об увеличении числа судов своей флотилии, ее действиях. «...Уже ныне в ведомстве моем десять судов, которые мною в Архипелаге взяты в призу, вооружены и ныне корсируют вместе со мною»,⁸ — с удовлетворением и гордостью докладывает он генерал-фельдмаршалу.

Весьма подробно, в деталях описывает Ламброс Кацонис в данном письме светлейшему князю Г. А. Потемкину серьезный боевой эпизод — захват в конце апреля 1788 г. своими четырьмя судами хорошо вооруженного корабля под турецким флагом, как оказалось, с командой в 170 человек, которые постоянно разбойничали в Архипелаге и «крайне разоряли по здешним местам христиан». После преследования и ожесточеннейшего морского боя турецкое судно было захвачено и затем уничтожено вместе с остатками своего уцелевшего после сражения экипажа.

Эти весьма жестокие действия, по мнению Ламброса Кацониса, были необходимы и вполне оправданы в условиях того времени, явились серьезным предупреждением для всех тех, кто прежде безнаказанно занимался настоящим морским разбоем, похищал женщин, беззастенчиво грабил мирных жителей островов Архипелага.

«Христиане здешних мест, — информирует Г. А. Потемкина-Таврического Ламброс Кацонис, — чрезвычайно довольны, что мне удалось сыскать и победить тех турок, о которых выше объяснил. Ибо они крайнее разорение причиняли оным христианам».

Подводя своеобразный итог своей двухмесячной боевой деятельности, майор Ламброс Кацонис заключает: «Таковое мое на всем моем иждивении к службе усердие и таковые доселе мною учиненные дела»⁹. А они впечатляли. Слава о флотилии и ее командующем уже гремела в Архипелаге, наводя ужас на турок.

В июне 1788 г. в составе флотилии Кацониса находилось 10, с хорошими мореходными качествами, отлично вооруженных судов, укомплектованных свыше чем 500-ми опытными моряками, что делало флотилию грозной силой, способной решать многие поставленные перед ней задачи: нарушать

торговое судоходство противника, срывать доставку различных грузов, продовольствия для прибрежных и островных населенных пунктов, военных гарнизонов и крепостей Порты, затруднять снабжение военным снаряжением и переброску войск, блокировать прибрежные населенные пункты, острова Эгейского моря, турецкие крепости и многое другое. Дерзкие каперские операции флотилии Л. Кацониса внушали ужас турецким морякам и их союзникам, серьезно осложнили обстановку на морских коммуникациях Эгейского моря, сделали его имя весьма популярным и авторитетным среди греков, жителей островов Архипелага, грозным для турок, широко известным для населения государств Средиземноморья.

Небольшая, но мобильная и достаточно сильная по своей огневой мощи флотилия в этот период успешно действовала также против военных турецких кораблей, прибрежных гарнизонов противника и даже его крепостей.

В июне 1788 г. флотилия Ламброса Кацониса прошла севернее острова Родос к Малоазиатскому побережью и осадила турецкую крепость на острове Костеллорзо (Кастелоризон). 24 июня после продолжительного ожесточенного сражения, осознав бессмысленность дальнейшего сопротивления, турки капитулировали и спустили флаг, передали ключи крепости командующему флотилией.

Вот как сам Ламброс Кацонис описывает данный боевой эпизод в своем донесении от 27 июня 1788 г. светлейшему князю Г. А. Потемкину-Таврическому: «...Турецкую крепость атаковал, где и происходило несколько часов военное действие, но наконец турки, видя себя, что не были в состоянии продолжать оное, покорились, сняли с крепости флаг свой и через греческого митрополита вручили мне ключи от крепости. Турков всех было 230 человек, а с фамилиями находилось до 500 душ...»¹⁰ Все пленные — турецкий гарнизон и местные жители по решению Ламброса Кацониса были с миром отпущены победителями.

Флотилии Качиони удалось в значительной мере воспрепятствовать Османской Порте перебрасывать «военные силы с островов Архипелажских в Черное море», «перехватывать все транспортные и торговые суда, следовавшие к Западным берегам Анатолии».¹¹ Трипольские, тунисские, алжирские суда, доставлявшие туркам различные припасы, военные грузы, также часто становились добычей корсарской флотилии во время ее дальнейшего плавания к Кипру, Сирии, Египту.

Османская Порта, серьезно обеспокоенная сложившимся положением дел на своих морских коммуникациях, уроном, наносимым ей каперами, «вынуждена была вооружить и направить из Константинополя в Архипелаг... 18 великих и малых военных судов и оттого, — как справедливо отмечают документы, — понесла немалые убытки»¹², отвлекая значительные морские силы от Черноморского театра военных действий.

Можно привести целый ряд боевых эпизодов, побед каперской флотилии, по сути обеспечивших морское господство в Эгейском море в районе Архипелага. Например, в августе 1788 г. близ острова Скарпанто (Карпатос) флагманский корабль флотилии Ламброса Кацониса «Минерва Северная» под его командованием провел неравный бой с пятью турецкими военными кораблями и выиграл неравное сражение, обратив противника в бегство.

Докладывая главнокомандующему светлейшему князю Г. А. Потемкину-Таврическому о данном морском сражении, Ламброс Кацонис следующим образом, достаточно подробно описывает его ход и конечные результаты: «...близ острова Скорпанта, где случившись один без моей флотилии только с двумя призами, встретился с 8-ю турецкими военными судами. Из которых три отделились тогда, чтобы догнать и те мои два приза, а с прочими пятью от полудня до наступления ночи непрерывно сражался и защищался, и напоследок турки сбиты и замешаны, что едва могли направить парусы и обратились с немалым убытком в бег; с моей же стороны последовала очень малая потеря...»¹³

Несколько позднее, 31 августа в водах острова Карпафос (Карпатос) каперская флотилия провела сражение с 6-ю турецкими боевыми судами, значительно превосходящими ее по своей огневой мощи. И в данном морском бою с противником, «в числе коих был один большой линейный корабль», как свидетельствуют документы, Ламброс Кацонис, действуя искусно, «одержал над ними верх».¹⁴ Хотя и его корабли получили в этом тяжелом сражении весьма серьезные повреждения, понесли некоторые потери в людях, но не дрогнули, не отступили.

Активные действия флотилии Ламброса Кацониса в немалой степени дезорганизовали турецкое судоходство в водах Эгейского моря, подвергли опустошению многие прибрежные районы, посеяли страх и панику среди многих турецких моряков, жителей турецких поселений.

В сентябре, продолжая активные каперские действия, флотилия Ламброса Кацониса организовано, всем своим составом вернулась на остров Закинф, по сути закончив боевую кампанию 1788 г., которая в целом оказалась исключительно успешной и высокорезультативной.

Вместе с тем появились новые завистники, недоброжелатели, недовольные, явные противники, в том числе и среди некоторых греков, тесно сотрудничавших с турецкими властями. На Ламброса Кацониса стали поступать доносы, различные упреки и жалобы на стремление к личному обогащению, на излишнюю жестокость, обвинения в пиратстве, тем более что иногда он сам и его подчиненные давали для этого некоторый повод своими не всегда обоснованными действиями. Более того, имели место и волюнтаристские, не во всем и не всегда справедливые решения и поступ-

ки, неоправданная жестокость, особенно в отношении экипажей судов нейтральных стран, местных жителей, обвиняемых в связях с турками, в содействии турецким властям, в подавлении идей национально-освободительной борьбы.

Громкая слава, заслуженный авторитет, реальная неограниченная власть, безмерная любовь и почитание многих греков, серьезный боевой успех — все это оказало, видимо, определенное негативное воздействие на Ламброса Кацониса, вскружило голову. Он стал считать себя непогрешимым «хозяином», «комендантом всего Архипелага», нередко стал отвергать разумные советы, в том числе и своих сподвижников, что несомненно обижало многих, отталкивало их от слишком категоричного и самолюбивого командующего. Это распыляло силы, обуславливало уход от него отдельных судовладельцев вместе с кораблями, вызывало трения и противостояние с представителями Российского военного и флотского командования в Средиземноморском регионе.

В конце концов жалобы и наветы на Ламброса Кацониса доходят не только до Г. А. Потемкина-Таврического, но и до Екатерины II, и становятся предметом особого разбирательства.

Особое беспокойство у императрицы вызывали официальные жалобы и официальные протесты военных представителей и послов нейтральных стран. Последней каплей, вызвавшей официально высказанное «неблаговоление Ея императорского Величества» по отношению к Ламбросу Кацонису, было необоснованное взятие им крупных «призовых денег» с сицилийского купеческого судна, приписанного к порту Рагуза,¹⁵ это вызвало жалобу, громкий скандал и специальное расследование. Даже несмотря на то что, желая замять начавшийся скандал, Ламброс Кацонис «для удовлетворения капитана вышеупомянутого рагузинского судна» полностью выплатил ему изъятые средства, возместил судовладельцу весь понесенный им ущерб.¹⁶ Однако этим случаем дело не закончилось. Жалобы от представителей различных нейтральных стран продолжались. Обеспокоенная этим Екатерина II своим указом от 23 мая 1788 г. направляет в Ливорно капитана флота в ранге генерал-майора С. С. Гибса «для прекращения притеснений, оказываемых подданным нейтральных держав арматорами, плавающими под русским военным флагом».¹⁷ С ним направляются в достаточном количестве экземпляров изданные для «Партикулярных корсеров» специальные правила с собственноручной резолюцией императрицы «Быть по сему», с приложением переводов «этих правил на французский, итальянский и греческий языки»¹⁸.

27 мая того же года Екатерина II подписывает Указ «О взысканиях, которым могут быть подвергнуты корсеры», нарушившие Высочайше утвержденные правила.¹⁹

Можно заключить, что вышеназванными документами действия каперских кораблей, плавающих под российскими военными флагами, были во многом строго регламентированы, а права и обязанности арматоров четко обозначены, ограничены рамками установленных для них правил. От каперов строго требовалось, чтобы они, «быв воздержаны от притеснения нейтральных подданных, действовали против неприятеля»²⁰. Все это в общем не соответствовало общепринятым правилам в отношении действий каперских кораблей и решаемых ими задач в ходе бескомпромиссной войны на море. Однако особые политические соображения, желание успокоить население Средиземноморских стран, хотевших сохранить традиционные торговые связи, даже в условиях русско-турецкой войны и боевых действий на море, вынудили Екатерину II ослабить бескомпромиссную войну на морских коммуникациях и тем прекратить жесткую экономическую блокаду Османской Порты. И это, конечно, было уступкой императрицы общественному мнению заинтересованных нейтральных держав, надеждой получить весомый политический выигрыш.

Следует заметить, что новые инструкции для каперских кораблей резко уменьшили число судовладельцев, желающих стать арматорами, заниматься опасным каперским промыслом, сократилось количество выдаваемых для этого патентов (каперских свидетельств), что в конечном счете сказалось отрицательно на дальнейшем росте числа судов каперской флотилии, что и отмечали в своих докладах главнокомандующему князю Г. А. Потемкину-Таврическому, Екатерине II представители военно-морского командования, находившиеся на Средиземном море и руководившие действиями казенной и корсарской флотилий.²¹ По мнению некоторых исследователей, именно это явилось причиной некоторого ослабления борьбы на морских коммуникациях в Эгейском море в боевых кампаниях 1789–1791 гг., когда действия российских флотилий стали менее дерзкими, активными и всеохватывающими, чем это было в кампании 1788 г.

В октябре 1788 г. после почти восьмимесячного боевого похода, успешных действий в районе Архипелага, флотилия Ламброса Кацониса, в составе девяти хорошо вооруженных военных кораблей с десятью пленными на борту, осуществив предварительно заход и непродолжительную стоянку на о. Закинф, прибыла в Триест, с тем чтобы отчитаться по итогам боевой кампании 1788 г., произвести осмотр и ремонт кораблей, такелажа, его замену, устранить полученные боевые повреждения, пополнить запасы продовольствия, воинского снаряжения и морского имущества, боеприпасов, дать необходимый отдых личному составу, рассчитаться с долгами, получить инструкции командования, необходимое финансирование для ремонта, перевооружения судов, обеспечения дальнейших действий,²² всесторонне подготовиться к новой боевой кампании 1789 г.

Успешные действия флотилии Ламброса Кацониса, вызвавшие серьезнейшую озабоченность у правительства Османской Порты, у турецкого военного и морского командования, огромный резонанс в странах Средиземноморья, обратили на себя внимание Екатерины II. Последовало Высочайшее повеление: «привлечь сию флотилию в собственное свое служение... платить все издержки и содержание оной».²³ Это фактически изменяло статус флотилии, она стала числиться легкой российской флотилией, но по сути по-прежнему оставалась каперской и не входила официально в состав Российского императорского флота, хотя и подчинялась специально образованному командованию (Комиссии), разместившемуся в Сиракузах, координировавшему действия морских сил России на Средиземноморском театре военных действий.

О высоком морально-боевом духе прибывшего в Триест личного состава кораблей Ламброса Кацониса, их готовности идти в новый боевой поход, продолжать тяжелую и опасную борьбу на морских коммуникациях с Турцией свидетельствуют многие документы того времени, в том числе и доклады Ламброса Кацониса Высшему командованию. «...Долженствовал, — сообщает он по прибытии в Триест главнокомандующему князю Г. А. Потемкину, — прибыть сюда и, по выдержании карантина, имею исполнить, что мне будет приказано»²⁴.

Многих корсаров ждали поощрения, различные награды. Ламброс Кацонис с облегчением и радостью узнает «о прощении, дарованном» ему Высочайшим соизволением.²⁵ В своих посланиях этого периода князю Г. А. Потемкину-Таврическому он просит главнокомандующего объективно доложить Ея императорскому Величеству об итогах его многомесячных боевых действий в Архипелаге, незаслуженных наветах и обвинениях, просит показать «отчески» его лично, майора Ламброса Кацониса, «дела и подвиги без малейших казенных издержек, а во всем на моем коште понесенные», о своей полной готовности, стремлении и дальше «служить до последней капли крови, за полученное Всемилоостивейшее прощение...».²⁶

Тем временем, пройдя установленный карантин, экипажи кораблей флотилии устраняют повреждения, ремонтируют суда и такелаж, при необходимости меняют его, проверяют вооружение, активно готовятся к очередной военной кампании 1789 г., анализируют полученный боевой опыт. Командующий флотилией майор Ламброс Кацонис готовит и направляет донесения главнокомандующему генерал-фельдмаршалу князю Г. А. Потемкину, доклады командующему на Средиземноморье генерал-поручику Заборовскому, контр-адмиралу Н. С. Мордвинову об итогах боевой кампании 1788 г., действиях кораблей флотилии, полученном опыте.

Так, в своем донесении от 30 октября из Триеста князю Г. А. Потемкину-Таврическому Ламброс Кацонис подводит общие итоги кампании 1788 г.

Он пишет: «...без пристрастия также смею доложить Вашей Светлости, что я, производя корс мой с 9-ю вооруженными судами, совершенно воспрепятствовал Порте обратить военные силы из островов Архипелагских в Черное море и столько произвел в Левонте военного шума, что Порта Оттоманская принуждена была вооружить и направить из Константинополя в Архипелаг против меня 18 великих и малых военных судов и оттого понесла немалые убытки».²⁷

В донесении графу А. А. Безбородко, статс-секретарю Екатерины II, для доклада императрице от 27 октября 1788 г. из Ливорно генерал Заборовский извещает графа «о прибытии в Триест корсировавшего в Архипелаге майора Ламбро Качони с 9-ю судами, приобретенными им в приз»; что делает все необходимое для того, чтобы «как наискорее майора Ламбро выпроводить в Архипелаг, где он довольный страх посеял в турках». Что Ламброс Качонис, «употребя все то, что приобретено было им в призы на вооружение судов, просит меня, — пишет генерал Заборовский, — снабдить его провиантом, чтоб не сделать ему ни малой остановки, устремиться опять на неприятелей. Приказал я выдать ему на два месяца провизии из казенного в Триесте магазина. Теперь поспешаю я в Сицилию, куда ему приказал спешить, дабы умножить его флотилию другими судами там находящимися для нанесения вящего вреда неприятелю».²⁸

В ноябре Ламброс Качонис посетил Российское посольство в Венеции где опроверг многие обвинения французов и венецианцев в свой адрес. Однако, чтобы разрядить обстановку и ослабить страсти, он вынужден был отдать большую часть трофеев и военной добычи морякам и купцам этих двух стран, пострадавших от действий флотилии.²⁹

Между тем подготовка флотилии к выходу в новый боевой поход, к кампании 1789 г. под неусыпным контролем командующего майора Качониса активно продолжалась. Жестокая зима в Триесте «умедлила несколько сию работу», но как бы там ни было, к середине декабря 1788 г. основные восстановительные, ремонтные работы на судах флотилии были в стадии завершения, о чем генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина-Таврического 16 декабря информирует командующий воинскими силами на Средиземноморье генерал-поручик Заборовский. Оценивая степень готовности флотилии к новому боевому походу, он пишет: «...ныне однакож имею я известие, что она приведена уже к окончанию, и в непродолжительном времени майор Ламбро с судами своими отправится в Сиракузы, где приуготовлено также несколько казенных судов, дабы, присоединя оная к вышеупомянутым, составить флотилию и отправить в Архипелаг».³⁰

Однако эти планы вскоре оказались серьезно нарушены. Гордому и весьма самолюбивому майору Ламбросу Качонису была незаслуженно нанесена серьезнейшая обида, оскорблена его честь. Несомненно, это оставило

глубокий след на долгие годы, имело свои дальнейшие негативные последствия, вызвавшие его недоверие и настороженность, постоянные трения, отсутствие взаимопонимания с местным военно-морским командованием, стремление поменьше с ним контактировать, избегать общения, действовать самостоятельно, всегда брать на себя всю ответственность.

Посланный генерал-поручиком Заборовским в Триест в связи с прибытием флотилии Ламброса Кацониса, весьма амбициозный и напористый капитан флота бригадирского ранга князь В. Мещерский «с некоторою суммою денег, в коей господин Ламбро имел недостаток для поправки оных (т. е. боевых повреждений кораблей. — Ю. П.) и снабжения всем нужным к мореплаванию»³¹, не сумел построить свои деловые отношения с не менее самолюбивым, гордым и вспыльчивым греком, знающим себе цену. Между ними возник личный конфликт, значительно задержавший выход флотилии в море, в боевой поход, и нарушивший планы захода в Сиракузы, объединения там флотилий. По официальному докладу бригадира князя Мещерского, он встретил в Триесте определенные затруднения в деле «скорейшего исправления кораблей» и «отправления в море находившихся там русских арматоров», неорганизованность и безответственность, исходящие, по его мнению, «со стороны командующего флотилией майора Ламбро Качони», его грубость по отношению к грекам своим подчиненным. Кончилось тем, что бригадир князь В. Мещерский посадил майора Кацониса под арест в крепость «за дерзкое поведение, открытое неповиновение и попытку к возмущению подчиненных ему команд».³²

Можно представить, как был потрясен и взбешен Ламброс Кацонис, возмущены греческие моряки столь вопиющей несправедливостью, неблагодарностью представителя командования к их труду по восстановлению кораблей после тяжелого похода, его произволом, пренебрежительным отношением к их героическому начальнику, к его боевым заслугам перед Россией. Хорошо, что все обошлось сравнительно мирно, без стихийного бунта и применения оружия взбешенными греками, увидевшими своего командующего под арестом. Подчиненные Ламбросу Кацонису командиры кораблей, офицеры немедленно обращаются к главнокомандующему князю Г. А. Потемкину-Таврическому с резким письмом, с жалобой на произвол бригадира князя В. Мещерского в отношении своего начальника, с просьбой «о восстановлении чести» Ламброса Кацониса, грубо оскорбленного и незаслуженно «объявленного бунтовщиком».³³

Спешно прибывший в Триест генерал-поручик Заборовский «нашел там замешательство и остановку» в подготовке к походу, срыв всех сроков выхода в море. Он приказал немедленно освободить из-под ареста майора Ламброса Кацониса, выдать продовольствие кораблям флотилии на два месяца вперед, оплатил средства, потраченные на ремонт судов, 25 тысяч флори-

нов как долги майора-командующего, предложил ему всемерно форсировать подготовку к выходу в боевой поход. Все названные средства, выплаченные в этот период генерал-поручиком Заборовским, «Ламбро обязался уплатить из призов, которые возьмет...»³⁴ действуя против турок в море, в боевой кампании 1789 г.

8 апреля 1789 г., полностью завершив подготовку к походу, флотилия майора Ламброса Кацониса в составе 10 судов, под его командованием вышла из Триеста к Ионическим островам, чтобы затем следовать в Архипелаг. Началась 2-я боевая кампания флотилии Ламброса Кацониса 1789 г.

Об этом событии генерал-поручик Заборовский следующим образом информирует статс-секретаря Императрицы графа А. А. Безбородко в своем письме от 12 апреля 1789 г. из Флоренции. «По высочайшему Ея Императорского Величества повелению составленная на основании корсаров из 10 судов, принадлежащих грекам, легкая флотилия отправлена из Триеста в море сего апреля 8 числа под командою майора Ламбро Качони. Из Сиракуз вышли также другие 6 судов, а за ними скоро последует еще 3 фрегата казне принадлежащих...» Обе флотилии, соединясь в море, поплывут к Дарданелльскому проливу, «дабы занять линию от Афонской горы через Лемнос и Тенедос и пресечь привоз съестных припасов в Константинополь»³⁵. Объединенной флотилии, по мере ее движения к занятию названной линии, предстояло выполнить ряд других боевых задач.

Однако сложившаяся обстановка, ряд непредвиденных обстоятельств не позволили в полном объеме реализовать все спланированное. Жизнь, как всегда, внесла свои коррективы.

Представляет несомненный интерес письменная инструкция, ордер полученный Ламбросом Кацонисом непосредственно от генерал-поручика Заборовского перед самым выходом в море, в котором флотилии и ее командующему ставились боевые задачи, определялся порядок действий. В документе был четко определен новый статус флотилии, принадлежность полученных в боях «призов», взаимоотношения с казенной флотилией под командованием мальтийского морского капитана Гульельма Лоренцо*, требования по соблюдению «Установления о корсарах», о поведении личного состава, о порядке взаимоотношений с представителями христианских народов, которые «суть наши единоверцы и друзья».

«Остается теперь вам отправиться с оными в море, — говорится в данном ордере генерала Заборовского, — под флагом Ея Императорского Ве-

* Гульельм (Гулієльм) Лоренцо. 1789 г., апрель — принят на службу в Италию контр-адмиралом Гибсом из мальтийской морской службы в капитан-лейтенанты; 1792 г., сентябрь — произведен в капитаны 1 ранга и уволен в Италию до востребования (Общий морской список, часть IV. Царствование Екатерины II. Санкт-Петербург, 1890 г. С. 266).

личества в виде российской императорской флотилии и принять от меня следующие наставления, кои Вы как командующий флотилиею обязаны исполнять в течение действий ваших против врага имени Христианского»³⁶.

Таким образом, можно заключить, что в боевую кампанию 1789 г. каперская флотилия Ламброса Кацониса, по сути вступила в совершенно новом качестве, в ином статусе, правда юридически четко не определенном, но возложившем на бывших капер несколько иные задачи, большую ответственность перед российским законодательством за захват судов, что, несомненно, ограничивало их инициативу в борьбе на морских коммуникациях. Всему командному составу флотилии строго предписывалось: «Во время плавания Вашего все неприятельские суда, как турецкие, так и шведские, должны быть вашею добычею».

В отношении же судов под нейтральным флагом в Ордере, полученном Ламбросом Кацонисом, говорилось следующее: «...в рассуждении же держав неучаствующих в настоящей войне, да будет одним из главнейших ваших правил строгое и неупустительное соблюдение Высочайше утвержденного установления о корсарах, которые здесь в копии на итальянском и греческом языке прилагаю».³⁷

Далее Ламброс Кацонис получил недостаточно четкое, но строгое, прямое указание, «чтоб суда, плавающие под флагом нейтральных держав, отнюдь не были визитированы, как только в таком случае, когда есть прямое доказательство или по крайней мере сильное и явное подозрение, что на оных везутся товары запрещенные...».³⁸ Но как это было практически делать и выяснять в реальных условиях боевых действий на море, не разъяснялось, хотя всем было понятно, что флаг на судне можно было поднимать любой нейтральной страны и тем избежать его проверки со стороны капер. До получения данной инструкции в корсарской практике всегда имели место остановка судна, его тщательный всесторонний досмотр и проверка судовых документов, что теперь не рекомендовалось.

В Ордере генерал-поручика Заборовского в связи с этим жестко напоминалось командующему майору Кацонису, что «Высочайшие интересы требуют сего, и вы были свидетелем в прошедшую кампанию, с какой строгостью Ея Императорское Величество наблюдает правила свои относительно сего пункта»³⁹. Названные требования во многом были расплывчаты и противоречивы, создавали неопределенность в статусе флотилии: является ли она юридически флотилией русского императорского флота, или все-таки остается по сути каперской, действующей под российским флагом на морских коммуникациях, но на собственный страх и риск, на основе самообеспечения, «Установления о корсарах». Можно заключить, что этими мерами Екатерина II пыталась в 1789 г. как-то смягчить неудовольствие ряда европейских держав, снять, ослабить их возмущение, вызванное слишком уж

активными и результативными действиями кораблей Кацониса в 1788 г., серьезно подорвавших морскую торговлю в Левонте. Это было невыгодно многим европейским странам, так как нарушались давно сложившиеся, традиционные взаимовыгодные отношения и связи, налаженные торговые морские пути. Многим странам, торговавшим с Османской Портой, был нанесен ощутимый экономический ущерб, уменьшилась прибыль, доходы от морской торговли. И все это во многом было следствием действий флотилии российских капер под командованием майора Ламброса Кацониса.

Следует особо отметить, что незадолго перед выходом в боевой поход, желая как-то смягчить, загладить горечь и обиду, вызванную у Ламброса Кацониса «грубыми и неосторожными поступками» князя В. Мещерского, необоснованным арестом, генерал-поручик Заборовский специально пригласил к себе во Флоренцию обиженного, оскорбленного командующего флотилией и, как это видно из доклада императрице, «не упустил ничего, что возможно было, дабы успокоить его и выпроводить в море».⁴⁰

Боевая деятельность кораблей флотилии Ламброса Кацониса постоянно находилась в поле зрения самых высших эшелонов военной власти, лично императрицы. Об этом можно судить исходя из следующего. Видимо, серьезно обеспокоенный жалобами и протестами, доносами на Ламброса Кацониса, на деятельность экипажей кораблей его каперской флотилии, желая во всем разобраться лично, накануне очередного выхода в море в боевую кампанию 1789 г. главнокомандующий князь Г. А. Потемкин-Таврический в январе 1789 г. направляет в адрес майора Ламброса Кацониса следующее письменное распоряжение: «...для получения нужных от меня повелений касательно возлагаемой на вас экспедиции, имеете вы немедленно сюда отправиться и поспешить вашим приездом, сделав потребные на случай отсутствия вашего распоряжения о судах ваших...»⁴¹ Однако указанное распоряжение как-то задержалось и не застало Ламброса Кацониса в Триесте, уже выступившего в очередной боевой поход.

Несомненно, что это было выполнением Высочайшего повеления, о чем можно судить из Всеподданнейшего донесения генерал-поручика Заборовского в адрес Екатерины II от 1 июня 1789 г., в котором, в частности, говорится следующее: «...относительно до майора Ламбро Качони Всеподданнейше доношу, что повеление Вашего императорского Величества об отправлении его сюда я имел счастье получить в то время, когда он выступил уже в море с флотилиею, которою командует...»⁴²

Таким образом, Ламброс Кацонис начал свою вторую боевую кампанию в Эгейском море, не получив задуманного, планируемого инструктажа из уст самых высоких лиц государства. Несомненно, это сказалось на взаимоотношениях казенной и легкой российской флотилий, на общих итогах боевых действий. Однако это не помешало Ламбросу Кацонису дерзко и эф-

эффективно действовать в Левонте, наносить огромный урон торговому судоходству Порты.

К этому времени, так и не дождавшись кораблей Л. Кацониса, 2 марта из Сиракуз ушел в боевой поход отряд судов под российским флагом в составе шести кораблей под командой лейтенанта Дешаплетта, который после перехода соединился в Архипелаге с тремя российскими фрегатами. Так была образована казенная российская флотилия под общим командованием Гульельмо Лоренцо.

Выступив из Триеста, флотилия Ламбрoса Кацониса, в полном соответствии со строгими и четкими указаниями генерал-поручика Заборовского, под всеми парусами, искусно используя ветер, быстро пошла «прямо в Архипелаг, не заходя в Сиракузу». Как того требовал генерал Заборовский, «дабы не упустить время, которым можно воспользоваться».⁴³

В Адриатическом море у берегов Албании, у порта Дулциньо (Улцинь), в котором базировались военные турецко-албанские суда, путь флотилии майора Кацониса 15 апреля 1789 г. преградила дулциниотская турецко-албанская эскадра. Произошло ожесточенное морское сражение, в результате которого были уничтожены и значительно повреждены ряд судов противника. Не ожидая столь мощного сопротивления, дулциниотская эскадра, понеся заметный урон, смешалась и обратилась в беспорядочное бегство.

В этом первом морском бою кампании 1789 г. команды кораблей флотилии Ламбрoса Кацониса продемонстрировали своему командующему и противнику свою храбрость и мужество, хорошую военно-морскую выучку и надежную боевую слаженность экипажей, а также отличные военно-морские качества, высокое флотское мастерство, упорство в бою, готовность и умение моряков флотилии уничтожать не только торговые, но и боевые корабли врага.

Уверенный и быстрый разгром неплохо подготовленной дулциниотской военной эскадры в данном сражении серьезно поднял морально-боевой дух, настроение всего личного состава российской легкой флотилии, укрепил у матросов, офицеров, командиров кораблей и у командующего уверенность в своих силах, в своем воинском мастерстве, в боевой ударной мощи флотилии, веру в грядущие морские победы на оживленных торговых путях, на морских коммуникациях противника.

Воодушевленные своей первой и значительной победой корабли флотилии майора Ламбрoса Кацониса на другой день подошли к крупному албанскому военному и торговому порту Дуррес и подвергли его из корабельных орудий интенсивному и уничтожающему артиллерийскому обстрелу.

Не ожидавший столь дерзкого нападения противник не смог организовать эффективную оборону, отразить массированную артиллерийскую атаку российской легкой флотилии.

В результате неожиданного и мощного артиллерийского обстрела были уничтожены, сожжены и потоплены практически все находящиеся в гавани турецкие суда, серьезно повреждены портовые сооружения, береговые укрепления, уничтожена береговая батарея, рассеяны и понесли значительные потери сконцентрированные на побережье в районе порта сухопутные турецкие войска.⁴⁴

Так громко, уверенно и грозно заявил о своем появлении в море, о начале активных боевых действий подчиненной ему флотилии в очередной военной кампании 1789 г. майор Ламброс Кацонис.

Из Адриатического моря российская легкая флотилия беспрепятственно проследовала в Ионическое море и в начале июня подошла к острову Пакси Ионического архипелага, затем к острову Закинф. Турецко-албанские суда нередко появлялись на горизонте, отслеживали движения флотилии Ламброса Кацониса, но приближаться и атаковать ее теперь остерегались. Не встречая противодействия, российская легкая флотилия в начале июня подошла к острову Гидра (Идра) у юго-восточной оконечности полуострова Пелопоннес, затем к острову Кифнос (Китнос) и наконец прибыла к острову Кеа для непродолжительной стоянки и отдыха экипажей, текущего ремонта такелажа кораблей после почти трехмесячного перехода морем, боевых столкновений.

Тщательно осмотрев с командирами судов остров Кеа и прилегающую морскую акваторию, Ламброс Кацонис решил сделать его своим опорным пунктом, главной военно-морской базой подчиненной ему флотилии. Для чего стал постепенно укреплять, обустривать его с помощью местных жителей, целеустремленно создавать надежную береговую оборону, необходимую инфраструктуру, обслуживающую различные потребности флотилии, команд кораблей и их семей, создал береговой гарнизон для защиты своей главной базы от морского нападения.

С каждым приходом сюда даже отдельных кораблей флотилии Ламброса Кацониса здесь целенаправленно проводились работы, строились необходимые дороги, подъезды, причалы, магазины (склады), жилые и служебные помещения, береговые укрепления, артиллерийская батарея, места для ремонта, докования судов и многое другое, обеспечивающее жизнедеятельность флотилии.⁴⁵

Со стоянки у острова Кеа корабли флотилии и вся флотилия в целом постоянно выходили в море на поисковые, каперские операции в Архипелаге, для морских сражений с турецкими военными кораблями, их боевыми эскадрами, отсюда совершали свои многочисленные и дерзкие рейды по поиску и уничтожению торговых вражеских судов.

Боевая кампания 1789 г. была трудной и опасной, насыщенной многими боевыми эпизодами, важными событиями для флотилии Ламброса Кацо-

ниса, которая осуществляла крейсерство в морских районах Центральной Македонии, ходила к Тенедесу, к Дарданеллам и везде искала, уничтожала турецкие торговые и военные корабли, то есть «держала» определенную им линию от Афонской горы через Лемнос и Тенедос, осуществляя эпизодическую блокаду Дарданелл, поиск и уничтожение судов с продовольствием для Константинополя, укрываясь при необходимости в бухтах островов Архипелага.

Действовала она обычно самостоятельно, хотя иногда проводила отдельные операции с казенной флотилией Гульельма Лоренцо, но это были лишь единичные эпизоды, характерные для начала и середины морской кампании 1789 г., не приведшие к реальному объединению всех морских сил двух флотилий под единым командованием.

Вопросы взаимодействия двух российских флотилий, действовавших на морских коммуникациях в Эгейском море в этот период, для нас интересны тем, что дают возможность полнее раскрыть личность Ламброса Кацониса, понять многие его решения и поступки, причины конфликтов, мешавших объединению флотилий, их усилий в борьбе против единого врага.

Вопросы эти непростые, и на них трудно ответить однозначно. Различные архивные документы трактуют их по-своему. При этом чувствуется некоторая тенденциозность, налет личных симпатий и антипатий, амбиций авторов докладов и донесений, их личная заинтересованность, стремление снять с себя ответственность за происшедшее, обвинить других.

Как уже отмечалось выше, отряд из 6-ти российских судов, снаряженных и подготовленных к боевым действиям в Сиракузах, вышел 2 марта 1789 г. в море, в боевой поход под командованием лейтенанта Душаплета. Отряд состоял из 2-х казенных судов и 4-х греческих, прибывших на службу из Триеста и принятых на полное казенное содержание. После сложного и опасного плавания в Архипелаг, с успешными боевыми столкновениями с противником и одержанными в боях победами, указанный отряд 16 июня в назначенной точке randevу соединился в море с 3-мя казенными фрегатами. И там поступил под общую команду капитана Гульельма Лоренцо. Так было закончено формирование российской казенной флотилии, которая начала боевые действия в Эгейском море, в Архипелаге, имея указания объединиться с легкой российской флотилией Ламброса Кацониса.⁴⁶

Между тем корабли флотилии Ламброса Кацониса самостоятельно продолжали активные боевые действия. Среди них для примера можно назвать, особо отметить морское сражение в июне с группой турецких кораблей в составе 14 единиц, направленных Портой для борьбы с российскими каперами в Архипелаге, которое состоялось в проливе между островами Сирос и Миконос. Как всегда, майор Ламброс Кацонис с наветренной стороны атаковал неожиданно. После нескольких часов ожесточенного мор-

ского боя турецкие корабли, получив многочисленные повреждения, дрогнули и обратились в бегство; в июле морской бой между островами Сирос и Дилос также закончился поражением турок.

Названные и иные боевые столкновения, операции по захвату торговых судов Порты и ее союзников принесли майору Ламбросу Кацонису славу бесстрашного, удачливого и искусного флотского военачальника, постоянно добивающегося успеха.

24 июля 1789 г. указом Екатерины II майор Ламбро Качони «за целый ряд оказанных подвигов», в «награждение его усердных услуг в Архипелаге» производится в подполковники,⁴⁷ а вся его боевая деятельность, несмотря на ошибки и просчеты, продолжающиеся доносы и жалобы на него, оценивается положительно, по сути, Высочайше одобряется, вызывая гордость и восхищение греческого населения, поднимая его на вооруженную борьбу против оттоманского ига. Для многих имя подполковника Ламброса Кацониса становится зовущим за собой примером, знаменем в борьбе против угнетателей.

Объединясь с отрядом лейтенанта Душаплета, капитан Гульельмо Лоренцо оповестил Ламброса Кацониса о своем нахождении в Архипелаге, «о необходимости соединиться» обоим флотилиям.

В конце июля 1789 г. у острова Идра состоялась встреча основных сил двух российских казенной и легкой флотилий, которые затем, совместно действуя против турок, подошли к острову Тинос, где получили информацию, что крупная турецкая эскадра, «усиленная четырьмя фрегатами и двумя шебеками», «находится на рейде у острова Самос». На военном совете, созванном и руководимом Г. Лоренцо, Ламброс Кацонис, уже многим не довольный, категорически отверг предложенный мальтийским капитаном план совместных боевых действий, посчитав его непригодным, решительно отказался подчинить свою флотилию Г. Лоренцо, заявив при этом, «что ни от кого советов принимать не будет», что «он прислан на море начальствовать, и он есть единый комендант здешних стран...».⁴⁸

Заявляя и действуя таким образом, подполковник Ламброс Кацонис строго руководствовался письменными указаниями генерал-поручика Заборовского, данными ему в Ордере, врученном перед выходом из Триеста в боевой поход, в котором четко определялись служебные отношения и порядок подчиненности командующих казенной Г. Лоренцо и легкой Л. Кацониса флотилий, вопросы боевого взаимодействия независимых друг от друга боевых корабельных соединений. Так, Ламбросу Кацонису генерал Заборовский в своем Ордере дал следующие указания: «Я не обязываю Вас действовать всегда с ним, ни его с Вами. И как никто из Вас не подчинен друг другу, то и соединение Ваше зависит от единой пользы службе: то есть для вящего нанесения вреда неприятелю, где нужно действовать обоим вместе

флотилиям, там вы должны быть соединены, в противном же случае вы можете разделиться». ⁴⁹

Поэтому не случайно, что неприкрытая попытка мальтийского капитана Г. Лоренцо подчинить себе гордого и самолюбивого грека-командующего и его флотилию вызвала столь решительный и резкий отпор со стороны возмущенного подполковника Ламброса Кацониса.

Здесь в гневе и обиде он в какой-то мере пренебрег морально-нравственными аспектами указаний Ордера генерал-поручика Заборовского о взаимоотношениях командующих флотилиями: «...но я еще повторяю, что польза службе долженствует быть главным для Вас обоих предметом; да умолкнет здесь и зависть, и честолюбие, и частные пользы каждого. Внемлите гласу совести и чести, последуйте долгу Присяги и верности, коею Вы обязались к Ея Императорскому Величеству». ⁵⁰

Категорически отказавшись от дальнейших совместных действий под общим командованием Г. Лоренцо, Ламброс Кацонис продолжал самостоятельно крейсерствовать, перехватывать турецкие военные и торговые корабли, добиваться новых боевых успехов. Так, например, 3 августа 1789 г. состоялось очередное сражение флотилии Ламброса Кацониса с военными турецкими и алжирскими кораблями у острова Элени (Макронисос), завершившееся их разгромом и длительным преследованием. После чего корабли флотилии вернулись к месту своей постоянной стоянки к острову Кеа.

К этому времени отношения между командующими двух легких российских флотилий настолько обострились, что Ламброс Кацонис запретил жителям островов Архипелага «без ведома его» оказывать «казенной» флотилии какую-либо помощь и поддержку. Более того, как явствует из донесения контр-адмирала С. Гибса из Сиракуз от 11 августа 1789 г. статс-секретарю императрицы графу А. А. Безбородко, подполковник Ламброс Кацонис «начал переманивать из казенной эскадры в свою людей, из коих, обольщены быв большим жалованием, многие к нему перешли...». ⁵¹

Несогласованность в действиях двух российских флотилий, конечно же, была на руку противнику, ибо снижала силу ударов по нему, общие результаты действий против турецкого судоходства.

Чем же все это можно объяснить? Как подобное поведение характеризует личность Ламброса Кацониса? Исследование позволяет прийти к следующим выводам и обобщениям:

1. Будучи человеком весьма эмоциональным, самолюбивым, амбициозным, Ламброс Кацонис был серьезно обижен пренебрежительным отношением к себе, арестом, недоверием, особенно со стороны местного военноморского командования. В связи с этим у него сложились неприязненные отношения с контр-адмиралом С. Гибсом, которому было поручено «наблюдение над арматорами, производящими в Средиземном море по-

иски над неприятелем», а по сути руководство действиями флотилий, что не было четко прописано, оговорено в документах, регламентирующих боевую деятельность флотилии Ламброса Кацониса. Это и вызывало у него, по оценке контр-адмирала С. Гибса, «презрение его к начальству установленному в Сиракузе», а в некоторых случаях и обстоятельствах, как это видно из докладов главнокомандующему Г. А. Потемкину-Таврическому, «неисполнение инструкций, данных ему от генерала Заборовского», но это было вполне объяснимо, ибо трудно заранее спрогнозировать действия неприятеля, условия и обстановку боевых операций на море; поэтому командующему всегда приходилось брать на себя ответственность за принимаемые решения в сложившихся обстоятельствах;

2. Вместе с тем некоторые доклады контр-адмирала С. Гибса были тенденциозны, полны неприязни к строптивому греку-командующему. Известно, что контр-адмирала Гибса возмущало, что офицеры легкой российской флотилии Ламброса Кацониса надевают российский морской мундир, а корабли несут на мачте Андреевский флаг. Он упорно считал флотилию каперской, не имеющей право носить «знак судов казенных военных», утверждал, что содержать их как корабли военные императорские «впредь на сем основании не имею я повеления». Более того, офицеры флотилии Ламброса Кацониса получали предупреждения: «Еще Вас уведомляю, если Вы обыкновенно носите морской мундир и поднимаете флаг святого Андреясх, то не должны более так одеваться и подымать сего флага, когда вы будете в Сиракузе; ибо сие весьма противно господину контр-адмиралу Гибсу».⁵²

Флотилия Ламброса Кацониса действительно по своему количественному составу и боевым возможностям превосходила соединение Г. Лоренцо, она имела более солидный опыт боевых действий, внушительное количество ярких побед, а ее командующий, грек по национальности, приобрел уже громкую славу, непререкаемый авторитет среди греков, любовь своего народа. Для многих греков он стал «знаменем» в борьбе против Порты, «грозой» для турецкого торгового флота, прибрежных поселений противника. Попытки контр-адмирала С. Гибса объединить флотилии под общим командованием Г. Лоренцо, человека мало известного, практически не проверенного в морских боях и походах, вызывало непонимание и возмущение Ламброса Кацониса и его соратников, тем более что на этот счет не было четких и конкретных письменных инструкций Высшего военного командования. Исходя же из имеющихся у него документов подполковник Ламброс Кацонис вполне искренно и, на его взгляд, обоснованно считал себя в море, в походе «начальником ни от кого не зависящим», командующим «не корсаров, но российской императорской эскадры», что в представлении многих

действительно отвечало реальности, в силу сохранявшейся неопределенности юридического статуса его флотилии;

3. Местное военно-морское командование, возглавляемое контр-адмиралом С. Гибсом, не сумело избавиться от амбиций, не пожелало опереться на положительные черты своеобразного и эмоционального «греческого характера», на деловые качества строптивого командующего: исключительную смелость и отвагу, ответственность, верность присяге, готовность не жалея сил и жизни бороться против османского ига, твердость и решительность в достижении цели, выносливость и неприхотливость в морских походах, в условиях длительной корабельной жизни, его незаурядные морские качества и флотоводческий талант, организаторские способности, умение вести людей за собой; быть не только военным, но и дипломатом, способным в условиях войны «по совести» карать и милловать, беречь подчиненных;
4. Отсутствие на Средиземноморском театре военных действий регулярной эскадры российского императорского флота с опытным и авторитетным адмиралом, способным координировать действия объединенных морских сил. Подобного мнения придерживался и контр-адмирал С. Гибс. Так, в своем донесении графу Безбородко он писал: «...все сим подобная беспорядки прекратить легко бы можно было, ежели бы из флота нашего прислана была малая эскадра, довольно снабденная воинскими припасами...»⁵³ Однако давно планируемый, всеми ожидаемый приход боевой эскадры регулярного императорского флота с Балтики не состоялся из-за начавшейся русско-шведской войны 1788–1790 гг. и реальной угрозы столице империи. В силу этого вся тяжесть трудной борьбы на морских коммуникациях Порты по-прежнему оставалась на плечах казенной и легкой российской каперской флотилий, изнуренных постоянными опасностями, непрерывным пребыванием в море, неравными морскими боями, трудностями походной корабельной жизни.
5. Противоречивость личности и взрывной характер Ламброса Кацониса несколько не умаляют его роли и значения в войне 1787–1791 гг., его исключительных заслуг в борьбе греков против оттоманского ига, его авторитета среди населения островов Архипелага, всеми признанной славы и известности. Его легендарные подвиги вошли в историю Греции, остались в благодарной памяти народов, в истории XVIII столетия. Отказ объединить флотилии и стать подчиненным Г. Лоренцо нельзя ставить ему в вину, ибо он твердо придерживался указаний и разъяснений, данных ему генерал-поручиком Заборовским в его Ордере. Это полностью подтверждает в своей Записке о делах флотилии в ноябре 1793 г. в адрес Екатерины II генерал-майор Томара: «Главная причина тому есть, что Ламбро по отъезде генерал-поручика и кавалера Заборовского, весьма

скоро последовавшем, твердо держался повелений, данных ему от помянутого генерал-поручика при отправлении из Триеста, и не слушался остающихся тамо начальников, которые за то арестовывали его людей, суда и по жалобам отдавали призывы. Жалобы ко двору продолжались с обеих сторон». ⁵⁴

5 сентября 1789 г. контр-адмирал С. Гибс срочно доносит графу Безбородко, что неожиданно, без какого-либо разрешения покинул район крейсерства капитан Г. Лоренцо: задолго до установленного срока прибыл 29 августа «из Архипелага в Сиракузы с вверенною ему флотилиею и объявил, что он принужден был выйти из Архипелага ради недостатка в провизии и других припасов и для того, чтобы не подвергать флотилию в жертву неприятелю (!!! — Ю. П.), которого вооружение усмотрел он умножено после сделанной ему диверсии до 36 разных величиной судов...» ⁵⁵

Это было неслыханное явление для российского флота, противоречило Морскому уставу, равносильно было предательству и квалифицировалось всеми как элементарная трусость. И такой человек стремился возглавить объединенные флотилии. Предчувствие не обмануло Ламброса Кацониса. Теперь он один на один остался перед лицом многочисленного и мощного противника. Но это не смутило отважного корсара, его флотилия, искусно маневрируя, продолжала теперь в одиночестве вести неравную борьбу с турецким военным флотом, наносить внезапные и чувствительные удары по торговому судоходству, серьезно осложнять транспортные перевозки в Эгейском море, нарушать важнейшие коммуникации, связывающие азиатские, африканские и европейские владения Османской Порты. ⁵⁶

Турецкое руководство, убедившись, что силой им не удастся сломить Ламброса Кацониса, понимая, что вести о его новых победах над турками мгновенно разносятся по островам Архипелага, по всей территории Греции, что с каждой очередной победой отважного капера стремительно растут его авторитет, популярность, число его сторонников, берущих в руки оружие, — решает действовать другими методами. От имени турецкого султана Абдул-Хамида I к Ламбросу Кацонису с письмом обращается драгоман турецкого флотского командования С. Мавроенис с довольно «лестными и заманчивыми» предложениями. Греческому патриоту обещано прощение султана за пролитую «османскую кровь», наследственное правление на любом из выбранных им островов Архипелага, где могли бы обосноваться и его боевые соратники, и 200 тысяч золотых монет, если Ламброс Кацонис прекратит борьбу, уйдет с российской военной службы.

В письме говорилось, что Ламбросу Кацонису и морякам его флотилии султаном предоставляется «один остров, какой они сами выберут из находящихся в Икарийском Архипелаге, а тебя храброго назначает наместником и дарит 200 тысяч золотых, если ты откажешься от русской службы...».

В противном же случае его ждет суровая кара, «султан пошлет великую силу для того, что бы усмирить Вас». ⁵⁷ Но ответом грека — отважного российского капера на предложения султана явились новые походы, новые боевые успехи кораблей легкой российской флотилии, рост числа вооруженных сторонников неподкупного греческого патриота, верного российской присяге.

И даже в этих обстоятельствах контр-адмирал С. Гибс, пытаясь самооправдаться и обелить своего протеже, по-прежнему обвиняет в случившемся Ламброса Кацониса и возлагает на него ответственность за позорное преждевременное возвращение в базу флотилии Г. Лоренцо, прекращение им выполнения боевой задачи: «...Майор Ламбро Качони продолжал упрямство свое соединить свою флотилию с вверенную капитану Лоренцу...» Адмирал настойчиво заверяет Верховное командование и императрицу, что он будет «употреблять всевозможныя старания к доставлению самонужнейшаго для флотилии и выпроводить оную в Архипелаг...». ⁵⁸

В сентябре 1789 г., успешно закончив очередную боевую кампанию, Ламброс Кацонис вместе со своими кораблями, сделав стоянку у острова Кифера (Китира), прибыл к острову Закинф (Занта). Ионические острова в это время являли собой провинцию Венецианского Левонта и избраны были подполковником Ламбросом Кацонисом местом зимней стоянки, укрытия и ремонта судов своей флотилии, подготовки их к новой боевой кампании, несмотря на формальные протесты местных властей, вынужденных реагировать на дипломатические и военные демарши Османской Порты. Ламбросу Кацонису приходилось прилагать значительные усилия, выделять немало средств, чтобы разряжать накаляющуюся обстановку, проявляя дипломатический такт, находить необходимое взаимопонимание с местным населением и особенно с властями, получать их поддержку, находить сторонников и даже вербовать из них волонтеров для пополнения экипажей своих кораблей, осуществлять необходимый ремонт судов.

Контр-адмирал Гибс предпринимал самые энергичные, в том числе и не совсем чистоплотные меры, чтобы суда флотилии Ламброса Кацониса прибыли на стоянку и ремонт в Сиракузы. Через преданных лично себе моряков-греков он пытался воздействовать на командиров судов. Так, например, капитану Андрею Вихиардопуло, командиру одного из судов легкой российской флотилии, его друг Дмитрий Ламбро передавал следующие наставления контр-адмирала Гисба в своем письме: «...повелено сказать под тайною всем капитанам, находящимся в эскадре майора Ламбро, что если он не поедет нынешнего года в Сиракузу, то он будет несчастлив вместе с теми, которые будут держаться его мнения...». «Я упреждаю тебя как друг, — пишет далее автор письма, — чтобы ты для пользы твоей не отлагал более сего путешествия...»

И инструктирует далее: «Равномерно Вы можете уведомить всех ваших приятелей; а позже счастливым прибытием в Сиракузы можете сказать генералу Гибсу о моем уведомлении». «...Делайте все к лучшему, лишь бы все было скрыто для Вашей безопасности». ⁵⁹

Но и эта коварная попытка внести раскол в ряды командиров кораблей флотилии Ламброса Кацониса и заставить их с кораблями уйти от него в Сиракузы кончилась провалом.

Идти на зимнюю стоянку в Сиракузы или в Триест он категорически не захотел, на что контр-адмирал С. Гибс следующим образом отреагировал в своем письме графу А. А. Безбородко: «...кажется нет надежды, чтобы Ламбро уплатил казне истраченные на исправление его судов в Триесте деньги. Ибо он сам о себе сказал, что россияне в другой раз в руки свои не достанут уже его». Поэтому в дальнейшем «из сего вышли притязания по сей флотилии на казну», — считал генерал-майор Томара, подводя официально итоги своей деятельности в Средиземноморье в 1791/92 гг.

Между тем решением крайне возмущенного главнокомандующего князя Г. А. Потемкина-Таврического, Высочайше одобренным Екатериной II, Гульельм Лоренц отстраняется от должности командующего. В командование «казенной» флотилией в начале 1790 г. вступает поверенный в делах на о. Мальта, опытный военный моряк и дипломат, капитан флота в ранге генерал-майора грек Антонио Псаро. ⁶⁰

В конце августа к острову Кеа прибыла значительная группа турецких военных кораблей, но, не застав там судов Ламброса Кацониса, высадила десант. Турки сломили героическое сопротивление небольшого военного гарнизона острова, разграбили и разрушили все сооружения, построенные моряками флотилии, учинили дикую расправу над местными жителями, поддерживавшими отношения с людьми Ламброса Кацониса.

Печальное известие с острова Кеа вызвало яростное возмущение и гнев у экипажей российской легкой флотилии, стремление поскорее закончить ремонт, загрузить все необходимое для ведения боевых действий на море и жестоко отомстить туркам за все содеянное ими.

Несмотря на все трудности и препятствия в ремонте кораблей флотилии, недостаток средств, их удалось все же подготовить к длительным плаваньям и боевым действиям кампании 1790 г.

Ранней весной 1790 г. флотилия Ламброса Кацониса в составе 9 кораблей из района Ионических островов прибыла в Эгейское море, по пути взяв на борт Клифта Андруцоса с его отрядом в 800 воинов, продолжила движение, захватывая, уничтожая на своем пути встретившиеся турецкие суда, подошла к Тенедосу, ища встречи с турецкими военными кораблями, и, не найдя их, вернулась в Архипелаг, где начала крейсерствовать. 15 апреля они подошли к острову Кеа, поставили охрану из воинов Андруцоса и нача-

ли восстановительные работы. Были спешно восстановлены разрушенные турками береговые оборонительные сооружения, артиллерийская батарея, причалы, склады и другие объекты, необходимые для стоянки кораблей, отдыха и лечения моряков, межпоходового базирования флотилии, текущего ремонта кораблей.

Обеспокоенные активностью флотилии Кацониса, турецкое командование, выполняя категорическое требование нового султана Селима III, вступившего на престол в 1789 г., о ее уничтожении, собрало значительные военно-морские силы и в конце апреля «флот турецкий в числе 19 боевых кораблей выступил из Дарданелл». Узнав о появлении превосходящего противника, Ламброс Кацонис смело пошел ему навстречу с целью внезапного нападения на него. Но ветры не способствовали быстрому продвижению легкой российской флотилии. 17 мая в проливе между островами Эвбея и Андрос произошла встреча 7 судов Ламброса Кацониса со значительно превосходящими силами турецкого военного флота в составе 20 боевых кораблей. Началось ожесточеннейшее по своему накалу сражение, которое продолжалось целый день и в целом было достаточно успешным для отважных греков. Безветрие ночью не позволило судам Ламброса Кацониса скрытно отойти. Ранним утром с юго-востока неожиданно для Ламброса Кацониса на помощь туркам подошел хорошо подготовленный алжирский флот в составе 11 боевых судов. И с рассветом, 18 мая жестокое сражение возобновилось с новой силой и яростью. Положение флотилии подполковника Ламброса Кацониса в складывающихся обстоятельствах стало критическим, несмотря на мужество и отличную боевую выучку его моряков. Она находилась практически в окружении, под перекрестным огнем корабельной артиллерии с двух сторон. У греческих судов кончались боеприпасы, и они стреляли все реже, экономя их. Поняв это, противник пошел на абордаж, и после отчаянного рукопашного боя экипажей греческих кораблей с абордажными командами турок три греческих судна были все же захвачены, но вскоре затонули из-за повреждений, так и не став добычей врага. Причиной случившегося явилось то, что пять из семи судов Ламброса Кацониса были совершенно разбиты артиллерийским огнем многочисленного врага. Были изрешечены надстройки и борта, снесен такелаж, сбиты мачты, значительная часть команд погибла от артиллерийского обстрела.

В таком же состоянии был и флагманский корабль флотилии «Минерва Северная», на котором враг сосредоточил свой огонь. Командующий флотилии Ламброс Кацонис находился на его борту, руководил морским боем, действиями своих кораблей, был ранен в голову, к счастью легко, что и позволило ему спастись.

Оценив реально сложившуюся обстановку, боевые возможности своего корабля, подполковник Ламброс Кацонис приказал экипажу «Северной

Минервы», не дожидаясь массовой абордажной атаки турок, немедленно покинуть израненное, уже обреченное судно, взорвать его, чтобы не дать туркам вступить на его палубу, что и было исполнено.

Оказавшись с экипажем в воде, Ламброс Кацонис стал бороться за свою жизнь. Сперва вплавь, поддерживаемый своим другом, спутником во всех сражениях Панаиотом Скаридия, затем на пойманном ялике. В огне и дыму завершающегося сражения им чудом удалось скрыться от турок, перебраться затем на один из двух оставшихся на плаву, хотя и сильно поврежденных кораблей своей флотилии. Отбиваясь от наседающего врага, под прикрытием горящих, тонущих и взрывающихся судов, им удалось оторваться от преследования. Местом сбора оставшихся судов и людей Ламброс Кацонис назначил остров Кифера (Китира).

В неравном сражении турецко-алжирскому военному флоту удалось разгромить основные силы российской легкой флотилии. В этом морском бою Ламброс Кацонис потерял пять судов, около 620 хорошо подготовленных, проверенных в боях и каперских походах матросов и солдат своей флотилии, из которых свыше 50 попали в турецкий плен и вскоре были публично казнены, как пираты.⁶¹ Потери турок и алжирцев оказались более значительны. Они составили около 3 тысяч убитыми и значительное число ранеными. Многие турецкие и алжирские суда получили столь серьезные повреждения, что были подвергнуты буксировке в места срочного ремонта. По некоторым данным, часть из них затонула по пути следования.

Остальные вернулись в Константинополь, где несколько дней шумно, с пушечной пальбой отмечали победу. Многих пленных при этом публично казнили на глазах султана и жителей Константинополя, «вздернули на реях» своих судов на фоне российского флага. Вот как описывает данное сражение и все последующее затем невольный свидетель данных трагических событий капитан лейб-гренадерского полка Егор Палатино, прибывший незадолго до этих событий на флотилию с Ордером от контр-адмирала Гибса командующему флотилией Ламбросу Кацонису. В своем письме, направленном для передачи генерал-фельдмаршалу Г. А. Потемкину, он пишет из турецкой тюрьмы: «Попалась она нам навстречу числа 23 суда разной конструкции; дрались с оною около 8 часов, и за ночным временем разошлись; и как не потерпели никакого урону от неприятеля; майор вознамерился наутро паки оную атаковать, несмотря на то, что мало стало у наших снарядов. На утре, как только рассвело, увидели еще 11 судов неприятельских, кои нас и атаквали...» Далее Егор Палатино описывает события в Константинополе: «...сей победитель, торжествуя свою победу пред двором султана, повесил по всем судам своей эскадры 17 человек, в том числе трех офицеров. Перед самим султаном отрубили головы шестерым. На другой день двадцать одного человека тоже лишили жизни. И я был выведен, но

спасся только тем, что сераскер знал действительно, что я прислан был Ламбру курьером, и потому еще, что имел у себя свой патент». ⁶²

После катастрофы раненый Ламброс Кацонис скрывался, некоторое время тайно находился на острове Кеа. А затем, окрепнув, сумел перебраться к месту назначенного сбора людей и оставшихся кораблей на острове Кифера (Китира), куда уже разными способами начали прибывать оставшиеся в живых матросы и офицеры, а также корабли флотилии, не принимавшие участия в данном морском сражении. И сделал это Ламброс Кацонис вовремя. Как свидетельствуют архивные документы, турецкие корабли подошли к острову Зеа (Кеа) и высадили десант. «...Турки разорили все его заведения в том острову и заграбили скопленные там имения; тем служащие приведены в крайнюю нищету».

Вскоре Ламброс Кацонис имеет в своем распоряжении новую, хотя и небольшую по составу флотилию, способную продолжать боевые действия против торговых судов и одиночных боевых кораблей противника.

Ему удастся захватить две вооруженные греческие шебеки, принадлежавшие жителям острова Идра, преданных турецким властям и выполняющих их задания. Однако по приказанию генерал-майора Псаро был вынужден их вернуть идриотам. Более ничего существенного ему сделать не удалось. Вот как оценивал в своей записке высшему флотскому руководству в ноябре 1793 г. генерал-майор Томара положение судов Ламброса Кацониса после поражения: «...оставшиеся суда его скитались по Архипелагу, укрываясь от казенных судов столько же, как и от турков». Корабли требовали ремонта и пополнения необходимыми запасами снаряжения и продовольствия. И подполковник Ламброс Кацонис «был вынужден после сего воды оставить», уйти в конце июня на ремонт и пополнение корабельных и боевых припасов к острову Ифаки (Итаки), готовиться к продолжению борьбы с турками на морских коммуникациях». ⁶³

Весьма спокойно и оптимистично оценил главнокомандующий генерал-фельдмаршал князь Г. А. Потемкин-Таврический поражение флотилии в своем письме Екатерине II, ее перспективы и дальнейшие действия. Несмотря на тяжелое поражение, он дал высокую оценку действиям подполковника Ламброса Кацониса как командующего флотилией. Подчеркнул его храбрость и верность воинскому долгу, готовность продолжать борьбу с врагом, преданность Российскому престолу, ненависть к турецким работорговцам, их пособникам из числа местного населения. «...Порта, встревоженная его предприимчивостью и мужеством, — докладывал генерал-фельдмаршал Г. А. Потемкин-Таврический императрице, — старалась уловить его разными обещаниями, которые он отверг с презрением. В самой неудаче высказывает он неустрашимую смелость. Он потерпел в этом сражении с турками, но сам почти со всеми спасся и, оправясь, пойдет опять.

Он один только дерется...» Далее светлейший князь настойчиво ходатайствует перед Екатериной II о награждении Ламброса Кацониса за его боевые заслуги в должности командующего легкой российской флотилией перед Российской империей: «Всемилоостивейшее пожалование в полковники, — пишет генерал-фельдмаршал императрице, — умножат ревность его, а если еще Вашему Величеству благоугодно будет позволить мне отправить к нему знаки военного ордена 4-й степени, то сие, разнесшись повсюду, много произведет действия в народе греческом к пользе высочайшей Вашего Императорского Величества службы». ⁶⁴

29 июля 1790 г. Ламброс Кацонис за военные заслуги и личную храбрость производится в полковники. Как об этом говорится в Указе Екатерины II, очередной чин дается ему «в награждение усердной службы, отличной его храбрости и мужества, неоднократно оказанных в сражениях с турецким морским вооружением...». ⁶⁵

А в соответствии с Высочайшим Указом от 12 сентября 1790 г. полковник Ламброс Кацонис «в награждение его храбрости и подвигов и в ободрение его к дальнейшим действиям против неприятеля» становится кавалером российского ордена Святого Георгия 4 класса. ⁶⁶

Так достаточно высоко были оценены главнокомандующим и императрицей заслуги Ламброса Кацониса перед Российским государством в продолжающейся русско-турецкой войне.

В 1790 г. действовала в Эгейском море и вторая российская флотилия, теперь уже под командой генерал-майора А. К. Псаро, так и не сумевшая наладить оперативного, тактического взаимодействия с кораблями Ламброса Кацониса, поддержать его во время сражения у острова Андрос, помочь в восстановлении после тяжелого поражения. Казенная флотилия по-прежнему действовала автономно и не столь эффективно, как это предполагалось, как задумывалось. Командующие флотилиями греки Ламброс Кацонис и Антоний Псаро не смогли наладить добрые служебные отношения, подавить личные амбиции, найти взаимопонимание даже в интересах общего дела, в борьбе против единого врага, угнетающего их народ. ⁶⁷

Генерал-майор Псаро, как старший по воинскому званию, стремился, так же как и его предшественник на посту командующего казенной флотилией Гульельмо Лоренцо, полностью подчинить себе легкую российскую флотилию и ее командующего, имевшего воинское звание подполковника, подавить его авторитетом своего генеральского чина. При этом генерал-майор Псаро опирался на прямые указания из Сиракуз от контр-адмирала Гибса, хотя и сам нередко проявлял в этом вопросе инициативу и настойчивость. Подполковнику Ламбросу Кацонису в сложившихся обстоятельствах, особенно после поражения от турок в мае 1790 г., не всегда удавалось уклоняться от настойчивых требований амбициозного генерала-грека.

Именно на почве этого, по мнению главнокомандующего Потемкина-Таврического, «встретились разные между ними раздоры, службе Ея Императорского Величества весьма вредные...»⁶⁸

Обеспокоенный отсутствием единства в действиях морских сил в Эгейском море светлейший князь Потемкин-Таврический наконец не выдерживает. Своим Ордером от 24 декабря 1790 г. он вызывает в Санкт-Петербург для обстоятельного отчета контр-адмирала С. Гибса. «...Сами ваше превосходительство имеете явиться ко мне для личного объяснения обо всех обстоятельствах флотилий, — требует генерал-фельдмаршал Г. А. Потемкин. — Господина подполковника Лоренция Гульгельми желаю я употребить при важных ныне предприятиях во флоте Черноморском... господину генерал-майору Псаро дайте знать, чтобы он не вмешивался в дела флотилий».⁶⁹ На Средиземное море на смену контр-адмиралу С. Гибсу спешно направляется в начале 1791 г. генерал-майор В. С. Томара, получивший от светлейшего князя личный инструктаж, четкие письменные инструкции, Высочайше одобренные Екатериной II.

Ему предписывалось срочно выехать в Вену и следовать в Триест, «увидеться с г. контр-адмиралом Гибсом и, приняв от него команду со всеми бумагами, до флотилий наших касающимися, донести мне, — требует Г. А. Потемкин-Таврический, — как наискорее, в каком состоянии находятся наши силы и каким удобнейшим способом можно привести их в деятельность».⁷⁰

Между тем поздней осенью 1790 г. Ламброс Кацонис, передав управление оставшимися судами флотилии своему проверенному в боях заместителю Николаю Касими, прибывает в Вену, для того, чтобы встретиться с главнокомандующим Г. А. Потемкиным-Таврическим и лично доложить ему о положении дел на флотилии, об обстановке в Архипелаге, о своих нелегких отношениях с контр-адмиралом Гибсом, генерал-майором Псаро, о своих планах на будущее, запросить финансовую помощь, заручиться поддержкой генерал-фельдмаршала, получить от него указания по дальнейшим действиям флотилии.

Для выяснения, где находится главнокомандующий, Ламброс Кацонис направляет в Яссы несколько офицеров с письмом к генерал-фельдмаршалу, а сам с оставшимися 13 офицерами стал ждать сообщений, оставаясь в Вене. Ждать пришлось довольно долго. Светлейший князь Потемкин-Таврический в это время находился в Санкт-Петербурге, но получал соответствующую информацию о Ламбросе Кацонисе. Так, генерал-фельдмаршал следующим образом описал императрице положение полковника Ламброса Кацониса и его людей в Вене: «Ныне находясь с 13 офицерами своими в Вене, обременен будучи долгами и лишенный всего своего имущества, не имеет он не только ни малого там кредита, но даже и дневного пропитания, и подвержен сгинути в темнице ежели не удостоено будет восстановить его».⁷¹

Остатки флотилии Ламброса Кацониса и силы казенной флотилии генерал-майора А. Псаро в это время находились на ремонте в бухтах Ионических островов, в основном у острова Занте (Закинф), готовясь к очередной морской кампании 1791 г.⁷² По приказу Ламброса Кацониса в начале 1791 г. его флотилия в составе 5 судов под командованием Николая Касими убыла в Архипелаг, а затем проследовала к южным берегам Македонии с задачей захватить суда с хлебом, идущие в Константинополь.

Всесторонне оценив сложившуюся обстановку и исходя из принятых императрицей решений, князь Потемкин-Таврический рекомендует генерал-майору В. С. Томара как новому руководителю флотского командования в Средиземноморье в выполнении поставленных перед ним задач больше опираться на полковника Ламброса Кацониса, на его знания и боевой опыт и дает последнему весьма лестную характеристику: «...известная храбрость и предприимчивость полковника Ламбро Качони и доверенность его у греков обнадеживает меня, что с добрыми наставлениями он способнее других к проведению важных на неприятеля поисков, к чему вы его и учредите...»⁷³

Главкомандующий князь Г. А. Потемкин-Таврический строго требует от генерал-майора Томара основное внимание сосредоточить на объединении всех единоверных, всех возможных и имеющихся военных сил в борьбе против Порты. «...Ваше главное будет попечение, — инструктирует он генерала В. С. Томару, — привести их в согласие, дабы могли они единодушно действовать на общего врага нашего». Вместе с тем он также требует объединить и силы двух флотилий.

Вот как об этом писал позднее в 1793 г. сам генерал-майор Томара: «...предметом отправления моего в Средиземное море было соединение казенной и вольной флотилий; причем отозваны господа контр-адмирал Гибс, генерал-майор Псаро — командующий казенною флотилиею и подполковник Гвильельмо Лоренц; а господина Ламбро приказано мне употреблять...»⁷⁴

«Генерал-майор Псаро остается при своем poste (поверенного в делах на острове Мальта. — Ю. П.), не вмешиваясь в дела флотилии...»

Эти энергичные, хотя и несколько запоздалые меры, предпринятые главнокомандующим князем Потемкиным-Таврическим с Высочайшего соизволения императрицы разрядили напряженность в отношениях командования флотилий, помогли централизовать руководство перед предстоящими боевыми операциями на море, создали неплохие предпосылки для активных действий флотилий против турок в кампании 1791 г.

Между тем корабли Ламброса Кацониса под руководством Николая Касими, активно действуя в зимнее время, к весне имели ряд внушительных побед. Так, например, отряд флотилии кораблей «сжег... в заливе Воло, ни-

же Салоники, множество турецких судов с пшеницею, для Константинополя нагруженных, и три санины взял в плен...»,⁷⁵ что пробудило неподдельный гнев и суровые кары султана по отношению к своему военному и морскому командованию.

Вышли в море и действовали на коммуникациях противника и суда казенной флотилии под командованием генерал-майора Псаро, также имевшие боевой успех.

Прибыв в начале 1791 г. в Вену, генерал-майор Томара нашел Ламброса Качониса и его окружение в весьма затруднительном материальном положении, но не сломленных духом.

Он в присутствии офицеров флотилии вручил Ламбросу Качонису Указы Екатерины II о производстве его в чин полковника и награждении орденом Святого Георгия и затем прикрепил на грудь полковника и сам орден.

Потом были переданы устные и письменные наставления и указания главнокомандующего князя Потемкина-Таврического лично Ламбросу Качонису.

Глубоко растроганный и взволнованный «Высочайшими милостями», высокой оценкой его боевых заслуг в борьбе на море, полковник Ламброс Качонис обещал и впредь громить морские силы врага, уничтожать его торговый флот, бороться за полную победу в войне, за свободу греческого народа, за скорейшее избавление его от турецкого ига.

Вскоре он написал краткое, но взволнованное, верноподданническое письмо главнокомандующему, в котором благодарил за высокую оценку его трудов во благо России. Заверил через него императрицу в своей преданности, в готовности отдать за нее жизнь. «Чувствуя милости Ея Императорского Величества всемилостивейшей моей монархини и Вашей Светлости, — пишет Ламбро Качони, — усугублю рвение мое к службе... и не упущу случая к отличению себя новыми подвигами».

Разобравшись в обстановке, генерал-майор Томара оплатил все венские долги в сумме «1436 червонцев» «полковника и кавалера Ламбро Качони и находившихся при нем 13 человек офицеров...».⁷⁶

Выдал им необходимые средства для проезда всех из Вены в Триест, который был назначен местом сбора людей с погибших кораблей флотилии Ламброса Качониса. Оплатил проезд из Ясс в Вену офицеров во главе с секунд-майором Пангалло, направленных туда Ламбросом Качонисом к Г. А. Потемкину-Таврическому, их дальнейшее движение в Триест.

Генерал-майор Томара совместно с Ламбросом Качонисом провел необходимые переговоры, заключил соответствующие контракты, с тем чтобы в Триест из Вены доставлялось «необходимое снаряжение, вооружение, боеприпасы...» для флотилии.⁷⁷ Генерал-майор Томара и полковник Ламброс Качонис со своими подчиненными, завершив все необходимые дела в Вене,

убывают в Триест в начале марта 1791 г. 10 марта генерал-майор Томара прибывает в Ливорно и вручает контр-адмиралу Гибсу Ордер главнокомандующего об отзыве его из Италии и начинает немедленно принимать дела от него.

В своем рапорте генерал-фельдмаршалу Г. А. Потемкину-Таврическому контр-адмирал Гибс сообщает из Ливорно: «...прибывший сюда господин генерал-майор Томара (10 марта 1791 г. — Ю. П.) вручил мне Вашей Светлости ордер от декабря 24 дня 1790 г., в котором предписано мне поручив ему в ведение флотилии Ея Императорского Величества на Средиземном море и Архипелаге находящиеся, и передав ему все сведения до упомянутых флотилий касающихся, явиться к Вашей Светлости и дать знать генерал-майору и кавалеру Псаро, чтобы он уж не вмешивался в дела флотилии.

Предписание сие послал я немедля как к господину генерал-майору Псаро, так и к подполковнику Гульельму Лоренси, уведомляя сего последнего, что Ваша Светлость, желая употребить его при важных ныне предприятиях во флоте Черноморском, предписали мне предложить ему и склонить его вместе со мною ехать...»⁷⁸

24 марта 1791 г. генерал-майор Томара принял от контр-адмирала Гибса обязанности и дела флотилий касающихся и «остаточную сумму денег», подписал соответствующие документы и вступил в руководство всеми морскими силами на Средиземноморском театре военных действий». Вскоре он убывает в Триест, где уже находился и ждал его прибытия полковник Ламброс Кацонис со своими людьми. Здесь и началась их работа по созданию мощной боевой флотилии. Полковник Ламброс Кацонис, хорошо зная количественный состав и качественное состояние судов казенной и своей легкой флотилий, предложил генерал-майору Томара необходимые меры по усилению объединенной флотилии, обеспечению ее реальной боевой готовности, усилению ее ударной мощи, скорейшей подготовке кораблей и экипажей к боевым действиям.

Казенной флотилии генерал-майора Псаро и вольной легкой российской Ламброса Кацониса, находящейся под командою Николая Касими, было приказано, не задерживаясь, по завершению боевых действий собираться у острова Каламо (Каламос) Ионического архипелага.

Опираясь на мнение полковника Ламброса Кацониса, генерал-майор Томара запрашивает разрешения у главнокомандующего Г. А. Потемкина-Таврического купить несколько боевых судов для усиления флотилии и получает принципиальное согласие. Вскоре он доносит генерал-фельдмаршалу Г. А. Потемкину-Таврическому, что необходимую просьбу о продаже военных судов, снаряжения к ним уже подал: «...сие требование сделал я министерству по причине представлений господина полковник и кавалера Ламбро Качони о худом состоянии как его, так и генерала Псаро флота».⁷⁹

Генерал-майор Томара сумел добиться особой аудиенции у Императора Священной Римской империи и прибыл по приглашению его Величества в Вену. Во время весьма доброжелательной аудиенции он получил желаемое согласие императора и «содействие австрийского правительства в возложенных на него делах по покупке судов, оружия и прочих воинских припасов для вновь формируемой каперской флотилии». ⁸⁰

Полностью полагаясь на авторитет, военно-морские знания и боевой опыт полковника и кавалера Ламброса Кацониса, генерал-майор Томара возложил на него выбор и покупку боевых судов, действительно необходимых для усиления создаваемой флотилии. Просил только действовать продуманно и в рамках имеемых финансовых возможностей.

На Ламброса Кацониса возлагались также: подбор, найм необходимых флотилии моряков, как матросов, так и офицеров; назначение капитанов судов, формирование экипажей, их военно-морская подготовка; закупка необходимого вооружения, морского и военного снаряжения, боезапаса, продовольствия и т. д. — всего нужного для длительного боевого плавания.

Из-за нехватки времени и средств, к сожалению, не удалось полностью реализовать все предложенное Ламбросом Кацонисом. Он говорил, например, о необходимости усиления флотилии «несколькими прямо военными фрегатами», настойчиво предлагал «перевооружить лучшие суда более крупной артиллерией», о необходимости приблизить главную военно-морскую базу новой флотилии к районам боевых действий, как можно скорее принять все необходимые меры «по учреждению в Майнотском заливе пристанища для флотилии» и некоторое другое. ⁸¹

В апреле — июне 1791 г. в Триесте под контролем и при непосредственном участии Ламброса Кацониса были отобраны, проверены и закуплены боевые суда, несомненно усилившие боевую мощь и боевые возможности флотилии; необходимое военное и морское снаряжение и имущество, боезапас, продовольствие, медикаменты и перевязочные материалы и другие виды военно-морского обеспечения. Было набрано недостающее количество матросов и офицеров на все имеющиеся и вновь купленные суда, стали формироваться и доукомплектовываться экипажи всех кораблей.

Из Триеста к флотилии, собирающейся у о. Каламо (Каломос), партии направлялись полностью скомплектованные судовые команды.

В начале апреля 1791 г. к моменту прибытия Кацониса со своими офицерами из Вены в Триест, там уже находилось, как свидетельствуют архивные документы, «до 200 человек, служивших на обеих флотилиях». ⁸²

Как оказалось, большинство их составляли матросы и офицеры с кораблей легкой российской флотилии Ламброса Кацониса, погибших в сражении с турецко-алжирским флотом у острова Андрос в мае 1790 г. Оставшиеся в живых и не попавшие в плен к туркам моряки желали продолжить во-

оруженную борьбу против угнетателей, но не могли найти себе применение, «не имели где деваться после утраты полковником Ламбро большей части своих судов...». Примечательно то, что они хотели воевать с турками только под командованием Ламброса Кацониса, на судах его флотилии.

Оданном факте, говорящем о многом, прежде всего об огромном боевом и человеческом авторитете Ламброса Кацониса, о вере в него подчиненных генерал-майор Томара донес в своем очередном рапорте главнокомандующему князю Г. А. Потемкину-Таврическому. Он писал, что «из флотилии Ламбровой никто не шел под команду генерала Псаро и подполковника Гвильгельма». ⁸³ Даже испытывая серьезные материальные трудности, они терпеливо ждали того часа, когда вновь окажутся на кораблях легендарного командующего. И этот час настал.

По предложению полковника Ламброса Кацониса было специально куплено судно для отправки людей, доказавших свою преданность легкой российской флотилии и ее командующему, к острову Каламо, к месту сбора кораблей «казенной» и «вольной» флотилий, с указаниями об их дальнейшем служебном использовании на боевых судах бывшей флотилии Ламброса Кацониса, а также на кораблях, вновь приобретенных для флотилии в Триесте.

Докладывая о своем решении по данному вопросу главнокомандующему Г. А. Потемкину-Таврическому, об очередных финансовых расходах, генерал-майор Томара писал: «...для отправления их оттуда... решился я купить лучше одно судно и отправить их всех на оном ко флотилии...» ⁸⁴

Важнейшим вопросом для генерал-майора Томары и полковника Ламброса Кацониса было найти все суда обеих флотилий, обеспечить их скорейший приход к месту общего сбора. Сделать это было непросто. Ведь некоторые из них вели боевые действия, другие были на различных стоянках, в ремонте, на переходах морем и т. п.

Единственным средством связи, передачи распоряжений, оповещений были письма-распоряжения, Ордера с подписью и личной печатью генерал-майора Томары командующим флотилиями, командирам кораблей. Данные документы доставлялись специально посланными, доверенными людьми — нарочными, исполнявшими в Средиземноморье роль военных фельдъегерей, которые добирались на лошадях, на попутных судах к предполагаемому месту нахождения адресатов, где они нередко отсутствовали, а местные жители или не знали их точного местонахождения или не хотели разглашать его.

Все это было весьма трудно и опасно для самих курьеров, ибо свои задачи они решали в районах боевых действий, где существовали суровые законы войны, где легко можно было быть арестованным и объявленным шпионом. И все же данная работа проводилась. Она была необходима. Так, например, временно исполняющему обязанности командующего флотилией

Николаю Касими было послано письмо, в котором генерал-майор Томара давал ему следующие указания: «С находящимися в команде Вашей, по донесению господина полковника и кавалера Ламбро Качония, тремя карлангичами, одной сантии и одной галерой старайтесь сколько возможно захватывать неприятельских судов с хлебом, следующих в настоящее время к Цареграду (Константинополю. — Ю. П.) при плавании их в заливе Во-ло, остерегаясь при том всячески претерпеть какой-либо урон в Вашей флотилии.

Если удастся вам взять оныя, то, оставя для команды вашей нужное количество хлеба, прочий отправляйте к Венецианскому острову Каламо».⁸⁵

Далее Николаю Касими предлагалось: «При первом удобном случае побывайте в Майноцком заливе порто Поганья, объявите начальникам капитанам Дмитрию Григораки и его дяде о намерении моем учредить в том месте пристанище для всей флотилии и, заключив письменное соглашение с ними о сем условии, доставьте ко мне оное с нарочным от Вас верным человеком, который если не застанет меня, или господина полковника и кавалера Ламбро Качони в острове Корфу, то доверен искать мичмана Михалопуло и капитана Поскали Калопро».⁸⁶

Так были сделаны первые реальные шаги для начала важных переговоров по созданию нового места базирования, предложенного полковником Ламбросом Кацонисом.

По сведениям, полученным генерал-майором Томара от контр-адмирала Гибса при передаче дел, казенная флотилия после возвращения из зимнего боевого похода с февраля 1791 г. «находится ныне в порте Глемена у острова Санта-Мавры (Лефкас), откуда по окончании некоторыя суда исправлением отправится наша эскадра в скором времени обратно в крейсерство».⁸⁷

Действительно, вскоре выяснилось, что значительная часть судов «казенной» флотилии под руководством подполковника Гвильгельма Лоренцо уже вышла в боевой поход в Архипелаг и начала действовать на морских коммуникациях Османской Порты. Оставшиеся суда во главе с бывшим командующим генерал-майором Псаро перешли в район сбора и встали на якоря у острова Итака, ожидая возвращения остальных судов своей «казенной» флотилии, а также кораблей «вольной» легкой российской флотилии под временным командованием Николая Касими. Докладывая главнокомандующему генерал-фельдмаршалу Г. А. Потемкину-Таврическому о местонахождении и действиях судов обеих флотилий, о ходе сбора кораблей у острова Каламо, генерал-майор Томара информирует светлейшего князя летом 1791 г.: «...господина генерал-майора Псаро застал я с 4 судами казенной флотилии при острове Итаке. Все прочие суда казенной и вольной флотилии были в крейсировании в Архипелаге и собирались один к другому весьма поздно в острове Каламо...»⁸⁸

К этому времени, в начале июня 1791 г. генерал-майор Томара и полковник Ламброс Кацонис на корабле, в основном завершив все дела, вышли из Триеста к острову Итака, где неподалеку у острова Каламо было место стоянки всех прибывших судов флотилии. Здесь на месте они полностью разобрались с обстановкой. Ламброс Кацонис лично встречал, принимал все прибывающие суда, тщательно и всесторонне инспектировал их. Оценивал мореходные и боевые качества судов, их современное состояние; состав и уровень подготовки экипажей, их морально-боевой дух; вопросы обеспечения моряков всем необходимым для повседневной жизни и боевой деятельности; обеспеченность кораблей вооружением, боезапасом, продовольствием и другими видами обеспечения. Оперативно реагировал на жалобы и заявления моряков, стремился разрешать по возможности все возникающие служебные и личные вопросы, поддерживал необходимый уровень боевой готовности каждого из находящихся на рейде у острова Каламо судов, их защиту и оборону, охрану рейда. Выяснилось, что «большая часть служащих на флотилии казенной оставили тогда службу и команда судов казенных, — докладывает генерал-майор Томара главнокомандующему Г. А. Потемкину-Таврическому, — поручена была мною на капитанов доброй военной репутации начальства полковника Ламбро, чтоб каждый набрал на судно свое назначенное число матросов».⁸⁹

Тщательное разбирательство, организованное генерал-майором Томара, показало, что причиной данного неприятного явления на флотилии генерал-майора Псаро являлось невыполнение командованием своих обязательств. «Главная причина сему есть неплатежи, — докладывал главнокомандующему генерал Томара, — обещанного платежа и худое содержание».⁹⁰ Все это и вызвало уход с казенной флотилии подготовленных и проверенных в боевых походах матросов и офицеров, а их замена потребовала немало усилий командования, а также времени, сил и средств.

К началу августа из Архипелага из боевого похода вернулись без потерь корабли под командованием Г. Лоренцо и Н. Касими, в целом успешно решив поставленные перед ними задачи.

На рейде о. Каламо сосредоточилось 22 боевых судна, началась активнейшая подготовка их к выходу в Архипелаг, в боевое крейсерство.

Тщательное инспектирование прибывших судов позволило сделать окончательный и важный вывод, что «прежней Ламбровой флотилии суда возвратившиеся из Архипелага гораздо лучше снабжены и лучше имеют экипажи по сравнению с судами казенной флотилии» — и это подтвердил в своих докладах главнокомандующему генерал В. С. Томара.⁹¹

Не случайно, что, готовя корабли и экипажи объединенной флотилии к предстоящим боевым действиям, по просьбе генерал-майора В. С. Томара Ламброс Кацонис активно привлекает к работе по повышению боевой

готовности кораблей подчиненных со своих судов, использует их боевой опыт и знания, богатую морскую практику.

«...Нужнейшие исправления на судах и содержание экипажей, — констатирует данный факт генерал В. С. Томара в своих донесениях Потемкину-Таврическому, — производятся с помощью капитанов и других партикулярных людей из Ламбровой флотилии». Действительно, по состоянию на 12 августа 1791 г., согласно «Формулярному списку офицерам из греков, служившим во флотилии полковника и кавалера Ламбро Кацони», активно занимались подготовкой кораблей объединенной флотилии и их экипажей практически все 69 человек, числящиеся в данном формуляре: «капитанов — 21, поручиков — 27, прапорщиков — 21».⁹² Упорная, целенаправленная работа, проводимая под руководством и контролем полковника Ламброса Кацониса, стала давать положительные результаты. Собравшиеся у острова Каламо суда «казенной и вольной» флотилий ремонтировались, довооружались, доукомплектовывались. Обучались и сколачивались их экипажи. Несколько закупленных для усиления количественного состава флотилии судов вводились в боевой строй, как и их экипажи, но по особому плану.

На все имевшиеся корабли загружалось снаряжение, продовольствие, оружие. Все это дало возможность генерал-майору Томара, опираясь на мнение Ламброса Кацониса, заверить генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина-Таврического, что «флотилия же наша теперь, если удастся ей снарядиться, гораздо сильнее будет нежели в первую здесь сделанную кампанию». И это не были пустые слова. По состоянию на 5 сентября 1791 г. у острова Каламо в полной боевой готовности к выходу в море, в боевое крейсерство находилось 21 судно разных типов, укомплектованных в соответствии с боевым штатным расписанием того времени.⁹³

Официальное обращение генерал-майора В. С. Томара, направленное по рекомендации полковника Ламброса Кацониса к видным и авторитетным представителям населения Мани по вопросу создания нового пункта базирования объединенной флотилии на южной оконечности полуострова Пелопоннес, переданное через Николая Касими и по другим каналам в Мани, достаточно быстро дало положительный во всех отношениях результат, удовлетворяющий всех. Уже 3 августа 1791 г. «поверенный от всех греко-россиян в Майне» капитан Дмитрий Григораки прибыл из Мани на остров Каламо к генерал-майору Томара и вручил ему «Прошение жителей Порты Гайя и Поганя в Майне», в котором, опираясь на общее мнение жителей региона, удовлетворяются все основные просьбы и пожелания россиян по поводу создания на их территории пункта военно-морского базирования российской флотилии, создание военно-морской базы Российского флота.

В данном историческом документе по пунктам излагаются и позиция, и решения маниотов. Важнейшие из них, касающиеся флотилии и ее базирования, следующие:

- «...Второе. Во удовлетворение желаний Вашего Превосходительства уступаем мы наши места для плацарме и наш порт для флотилии.
- Третье. Для Вашего защищения будем иметь около 3000 человек сухопутных, и сколько можно будет постараемся сыскать других для смотрения ваших судов.
- Четвертое. Сверх того обязываемся помогать Вашему превосходительству и на море, ежели захотят наши служить на судах...
- ...седьмое. Все мы офицеры обязываемся служить Вашему Превосходительству на сухом только пути, а не на судах.
- Восьмое. Все те, которые вступят из нас в службу, будут состоять под командою Антона Григораки (капитана, родного дяди Дмитрия Григораки. — Ю. П.), а он должен только давать свои рапорты Вашему Превосходительству, яко главнокомандующему, и потом господину полковнику Ламбро Кацони, как верному слуге Ея Величества и который приглашал нас к таковому предприятию еще в прошлом году...
- ...одиннадцатое. Всенижайше просим Ваше Превосходительство во уверение всего того дать нам один документ за подписанием своим и с уверением, что просьбы наши Вами приняты, который документ могу я доставить в мое Отечество, чтоб тем придать силы моим братьям.

Подлинно подписано Дмитрий Григораки...»⁹⁴

Таким образом, к середине августа 1791 г. российское военное командование имело не только практически подготовленную к выходу в море объединенную флотилию, но и все договоренности по вопросам создания новой военно-морской базы россиян в Мани, на юге Пелопоннеса, находящейся на территории врага, значительно ближе к районам боевого крейсирования судов флотилии, к местам возможных боевых действий. Во всем этом видно разумное предвидение, огромная личная заслуга полковника и кавалера Ламброса Кацониса, проведшего предварительные переговоры с маниотами. Итоги его целенаправленной и упорной организаторской, управленческой деятельности по созданию флотилии, подготовке мест ее базирования, к боевым действиям в Эгейском море были очевидны и плодотворны, несмотря на исключительно острую нехватку финансовых средств, о чем генерал-майор Томара постоянно информировал главнокомандующего князя Г. А. Потемкина-Таврического, прося дополнительных ассигнований с тем, чтобы уложиться в установленные сроки. В данных условиях только благодаря авторитету, огромной организаторской работе Ламброса

Кацониса удалось своевременно завершить ремонт, подготовить суда и их экипажи к боевому плаванию, и все это в рамках чрезвычайно сжатых сроков, хотя и намеченных и утвержденных свыше.

Итак, корабли флотилии в составе 21 единицы были в целом готовы к выходу в море, к боевым действиям. «Вся флотилия к выступлению в море могла бы быть готова в первых числах сентября», — докладывал главнокомандующему генерал-майор Томара.

Однако этого не произошло. 28 июня 1791 г. у Мачина была разгромлена 80-тысячная турецкая армия, а 31 июля на Черном море, у мыса Калиакрия уничтожен корабельной эскадрой адмирала Ф. Ф. Ушакова турецкий флот. Порта, до этого затягивающая переговоры, срочно запросила перемирия, прекращения всех боевых действий как на море, так и на суше. К генерал-майору Томара прибыл Ордер от главнокомандующего русской армией в Молдавии генерала Н. В. Репнина о прекращении всех военных действий, так как 31 июля (11 августа) 1791 г. было подписано перемирие с Османской Портой, начаты мирные переговоры.

По приказу генерал-майора Томара осенью значительная часть тяжелых судов флотилии была переведена на зимнюю стоянку в Сицилию.

По рекомендации Ламброса Кацониса командование судами, уходящими в Сицилию, было возложено на его проверенного и опытного заместителя Николая Касими. Под его руководством и был осуществлен перевод основных сил флотилии от острова Каламо в Сицилию, последующее командование ими на зимней стоянке.

Теперь на прежней якорной стоянке у острова Каламо остались в основном легкие суда под командованием полковника Ламброса Кацониса, которые также стали готовиться к зиме, проводить соответствующие для этого работы. Убывая с флотилии в октябре месяце, генерал-майор особо позаботился об обеспечении остающихся судов необходимым продовольствием в полном объеме: «...Оставлено полковнику Ламбро провизии на три месяца, а в январе 1792 г. послано еще на 3 месяца и на 300 человек...»⁹⁵

В целом спокойная и размеренная жизнь корабельных команд, находящихся на зимней стоянке, была нарушена, взорвана радостным известием о подписании наконец в Яссах 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.) мирного договора. Война успешно завершилась. Однако вскоре выяснилось, что условия мирного договора, в целом выгодного для России, никак не изменили положение греков. Все осталось по-прежнему. Еще одна серьезная возможность освобождения греков не была Россией реализована. Все это вызывало глубокое разочарование и даже возмущение. За свою активную, совместную с россиянами вооруженную борьбу против Османской Порты, за гибель многих и многих своих боевых товарищей греки ничего не получили.

Обещание Екатерины II содействовать освобождению Греции от многовекового турецкого владычества оказалось не выполненным. Более того, в тексте мирного договора Греция даже не упоминалась.

Многие греческие патриоты и среди них полковник российского флота и кавалер Ламброс Кацонис считали себя обманутыми, пришли к выводу, что не следует теперь особо надеяться на Россию, а нужно своими силами продолжить вооруженную национально-освободительную борьбу, поднимать народ Греции. Война окончилась победоносно для России, но не для полковника Ламброса Кацониса, который публично заявил об этом, о своем недовольстве ее итогами. Считая, что мир с турками заключен без учета интересов греческого народа и поэтому война за свободу и независимость Греции будет продолжена, он и подчиненные ему люди не сложат оружия, «пока греки не добьются своих прав...».

Получив приказ генерал-майора Томара перевести легкие суда флотилии в Триест и разоружить их, Ламброс Кацонис отказался его выполнить и стал готовиться к боевым действиям против турок, к выходу в море. Всем этим он по сути не выполнил Имянное Повеление императрицы, прибывшее в адрес генерал-майора Томара, которое гласило: «По прибытии его (полковника Качони) тотчас разоружить все суда, и в рассуждения состоящего на нем Качони долгу, общее с ним сделать распоряжение о продаже некоторых, других же об отправлении в Черное море, поместя на них желающих поселиться в Империи Нашей. Таковое же распоряжение учинить и о купленных на казенный счет судах, стараясь соблюсти по всей возможности пользу казенную. Екатерина».⁹⁶

Генерал-майор Томара доносит главнокомандующему князю Н. В. Репнину, императрице о поведении и действиях полковника Ламброса Кацониса, которые, по его оценке, являются мятежными, принимает меры «о пресечении беспорядков со стороны легких судов флотилии полковника Ламбро и не допустить его самого следовать в Майну...»

Но все его действия оказываются запоздалыми. Полковник Ламброс Кацонис с одиннадцатью судами со стоянки у острова Каламо уже ранней весной ушел к южной оконечности Пелопоннеса, к мысу Матапан, где избрал своей базой Порто-Кайо (Порто Кагио), бухту с узким входом, со скалистыми берегами, хорошо защищенную от господствующих ветров.

На борту его кораблей находился известный грек-патриот Клефт Андрусос, с 1790 г. участвовавший во всех походах флотилии Ламброса Кацониса со своим боевым отрядом, полностью поддерживавший взгляды и действия отважного командующего.

Генерал-майор Томара пытался теперь всеми мерами переубедить полковника Ламброса Кацониса, предлагал ему оставить с судами Мани, пытаясь «...возвратить его из оной».⁹⁷ Но из этого также ничего не вышло. Труд-

ное и опасное решение Ламброса Кацониса было окончательным и бесповоротным.

По указанию полковника для защиты входа в бухту строится несколько артиллерийских батарей, укрепляется сухопутная оборона бухты, ее якорной стоянки. Со своей новой базы суда Ламброса Кацониса вскоре начинают осуществлять выходы в море и дерзко захватывать суда, причем не только под турецким флагом, но и под флагами других государств, в том числе и под французским. Эти необоснованные и непродуманные действия командиров кораблей повсюду воспринимались как неприкрытое пиратство и осуждались. Делу Ламброса Кацониса, его авторитету это наносило непоправимый урон.

В мае 1792 г. Кацонис опубликовал свой Манифест, в котором подчеркнул недовольство греков тем, что их интересы не были соблюдены, что интересами греков пожертвовали. Заявил о своем признательном, добром, верноподданническом отношении к Екатерине II; о боевых успехах своей флотилии («никто не может сказать, что в этих местах турки не боялись Кацониса, он держал их всегда в напряжении»); о больших героических усилиях многих греков в минувшей войне, об огромных жертвах, понесенных ими, но, однако, ничего не получивших за это по условиям подписанного мира.

Подчеркнул, что греки будут продолжать войну до тех пор, «пока не получат права, которые им принадлежат...», что теперь он будет действовать в национальных интересах Греции.⁹⁸

Известно несколько вариантов текста Манифеста, содержание которых полковник Ламброс Кацонис категорически позднее отвергал, хотя смысл всех был одинаков и в общем отвечает приведенному здесь.

Обеспокоенные активностью судов Ламброса Кацониса турецкие власти решают покончить с ним окончательно.

В начале июня из Константинополя вышла мощная турецкая эскадра с сильным десантом на борту под командованием Капудан-Паши Хюсеина в составе не менее 20 единиц, в числе которых было до 12 только линейных кораблей. К ней присоединился один французский фрегат с современным артиллерийским вооружением большой ударной силы.

К середине июня турецкий флот блокировал Порто-Кайо и стал готовить атаку и с моря и с суши. Турецкая эскадра и французский корабль подвергли опорную морскую базу Ламброса Кацониса длительному и массированному артиллерийскому обстрелу, разрушая батареи береговой обороны, береговые сооружения, нанося повреждения судам Ламброса Кацониса, стоящим на рейде, а затем пошли на штурм.

В течение трех дней моряки кораблей Ламброса Кацониса и воины Андруцоса отчаянно и стойко оборонялись, успешно отражали многочислен-

ные атаки турок, которые не снижали силу своего натиска. Положение становилось критическим, помощи было ждать неоткуда. Силы защитников таяли. Обстановка для осажденных еще более усложнилась в результате начала действий с суши 7-тысячного корпуса под руководством Бея Мани Дзанетоса Григоракиса, состоящего из жителей Мани.

Бей долго выжидал, но вынужден был подчиниться категорическим требованиям турецкого военного командования, центральных властей, начать наступление на Порто-Кайо всеми имеющимися силами.

К этому времени 40 видных маниотов уже были арестованы в Константинополе, и турецкие власти заявили, что все они будут казнены, если местными властями Мани не будет выдан живой или мертвый Ламброс Кацонис.

Серьезнейшее давление было оказано и на греческую православную церковь. От константинопольского патриарха власти потребовали пригрозить маниотам отлучением от церкви, если они будут поддерживать Ламброса Кацониса, в чем-то помогать ему.

Кроме того, на жителей Мани стало оказываться и серьезное экономическое давление. В данных условиях Бей Мани тайно предупредил Ламброса Кацониса о начале своего наступления и предложил прекратить сопротивление, обещая при этом не препятствовать Ламбросу Кацонису и его людям уйти с миром.

Оценив безысходность складывающейся обстановки, отсутствие перспектив дальнейшей обороны порта, для того, чтобы сохранить людей, Ламброс Кацонис приказывает взорвать и затопить суда флотилии, уничтожить береговые батареи и имущество, а людям уходить в горы Мани, рассеяться по местным селениям, по побережью.

Действительно, большинству офицеров и матросов с кораблей флотилии удалось спастись. Их фактически и не преследовали, хотя имитировались их активные поиски повсюду. В конечном счете практически все, кто хотел, добрались до венецианских владений, до островов Ионического архипелага. Самому же Ламбросу Кацонису ночью на небольшом, но быстрходном судне, со своим ближайшим окружением удалось проскользнуть через линию кораблей, осуществлявших блокаду, и уйти на остров Киферу (Китира), а затем перебраться на остров Итака.⁹⁹

Так закончилась героическая эпопея Ламброса Кацониса в Мани, на юге полуострова Пелопоннес, пробудившая самосознание многих греков, еще более прославившая имя Ламброса Кацониса среди греческого народа.

Пребывание Ламброса Кацониса на островах Ионического архипелага вызвало у венецианских властей серьезную озабоченность, было политически и экономически невыгодно для архипелага, ибо вызывало постоянные трения с турецкими властями, осложняло отношения не только с Отто-

манской Портой, но и другими странами. Попытка Ламброса Кацониса найти судно, сколотить экипаж из своих сподвижников и сторонников для дальнейших действий против турок в условиях мирного времени вызвали решительный протест венецианцев. Ламбросу Кацонису было предложено покинуть острова Ионического архипелага.

Позднее, находясь под все усиливающимся давлением турецких дипломатических и государственных управленческих органов, венецианские власти арестовали многих моряков и сподвижников Ламброса Кацониса, а некоторых даже выдали Турции, среди них был и Клефт Андруцос, закончивший свою жизнь в турецкой тюрьме.

Среди арестованных была и семья Ламброса Кацониса, которая, как и другие греки, провела в тюрьме несколько месяцев, но потом все были освобождены благодаря усилиям российской дипломатии.

Свыше двух лет полковник Ламброс Кацонис по сути скрывается, как настоящий международный преступник, от всех, не имея постоянного местожительства и средств к существованию.

Позднее, живя уже в России в Херсоне он весьма ярко описывает свое положение, в каком он находился в этот сложный для него период жизни, что два года скрывался и нищенствовал яко преступник и объявленный изменник.¹⁰⁰

Многочисленные обращения к российским властям, к дипломатическим службам России результатов не давали. Его все как будто бы забыли. Он считался «изменником», открыто выступившим против политики и решений императрицы, положений Ясского мирного договора, демонстративно не исполнявшим приказы и распоряжения высшего командования, не выполнившим свои финансовые обязательства перед государством.

В середине 1794 г. под влиянием целого ряда существенных обстоятельств, особенно в связи с началом работы специальной государственной комиссии, созданной по указу Екатерины II с целью расследования многочисленных жалоб и обращений представителей различных европейских стран к императрице по долгам и обязательствам, не выплаченных по делам легкой российской флотилии Ламброса Кацониса, а также многих требований о возмещении незаконно нанесенного ущерба действиями кораблей той же флотилии в годы войны 1787–1791 гг., Ламбросу Кацонису разрешили вернуться в Россию.

Немалую роль в реабилитации Ламброса Кацониса сыграли многочисленные ходатайства видных военных и политических деятелей империи с просьбой простить «ошибки», «вину» недавнего героя, так много сделавшего в Средиземноморье во славу России.

Под воздействиями этих и других обстоятельств полковник Ламброс Кацонис получает долгожданное прощение. Но ему пока разрешено с семь-

ей приехать только в город Херсон.¹⁰¹ В письме графа П. Зубова — фаворита императрицы — российскому консулу в Триесте дается указание разрешить Ламбросу Кацонису с семьей въезд в Россию, в г. Херсон, выдать ему необходимые для проезда документы и деньги.

С письмом от российского консула в Триесте к вице-адмиралу Н. С. Мордвинову, с немалыми дорожными трудностями поездки через всю Европу, Ламброс Кацонис в конце сентября — начале октября 1791 г. прибывает наконец с семьей к месту своего назначения. Здесь, в Херсоне он сразу же появляется перед своим бывшим начальником вице-адмиралом Н. С. Мордвиновым и вручает ему письмо консула в Триесте. С этого начинается новый этап его славной жизни и деятельности, но теперь уже опять в России.

Многие авторы исследований жизни и деятельности Ламброса Кацониса по-разному оценивают и трактуют причины его неудач в Мани летом 1792 г.

Хотелось бы высказать свое видение данной проблемы:

- на наш взгляд, Ламброс Кацонис неверно объеме оценил общую расстановку сил, общеполитическую обстановку в Европе, сложившуюся в ходе и особенно после завершения русско-турецкой войны 1787–1791 гг.;
- национально-освободительное движение греков крепло, росло и развивалось в годы войны 1787–1791 гг. И оно, конечно, было более зрелым, массовым и мощным, чем аналогичное движение в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Налицо был явный рост национального самосознания и политической активности населения, проявившейся прежде всего в готовности многих людей взять оружие и вести вооруженную борьбу с поработителями за свободу и независимость Греции.

Боевые действия каперской легкой российской флотилии Ламброса Кацониса, ее успех являлись своеобразным катализатором боевой активности многих греков. Победы над турками были очевидны, являлись примером, звали к борьбе. Ламброс Кацонис стал настоящим знаменем вооруженной национально-освободительной борьбы. Он своей героической личностью олицетворял облик настоящего грека-патриота, близкого и понятного всем, а главное, простым людям. Поэтому Ламброс Кацонис искренне верил, что его имя, его авторитет поднимут всех греков на вооруженную борьбу, стоит лишь к ним обратиться под лозунгом борьбы за национальное освобождение Греции. Поэтому он был убежден, что народ Мани, воинственный и независимый, первым откликнется на его призыв, пойдет за ним, ведь он так любит свободу, ненавидит турок. Стоит лишь начать боевые действия — и народ Мани возьмет в руки оружие и выступит против угнетателей. Но расчеты эти оказались во многом ошибочны. Маниоты, всегда сочувствующие и помогавшие ему, хорошо помнили последствия войны

1768–1774 гг. и жертвы, понесенные ими. Даже с Россией они не смогли тогда одолеть врага. Теперь сухопутных войск и российского флота здесь не было. А противостоять приходилось все той же мощной империи, правда несколько ослабленной закончившейся последней войной, но все же по-прежнему сильной как в экономическом, так и военном плане; сохранившей серьезную международную поддержку и помощь.

Ламброс Кацонис недооценил возможности Османской Порты, достаточно сильного и богатого государства, все еще способного защитить свои интересы, подавить вооруженную национально-освободительную борьбу, жестоко расправиться с восставшими, залить кровью улицы греческих селений и городов.

К сожалению, и греческое население еще не было готово, не созрело к массовым, одновременным вооруженным выступлениям, к неизбежным тяготам и лишениям, к тяжелым потерям в результате вооруженной борьбы против правительственных войск. Население было расколото, часть его верно служила турецким властям, будучи довольна тем, что они получали за добросовестную службу Порте.

Другие понимали, что без поддержки извне таких государств, как Россия, Англия, Франция добиться независимости невозможно. Требовалось создать европейское общественное мнение в пользу Греции, ее освобождения от многовекового турецкого ига. А для этого необходимо было время, изменение международной обстановки в Европе, активная работа тайной национально-освободительной организации, какой и явилась в будущем «Филики Этерия» в первой четверти XIX в.

Таким образом, можно заключить, что выступление с оружием в руках Ламброса Кацониса опередило свое время, он выступил, не имея военных, политических, экономических предпосылок и условий, которые могли бы предопределить успех в неравной борьбе, полную победу греческого народа. Но тем величественнее видится через века беспрецедентный подвиг, беспредельное мужество Ламброса Кацониса и его людей, бросивших открытый вызов одной из сильнейших держав своего времени. Их действия в Мани — гористой области Пелопоннеса являлись предметом восхищения и подражания для многих греков-патриотов.

Так, один из основателей тайного греческого общества в Одессе Э. Ксантиос в своих воспоминаниях о создании национально-освободительной организации, общества «Филики Этерия», имевшего задачу «вовлечь в него всех своих видных и храбрых соотечественников, чтобы самим сделать то, чего они так долго ожидали от милосердия христианских государей», писал, что для всех них подлинным, зовущим примером, ободряющим, поднимающим боевой дух, вселяющим веру в успех, являлись победы в морских сражениях Ламброса Кацониса и сама личность этого славного грека-пат-

риота, бесстрашно, в опоре только на собственные силы, начавшего героическую борьбу против Османской Порты.

Как считали и писали многие современники Ламброса Кацониса, в том числе и иностранцы, если когда-нибудь греки будут среди независимых государств, «они должны поставить памятники Ламбросу». Потому что он «был вдохновитель свободы», учил греков своим личным примером. С маленькими кораблями в Архипелаге он бесстрашно «противостоял крупным морским силам огромной державы, империи» и, не боясь их, — побеждал!

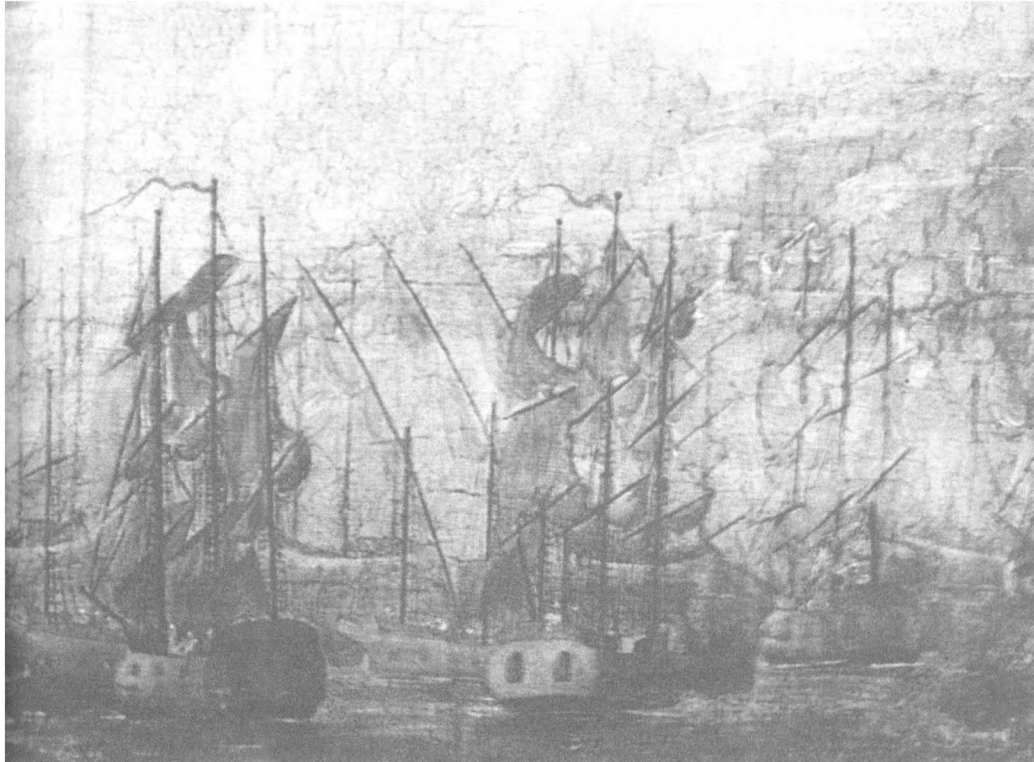
Примечания

- ¹ РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 36, л. 102.
- ² Материалы для истории русского флота. СПб., 1890. Ч. XIII. С. 249–253; РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 511, л. 196, 197; РГА ВМФ, ф. 212, канц. 2 отд., д. 327, л. 1.
- ³ Материалы для истории русского флота. СПб., 1890. Ч. XIII. С. 249; РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 63, л. 142.
- ⁴ РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 63, л. 142.
- ⁵ Там же. Л. 142.
- ⁶ Материалы для истории русского флота. СПб., 1890. Ч. XIII. С. 253; Военно-морской словарь. М.: Воениздат, 1990. С. 172.
- ⁷ РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 63, л. 143.
- ⁸ Там же. Л. 144.
- ⁹ Там же. Л. 144.
- ¹⁰ РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 63, л. 138–140.
- ¹¹ Материалы для истории русского флота. СПб., 1890. Ч. XIII. С. 395.
- ¹² Там же. С. 395, 396; *Петров А. Н.* Вторая Турецкая война в царствование импер. Екатерины II. СПб., 1880. Т. 2. С. 125.
- ¹³ РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 184, 185.
- ¹⁴ Материалы для истории русского флота. СПб., 1904. Ч. XVIII. С. 127.
- ¹⁵ РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 184–187.
- ¹⁶ Там же. Л. 186, 187.
- ¹⁷ Там же. Ф. 227, оп. 1, д. 46, л. 108, 109.
- ¹⁸ Там же. Л. 114, 153.
- ¹⁹ Там же. Л. 154.
- ²⁰ Материалы для истории русского флота. СПб., 1890. Ч. XIII. С. 257.
- ²¹ Там же. С. 525, 526.
- ²² РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 76/77, л. 4–8, 131–134.
- ²³ РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 511, л. 195.

- 24 Материалы для истории русского флота. СПб., 1890. Ч. XIII. С. 395.
- 25 Там же. С. 395, 396, 381.
- 26 Там же. С. 395; РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 184–187.
- 27 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 184–187.
- 28 Материалы для истории русского флота. СПб., 1890. Ч. XIII. С. 394, 395.
- 29 История Греческой нации (государства). Афины, 1980. Т. 1 «А». С. 89, 90.
- 30 Материалы для истории русского флота. СПб., 1890. Ч. XIII. С. 403.
- 31 Там же. С. 403, 404.
- 32 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 27/28, л. 363–366.
- 33 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 63/64, л. 243–252.
- 34 Материалы для истории русского флота. СПб., 1890. Ч. XIII. С. 525, 526.
- 35 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 63, л. 168.
- 36 РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 7, 8.
- 37 Там же. Л. 7.
- 38 Там же.
- 39 Там же.
- 40 Материалы для истории русского флота. СПб., 1890. Ч. XIII. С. 525, 526.
- 41 Там же. С. 525.
- 42 Там же. С. 525; Общ. морск. список. СПб., 1890. Ч. IV. С. 218; Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 1. С. 240.
- 43 РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 7.
- 44 РГА ВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 1912, л. 16; *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. М., 1970. С. 88–89.
- 45 РГИА, ф. 1412, оп. 252, д. 669, № 2641.
- 46 Материалы для истории русского флота. СПб., 1890. Ч. XIII. С. 524, 568.
- 47 РГА ВМФ, ф. 212, канц. 2 отд., д. 327, л. 1; Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 1. С. 240.
- 48 Материалы для истории русского флота. СПб., 1890. Ч. XIII. С. 568, 569.
- 49 РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 7.
- 50 Там же. Л. 7.
- 51 Материалы для истории русского флота. СПб., 1890. Ч. XIII. С. 567.
- 52 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 95, л. 29.
- 53 Материалы для истории русского флота. СПб., 1890. Ч. XIII. С. 567.
- 54 РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 64.
- 55 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 27/28, л. 371–374; Материалы для истории русского флота. СПб., 1890. Ч. XIII. С. 602.
- 56 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 63/64, л. 291, 292.
- 57 РГА ВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 1912, л. 19; *Арш Г. Л.* Этерийское движение в России. М., 1970. С. 89.
- 58 Материалы для истории русского флота. СПб., 1890. Ч. XIII. С. 602.

- 59 Материалы для истории русского флота. СПб., 1890. Ч. XIII. С. 569; РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 63; РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 95, л. 28.
- 60 РГА ВМФ, ф. 227, оп. 1, д. 53, л. 57; Русский биографический словарь. СПб., 1910. С. 111.
- 61 История Греческой нации. Афины, 1980. Т. 1 «А». С. 92–93; РГА ВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 1912, л. 23; Исторический вестник. 1911, октябрь. С. 202.
- 62 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 64, л. 83.
- 63 РГА ВМФ, ф. 212, канц. 2 отд., д. 327, л. 1, 3; РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 64, 65; *Петров А. Н.* Вторая Турецкая война в царствование импер. Екатерины II, 1787–1791. СПб., 1880. Т. 2. С. 126; ЗООИД. Одесса, 1872. Т. 8. С. 220.
- 64 Исторический вестник. 1911, октябрь. С. 203.
- 65 РГА ВМФ, ф. 212, канц. 2 отд., д. 309, л. 2.
- 66 Там же. Л. 2; Военно-энциклопедический словарь. СПб., 1911. Т. 1. С. 218.
- 67 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 183; ф. 227, оп. 1, д. 56, л. 1–11.
- 68 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 67–69, л. 200, 225, 246–249, 978, 979; Материалы для истории русского флота. СПб., 1895. Ч. XV. С. 571–577.
- 69 Материалы для истории русского флота. СПб., 1895. Ч. XV. С. 578; РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 154, 159.
- 70 Там же. С. 578.
- 71 ЗООИД, 1872. Т. 8. С. 220.
- 72 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 153–154; ф. 197, оп. 1, д. 30–32, л. 610–613.
- 73 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 67–69, л. 200, 225, 246–249, 979; Материалы для истории русского флота. СПб., 1895. Ч. XV. С. 577, 578.
- 74 РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 64.
- 75 ЗООИД, 1872. Т. 8. С. 29.
- 76 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 60, л. 355; ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 192.
- 77 Там же. Л. 192, 193.
- 78 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 95, л. 1.
- 79 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 191.
- 80 Описание дел архива морского министерства. СПб., 1906. Т. X, л. 293.
- 81 Там же. Л. 293; РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 198.
- 82 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 200.
- 83 Там же.
- 84 Там же.
- 85 Там же. Л. 198.
- 86 Там же.
- 87 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 60, л. 344.
- 88 РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 53.
- 89 Там же. Л. 64.
- 90 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 153, 159.

- ⁹¹ Там же. Л. 160.
- ⁹² Там же. Л. 160, 163–166; РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 64.
- ⁹³ РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 154; РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 33.
- ⁹⁴ РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 167, 191.
- ⁹⁵ РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 58.
- ⁹⁶ Там же. Л. 41.
- ⁹⁷ Там же. Л. 52.
- ⁹⁸ История Греческой нации. Афины, 1980. Т. I «А». С. 784; *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. М., 1970. С. 91; РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 37.
- ⁹⁹ Там же; РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 40.
- ¹⁰⁰ РГА ВМФ, ф. 239, оп. 1, д. 20, л. 34.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 33, 34.

**Глава
третья**

**Легкая российская
флотилия Ламброса
Кацониса:
корабельный состав,
боевые возможности,
тактика действий**

Устойчивый интерес у историков разных стран, российской и греческой общественности, в 2002 г. отметивших 250-летие со дня рождения национального героя Греции, полковника и кавалера России Ламброса Кацониса, обычно вызывают его яркая личность, организаторская деятельность по созданию легкой каперской флотилии, управление ею в ходе борьбы на морских коммуникациях Средиземноморья, достигнутые победы, общие военнополитические результаты его деятельности.

Однако значительно меньше внимания уделяется истории самой флотилии, ее судьбе, оценке корабельного состава и ее боевых возможностей, тактике действий, приносящих ощутимый успех, обеспечивающей морское господство флотилии в Архипелаге, решение основных задач, поставленных российским морским командованием в регионе, проблемы ее базирования, ремонта, обеспечения продовольствием, комплектования личным составом, формирования боеспособных экипажей.

Как уже говорилось, основа будущей флотилии была заложена покупкой Ламбросом Кацонисом в январе 1788 г. на имеющиеся у него и собранные пожертвованиями средства американского быстроходного парусного судна, вооруженного затем 26-ю пушками и названного «Минерва Северная», комплектованием экипажа из числа опытных местных моряков-греков, готовых быть каперами, сражаться с угнетателями своего народа, с Османской Портой на морских коммуникациях Эгейского моря, в Архипелаге.

Всемерно активизируя подготовку судна и его экипажа к каперским действиям, Ламброс Кацонис провел огромную организаторскую работу и 28 февраля 1788 г. «под российским военным флагом», получив соответствующие инструкции командования, вышел из Триеста в свой первый боевой поход «корсировать против турков».

Вслед за ним вскоре отправилось из Триеста еще два греческих судна, снаряженных на деньги местной греческой общины, которые пожелали действовать под командой Ламброса Кацониса. Их встреча состоялась в море.

Уже в мае 1788 г. майор Ламброс Кацонис доносит главнокомандующему генерал-фельдмаршалу Г. А. Потемкину-Таврическому, что в составе его флотилии 10 судов. Она сформировалась в результате «захвата призов», добровольного присоединения к каперам греков-судовладельцев со своими кораблями.

Суда эти были разной конструкции и предназначения: парусные, парусно-гребные, гребные. Все в целом хорошо приспособленные к плаванию в прибрежных и островных районах, вооруженные пушками небольшого калибра, имевшие на борту хорошо вооруженные и отлично обученные абор-

дажные партии (команды). Общий численный состав корабельного соединения летом 1788 г. превышал 500 человек.

Архивные документы позволяют заключить, что в составе флотилии Ламброса Кацониса в разное время, в ходе 4-х боевых кампаний находились и успешно действовали: фрегат, кирлангичи, шебеки, поляки, корветы, сантии, куттера, галиоты, канонерские лодки (барки).

Все эти суда отличали следующие важные тактические характеристики, качества и свойства: быстроходность, высокая маневренность, небольшая осадка, устойчивость на волне, относительно мощное артиллерийское вооружение. Общие тактико-технические данные и характеристики каждого из названных типов судов Ламброса Кацониса приведены в конце данной главы.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что отнесение судов флотилии Ламброса Кацониса к тому или иному типу в некоторых случаях весьма условно и поэтому в ряде архивных документов одно и то же судно относится к различным типам кораблей. Так, например, судно «Ахиллес» в одних документах называется полякой, в других кирлангичем; «Святой Спиридон» в одних архивных материалах числится фрегатом, в других корветом и т. д.¹

Это вполне объяснимо. Суда каперской флотилии не являлись военными кораблями специальной постройки, а были первоначально гражданскими, купеческими, причем постройки разных стран: Турции, Греции, Алжира, Италии и других.

Пройдя незначительную модернизацию, в основном получив морские пушки, они становились военными судами и по своим размерам, по своему артиллерийскому и парусному вооружению, по сути произвольно, относились к тому или иному типу судов.

Следует особо заметить, что корабельный состав флотилии на протяжении 4-х боевых кампаний не был строго постоянным, он изменялся: то увеличивался присоединением новых греческих судов, введением в ее состав захваченных призов, по некоторым данным до 16 единиц, то уменьшался в связи с уходом судов на ремонт, в связи с боевыми повреждениями, потерями, или решением судовладельцев завершить (по разным причинам. — *Ю. П.*) свою каперскую деятельность или иным обстоятельствам. Так, например, судовладелец грек-идриот Калига со своим судном после захвата его с грузом для турок, был присоединен в 1788 г. Ламбросом Кацонисом к своей флотилии. Недовольный этим, а также возмущенный требовательностью и характером командующего прапорщик Калига, не желая быть капером со своим судном, при первом же удобном случае покинул флотилию, прибыл в Сиракузы и добровольно вступил в состав казенной российской флотилии, где и воевал длительное время под командованием подполковника Гульельмо Лоренцо, а затем и генерал-майора Псаро.² И всегда весьма

неприязненно относился к Ламбросу Кацонису. И эти отношения были взаимны.

Документы позволяют судить, что, как правило, костяк флотилии Ламброса Кацониса составляли до 10-ти боеспособных кораблей с хорошо подготовленными экипажами, полностью обеспеченными всем необходимым для длительных боевых действий в море.

Главной целью каперских операций был захват торговых судов и перевозимых ими грузов. Захваченные «призы» являлись законной добычей флотилии, отличившихся команд каперских кораблей. Плененные суда обычно тщательно досматривались и затем, как правило, уничтожались путем сожжения, правда, некоторые из них, мало поврежденные и могущие стать военными судами, присоединялись к флотилии. Как уже отмечалось выше, в октябре 1788 г., после длительного и напряженного боевого похода, успешных действий в районе Архипелага флотилия Ламброса Кацониса, чье имя стало легендарным, весьма грозным для турецких моряков, завершив свою первую боевую кампанию, после непродолжительной стоянки у острова Закинф, основной частью своих корабельных сил, в составе 9-ти судов прибыла в Триест, чтобы отчитаться перед командованием о своей боевой деятельности, а главное, произвести профилактический осмотр, текущий ремонт и замену обветшавшего такелажа, по возможности усилить артиллерийское вооружение, пополнить запасы продовольствия, воинского снаряжения, израсходованный в крейсерстве боекомплект, дать небольшой отдых личному составу, осуществить необходимые финансовые операции и расчеты, выплатить долги, отчитаться по претензиям, получить финансирование для завершения ремонта.

К выходу в очередную боевую кампанию 1789 г. в Триесте тщательно готовились, опираясь на полученный боевой опыт, все команды: матросы и офицеры, все девять пришедших в Триест судов. В результате, к выходу в боевой поход корабли Ламброса Кацониса были подготовлены, получили усиленное пушечное вооружение и имели следующие по количеству экипажи.³

№	Тип судна	Наименование	Число пушек, шт.	Состав экипажа, человек
1	Фрегат	«Минерва Северная»	32	102
2	Кирлангич	«Великий князь Константин»	26	50
3	Кирлангич	«Великий князь Александр»	26	54
4	Поляка	«Ахиллес Славный»	20	50
5	Поляка	«Святой Иоанн Патмосит»	20	49

Окончание табл.

№	Тип судна	Наименование	Число пушек, шт.	Состав эки- пажа, человек
6	Поляка	«Великая княгиня Мария»	20	49
7	Поляка	«Святой Лука»	20	50
8	Поляка	«Иосиф II»	26	42
9	Поляка	«Великий князь Павел»	28	82
ИТОГО:			218	528

В данном корабельном составе флотилия вышла в боевой поход и начала боевую кампанию 1789 г. В ходе продолжительного плавания корабельный и людской состав флотилии менялся мало, в основном был неизменным, экипажи в каперских операциях приобретали новый боевой опыт, становились все более грозными и опасными для врага.

Однако некоторые изменения во флотилии все же имели место. Так, например, в 1789 г. по предписанию генерал-поручика Заборовского была подарена, передана с 20-пушечным вооружением сантия «Святой Лука» в виде дружеского жеста Агмет Паше Дезаиру из состава флотилии Ламброса Кацониса. В том же году кирлангич «Князь Голицын» был придан для усиления казенной флотилии. В 1790 г. после рокового сражения два небольших турецких корабля, «взятых в приз» оставшимися судами Ламброса Кацониса, по сути «насиловственным образом» были переведены в состав казенной флотилии под командованием генерал-майора А. К. Псаро, за которые Ламброс Кацонис так и не получил обещанную ему денежную компенсацию.⁴

Известно, что основные потери в корабельном составе флотилия Ламброса Кацониса понесла в результате ожесточеннейшего, неравного морского сражения ее 7 судов в мае 1790 г. с более чем 30 турецкими и алжирскими военными кораблями. В результате было потеряно 5 судов, в том числе флагманский корабль фрегат «Минерва Северная». Силы легкой российской флотилии были серьезно подорваны, а ее боевые возможности резко ограничены. Оставшиеся боеспособные суда флотилии по указанию Ламброса Кацониса продолжали каперскую деятельность, вооруженную борьбу на морских коммуникациях, и особенно активно и результативно действовали они в заливе Воло в начале 1791 г. под руководством Николая Касими, доверенного заместителя Ламброса Кацониса. Именно ему 12 февраля 1790 г. было направлено письменное распоряжение, подготовленное командующим флотилией и подписанное генерал-майором В. С. Томара, уточняющее задачи его боевого похода и требующее быть особо осмотри-

тельным, не понести потерь в корабельном составе, «урон вашей флотилии», которая в тот период состояла «из 3-х кирлангичей, одной сантии и одной полугалеры, всего 5 судов», правда, с отлично подготовленными опытными экипажами, готовыми сражаться с врагом. Для усиления объединенной флотилии, по настойчивой рекомендации Ламброса Кацониса, в общем одобренной главнокомандующим Г. А. Потемкиным-Таврическим, было решено купить в Триесте несколько судов и вооружить их. Выбор судов и покупка их были возложены генерал-майором В. С. Томара на Ламброса Кацониса. Весной и летом 1791 г. удалось купить и вооружить малый фрегат «Святой Спиридон» (24 пушки); куттер вооруженный 20 пушками; три галиота и две канонерские лодки. Всего 7 судов, действительно усиливших флотилию.

Объясняя их выбор, генерал-майор В. Томара писал главнокомандующему князю Г. А. Потемкину-Таврическому: «Полковник Ламбро Качони и прочие здесь мореходцы представляют, что для прокормления и содержания флотилии необходимо нужны мелкие суда, наипаче летом, потому что оные везде в здешних местах легко укрываться могут от арматоров турецких». ⁵ А вооруженные сильной артиллерией, они в полном объеме способны были решать все поставленные перед ними задачи.

В начале августа 1791 г. весь корабельный состав «казенной» и легкой российской флотилий собрался на рейде у острова Каламо, там уже находились и купленные в Триесте суда.

Интересна оценка кораблей обеих флотилий, данная в рапорте генерал-майора Томара главнокомандующему генерал-фельдмаршалу Г. А. Потемкину-Таврическому. Так, оценивая суда казенной флотилии он писал: «Суда первой флотилии не в лучшем состоянии: один фрегат Гульельма Лоренци снабжен посредственно вещами против положения весьма умеренного, сделанного здесь контр-адмиралом и кавалером Гибсом для военных судов; другой фрегат, командуемый капитаном Войновичем, ни одной годной веревки и ни одного посредственного паруса не имеет. Прежней Ламбровой флотилии суда, возвратившиеся из Архипелага гораздо лучше снабжены и лучшие имеют экипажи». ⁶

«План на время перемирия, учиненный в острове Каламо сентября 5 дня 1791», составленный Ламбросом Кацонисом, подписанный генерал-майором Василием Томара предполагал следующий состав находящихся под командованием полковника Ламброса Кацониса боевых судов и окончательную, штатную численность их экипажей, полностью готовых к выходу в боевой поход, к крейсированию в море. ⁷ В числе их находились и суда из бывшей флотилии Ламброса Кацониса: кирлангичи «Святой Константин», «Святой Александр», «Ахилл»; сантия «Святая Елена»; полугалера «Зеа», полностью отремонтированные, прошедшие всестороннюю тщатель-

ную предпоходовую подготовку, укомплектованные опытными подготовленными командами, имевшими огромную практику боевых действий, желающих идти в море на поиск, захват и уничтожение вражеских судов (но это уже было сокращенное по личному составу штатное расписание по сравнению со штатами военного времени. — Ю. П.).

№	Звание судов	Капитанов	Разных чинов офицеров	Матросов
1	<i>Фрегат</i> «Святой Георгий»	1	8	90
	<i>Корветы</i>			
2	«Святой Спиридон»	1	4	40
3	«Святой Матвей»	1	4	50
4	«Святой Николай»	1	4	50
5	<i>Шебека</i> «Святой Иоанн де Патмас»	1	6	60
6	<i>Сантья</i> «Святая Елена»	1	5	40
7	<i>Куттер</i> «Святой Стефан»	1	4	30
	<i>Кирлангичи</i>			
8	«Святой Константин»	1	3	30
9	«Святой Александр»	1	3	30
10	«Ахиллес»	1	3	30
11	«Князь Потемкин»	1	3	30
12	<i>Пакетбот</i> «Орел»	1	4	30
	<i>Канонерские лодки</i>			
13	«Сила»	1	1	10
14	«Святая Варвара»	1	1	10
	<i>Полугалеры</i>			
15	«Зеа»	1	1	20
16	«Дафне»	1	1	20
	<i>Галиоты.</i> На 5 галиотах для содержания караула положено иметь	5	5	10
ВСЕГО:		21	60	580

Данная таблица («План на время перемирия») дает возможность оценить корабельный состав объединенной флотилии, численность их экипажей, на время перемирия находящихся под командованием полковника и кавалера Ламброса Кацониса.

Боевой дух личного состава объединенной флотилии в это время являлся достаточно высоким. Ламброс Кацонис и командиры судов верили в свои силы и боевые возможности кораблей флотилии, были готовы к боям. И когда в августе 1791 г., генерал-майор В. Томара получил достоверную информацию о составе турецкого флота от французского консула с острова Милос, где турецкие корабли в количестве 22 боевых единиц находились «целые две недели», реакция командования объединенной флотилии была единодушной. «Оставшиеся мореходцы наши не сомневаются, — докладывает В. Томара Г. А. Потемкину-Таврическому, — что с имеющимися ныне у нас судами можно взять поверхность над сим флотом». И это при том, что состав турецкой эскадры был достаточно силен и состоял «из одного линейного корабля о 52 пушках, двух фрегатов о 36 пушках, двух корвет Мароканских о 20 пушках, одной палакры из Цареграда о 18 пушках, четырех судов алжирских о 20 пушках, малого фрегата о 24-х; двух сантий о 18-ти и девяти кирлангичей от 12 до 18 пушек, всех судов 22...»⁸ Следует учесть, что к этому времени уже покинули объединенную флотилию два судна: «одна сантия и один кирлангич — собственные суда капитанов Михали и Пандели по контракту на флотилии господина генерал-майора и кавалера Псаро служившие, також и все чины той флотилии оставили службу...»⁹ Пришлось на покинутые суда срочно набирать новые экипажи, обучать их.

Уходя весной 1792 г. в Мани для продолжения борьбы за независимость Греции после подписания Ясского мирного договора, полковник и кавалер Ламброс Кацонис увел с собой легкие суда флотилии в составе 11 боевых единиц. Судя по документам в Мани, «Порто Квальи», с Ламбросом Кацонисом прибыло 11 судов с общим числом личного состава свыше 200 человек: шебек «Святой Иоанн ди Патмос», корвет «Святой Спиридон», кирлангич «Святой Константин», куттер «Святой Стефан», две канонерские лодки и пять галиотов. Так, «Ведомость о судах, заведенных господином Ламбро в Порто Квальи»,¹⁰ дает следующие характеристики данных судов:

1	<i>Шебек</i>	«Святой Иоанн ди Патмос», 60 матросов. Турецкое купеческое судно. Взято «в приз» подполковником Гульельмо Лоренци и вооружено на счет казенный в острове Каламо
2	<i>Корветта</i>	«Святой Спиридон». 40 матросов. Выбранное и приторгованное господином Ламбром. Купленное в Триесте от купца Куртовича за 14 тысяч флоринов и вооруженное на счет казенный
3	<i>Канонерские барки (лодки — Ю. П.)</i>	«Святая Варвара», 10 матросов
4		«Сила», 10 матросов. По представлению его же Ламбро куплены в Триесте из Арсенала чрез того же Куртовича. На коих медные 24, фунтового калибра пушки взяты были взаимообразно у австрийцев в Триесте и следуют к отдаче

Окончание табл.

5	Куттер	«Святой Стефан», 30 матросов. Куплен господином Ламбром и мичманом Михайлопуловым за 9900 флоринов; половина заплачено из казенных, тоже и исправлен (вооружен и оснащен. — Ю. П.) на казенный счет
6	Кирлангич	«Святой Константин». 30 матросов. Собственность Ламбро (1/2) и половина капитана Николая Касими
7	Галиоты	На всех пяти 10 матросов. На покупку первых трех из Арсенала в Триесте выдано Ламбру половинное число денег 2052 флорина 31 1/3 крейцера, и исправлены оные на казенный счет. Прочие два принадлежат ему и части некоторым капитанам»
8	«Итака»	
9	«Тино»	
10	«Медуза»	
11	«Леонида»	
	«Химера»	

Скрытно покидая после длительного и ожесточенного сопротивления при штурме Порто-Кайо (Порто Квальи), полковник Ламброс Кацонис оставил противнику в гавани разбитые артогнем, сгоревшие и затопленные суда из состава объединенной флотилии, пришедшие с ним от острова Каламо в Мани. Вместе с тем другая часть судов объединенной флотилии в составе 8 единиц, под командованием майора Николая Касими была переведена осенью 1791 г. на Сицилию, а затем в Ливорно, среди них: фрегат «Святой Георгий»; корветы: «Святой Матвей», «Святой Николай»; сантия «Святая Елена»; кирлангичи: «Святой Александр», «Князь Потемкин», «Ахилл»; пакетбот «Российский орел», с общим числом экипажей свыше 350 человек.¹¹

Прослеживая дальнейшую судьбу оставшихся судов легкой российской флотилии Ламброса Кацониса, можно сказать, что наиболее боеспособные суда объединенной флотилии после продаж некоторых кораблей для оплаты долгов были направлены для дальнейшей военно-морской службы в Севастополь.

Как видно из рапорта вице-адмирала Н. С. Мордвинова императрице Екатерине II «О прибытии в Севастополь из Средиземного моря от генерал-майора Томары 6-и судов с грузом и пассажирами», весной 1793 г., в конце апреля — начале мая бросили якоря в Севастопольской бухте 6 парусников из состава объединенной флотилии, пришедшие из Средиземноморья. Среди них 3 судна из бывшей легкой каперской флотилии полковника Ламброса Кацониса, а именно: трехмачтовая сантия «Святая Елена», под командованием капитана Левтерогуру, с 69 человеками на борту; кирлангичи (двухмачтовые): «Ахилл», командир судна грек, российский подданный, капитан Григорий Марангопуло, с 27 человеками на борту, пушек — 4 шестифунтовых английских. Отправлен из Ливорно в Севастополь 5 декабря

1792 г.; «Святой Александр» «...шхипер поручик Георгий Константинополис. Служителей венецианцев — 28. Пассажиров: россиян — 10, венецианцев — 15. Из Константинополя отправлен 1 мая».¹²

По просьбе главного командира Черноморского флота и портов Черного моря вице-адмирала Н. С. Мордвинова к Екатерине II «...повелеть причислить те суда к флоту Черноморскому», все прибывшие из Средиземного моря корабли Высочайшим повелением были введены в состав Черноморского флота, где благополучно в плаваниях, учебно-боевых походах закончили собой обычный корабельный век, службу на соединениях флота.¹³

Такова в самых общих чертах история и судьба кораблей легкой российской флотилии полковника и кавалера Ламброса Кацониса, успешно решавших в Средиземноморье в многочисленных каперских походах и морских сражениях поставленные перед ними разнообразные боевые задачи.

Важным и непростым вопросом для командующего флотилией Ламброса Кацониса, которым он лично занимался на протяжении всех четырех боевых кампаний, было комплектование экипажей судов и абордажных партий (команд), особенно для кораблей, «захваченных в приз» и включенных затем в боевой состав флотилии, а также необходимая замена погибших в каперских походах и морских сражениях, больных и раненых моряков.

При этом требовалось набрать профессиональных моряков, обязательно добровольцев, желательно греков, подготовленных и опытных, храбрых и ответственных людей, способных служить на каперских судах, готовых постоянно рисковать своей жизнью, стремящихся бороться с Османской Портой, ее торговым и военным флотом во имя идеи освобождения греков от османского порабощения.

Это была непростая и к тому же весьма опасная задача. Личный состав для команд боевых судов набирался, разумеется, в тайне от турецких властей и сотрудничавших с ними лиц, ибо это могло стоить головы вербовщику и нанятому им добровольцу.

Подбирались необходимые для кораблей люди обычно из числа добровольцев в Греции, в Архипелаге, в Албании, на островах Ионического архипелага и других мест Средиземноморья специальными российскими агентами, среди которых были и офицеры флотилии.

Так, весьма успешно вербовкой моряков на флотилию занимались майор Фили Паскали, набравший на флотилию 250 человек, майор Михайло Ливадити завербовавший 150 человек, и многие другие.¹⁴ Об этом можно судить на основе выявленных и изученных архивных документов.

В 1788 г. на флотилию Ламброса Кацониса прибыло пополнение — 100 человек добровольцев, в основном греки; 18 января 1790 г. было «нанято 90 человек самых искусных и храбрых греков», в июне — 74 человека греческой национальности; в апреле 1791 г. на объединенную флотилию

были завербованы 300 человек матросов, в мае — 27 офицеров.¹⁵ Это лишь некоторые конкретные факты пополнения кораблей легкой российской флотилии Ламброса Кацониса добровольцами-морьяками. Общее количество данных людей, пришедших на флотилию и убывших с нее, точно установить практически невозможно.

Особенно сложно было с подготовкой корабельных офицеров. Наиболее отличившиеся в морских походах и боях, хорошо знающие военно-морское дело, храбрые и преданные России люди, имеющие авторитет у матросов, получали от Ламброса Кацониса, от имени императрицы, младшие офицерские чины. Это право производства в офицерские чины он получил как командующий легкой российской флотилией письменным распоряжением генерал-поручика Заборовского. Офицерские звания потом подтверждались патентами главнокомандующего.

«Все получали свои чины, — пишет генерал-майор Томара в 1791 г., — вследствие инструкции генерала Заборовского, давшего власть оные давать и обещавшего подтверждения оным военной Коллегии...»

Очередные воинские звания по представлению Ламброса Кацониса присваивались главнокомандующим генерал-фельдмаршалом Г. А. Потемкиным-Таврическим с вручением соответствующих патентов на чин. Были в данном вопросе, конечно, свои недостатки и недоработки, вызывающие нарекания офицеров флотилии, с которыми приходилось разбираться командованию. «...Патентов никому не давал, — информирует главнокомандующего генерал В. Томара, — потому что все требуют на свои чины патентов Его Светлости, и капитанских, что нужнее, у меня нет».¹⁶

Ясно одно, что благодаря достаточно разумной и целенаправленной кадровой политике Ламброса Кацониса его корабли в основном всегда были полностью укомплектованы матросами и офицерами, которые дорожили местом своей службы и были горды тем, что именно под командованием Ламброса Кацониса на судах его флотилии они наносят ощутимые удары турецкому судоходству, его флоту, Османской Порте.

Интересен «Список имяной о находящихся ныне на флотилии штаб и обер офицеров», составленный в начале августа 1791 г. до прихода из боевого похода «казенной» и легкой российской флотилий.¹⁷

№	Чины, имена
1	<i>Полковник и кавалер Ламбро Качони</i>
2	<i>Пример-майор Антон Огара</i>
3	<i>Секунд-майор Никопай Пангалю</i>
4	<i>Флота лейтенант Степан Тепесницкий</i>

№	Чины, имена
5	<i>Ротмистр</i> Филипп Краснокутский
6	<i>Капитаны</i> Алексей Бобров
7	Жоржи Микели
8	<i>Поручики</i> Гаврило Палатино
9	Лифтерий Яри
10	Игнат Стауберт
11	Граф Генрих Франкини
12	<i>Шкипер 1 ранга</i> Христофор Сапунцогли
13	<i>Мичманы</i> Зисимо Михалопуло
14	Георгий Шмит
15	<i>Подпоручики</i> Иосиф Ленци
16	Иван Базилевич
17	Жан Моро
18	Егор Константинополи
19	Карл Д'Ота
20	<i>Кадеты</i> Француа Бремон
21	Севастиан Гандолфо
22	<i>Не имеющие чина:</i> граф Анастасий Моцениго
23	<i>Лекарь</i> Сильвестр Сассо

Несколько позднее 12 августа 1791 г. «формулярные списки офицерам из греков, служившим во флотилии полковника и кавалера Ламбро Качони»¹⁸ были доложены главнокомандующему Г. А. Потемкину-Таврическому.

В этом важном и интересном документе приведены следующие данные: «звания, сколько лет, откуда родом, дата вступления в службу, каким чином вступил в службу, в настоящем чине с какого времени состоит (дата), в сражениях против неприятеля был ли и где, грамоте читать и писать знает».

Данный документ дает сведения по состоянию на середину августа 1791 г. на 69 офицеров. Среди них на 21 капитана; на 27 поручиков, на 21 прапорщика, из числа оставшихся на это время в списках легкой российской фло-

тилии Ламброса Кацониса. Именно они и составили костяк офицерского корпуса объединенной флотилии. Некоторые из них стали командирами вновь купленных судов, а также кораблей бывшей казенной флотилии.

Несомненно, боевой успех любого корабельного соединения во многом зависит от людей, от подготовки командиров судов и офицеров, сплоченности экипажей. В составе флотилии Ламброса Кацониса служили и отважно сражались с турками сотни греков-патриотов. Не имея возможности назвать всех, это тема особого разговора, назову лишь некоторых из них, вместе с Ламбросом Кацонисом выносивших все трудности, опасности и тяготы морских походов и сражений. Среди них особо выделяются майор Николай Касими, служивший с Ламбросом Кацонисом с самого начала, с момента зарождения, боевого становления флотилии. Он активно участвовал в боях, отличился во многих сражениях. Именно поэтому Николай Касими «командовал всегда фрегатом “Минерва Северная”», а в отсутствие Ламброса Кацониса «целою флотилиею». Являлся ближайшим сподвижником, доверенным лицом командующего, постоянным заместителем Ламброса Кацониса. По его рекомендации именно Николай Касими возглавил переход основных сил объединенной флотилии на Сицилию, а затем в Ливорно, командовал ими. А потом успешно руководил переводом 3-х судов из Ливорно в Севастополь. Являлся хорошо подготовленным, опытным моряком, исключительно храбрым, отважным и ответственным флотским офицером.¹⁹ По некоторым данным, жил и умер в Одессе.

Несомненно, яркой личностью на флотилии являлся Николас Пангалос. Он был ближайшим соратником и советником Ламброса Кацониса. Направлялся им в Санкт-Петербург, входил в состав греческой делегации, принятой Екатериной II, на аудиенции он проинформировал императрицу и великого князя Константина о деятельности флотилии, ее нуждах. После окончания войны Пангалос в чине майора находился на русской военной службе. Некоторое время командовал Одесским греческим дивизионом, являлся членом Греческой комиссии, проживал в Одессе, где имел хороший дом. Активно участвовал в греческом освободительном движении. Русское правительство привлекало его к политической деятельности в Греции, куда он приезжал неоднократно.²⁰

Командирами судов флотилии, а иногда одновременно и их владельцами являлись весьма опытные греки-моряки, хорошо знавшие морской театр, поддерживающие самые тесные связи с местным населением, преданные идее вооруженной борьбы с Оттоманской Портой, горячие патриоты своей угнетенной Родины. Сегодня есть возможность назвать некоторых из них: это командир судна «Святой Александр» капитан Нестор Камури, находившейся в составе флотилии с апреля 1788 г. по август 1791 г.; командир карлангича «Ахиллес» майор Андрей Ликиардопуло, принимавший участие

в основных морских сражениях, каперских действиях флотилии; майор Елефтери Зигурия, активно участвовавший во всех 4-х боевых кампаниях флотилии; капитан Ламбро Толия, в 1791 г. командир корвета «Святой Спиридон»; судовладелец и командир судна прапорщик Константин Псорило, чей корабль погиб в ходе сражения; капитан Иван Анагрири на собственном судне с командой в 70 человек, умело действовал на морских коммуникациях, являлся одним из опытных командиров судов; судовладелец и командир судна капитан Анастасий Дуро, активно участвовавший в каперских операциях, чье судно по окончании войны было «отнято у него венецианцами» по претензиям к Ламбросу Кацонису, и многие другие.

Хотелось бы назвать также имена некоторых офицеров, активных участников боевых действий флотилии, чьи заслуги несомненны: это капитан Страти Никифораки, находившийся на судах флотилии с 1788 г., прибывший на судне «Святой Николай» в Севастополь в 1793 г.; майор Михайло Ливадити, активно участвовавший во многих сражениях, по указанию Ламброса Кацониса набравший «в службу 150 человек»; майор Фили Паскали, отличившийся в ряде каперских операций, «набравший 250 человек» в состав абордажных партий (команд); капитан Анжели Диаманди, служивший под командой Ламброса Кацониса с марта 1788 г. по июнь 1792, разделивший с ним все победы и поражения, и многие, многие другие, чьи имена должны быть подняты из небытия, и такая возможность ныне есть.²¹

Ненависть турок к морякам флотилии Ламброса Кацониса была столь велика, что те, кто не был казнен, практически до конца века гнили в тюрьмах. 3 июля 1792 г. из турецкого плена в Севастополь прибыло на кораблях 485 человек, из них 29 офицеров. Среди прибывших оказались и моряки с флотилии Ламброса Кацониса, «крейсерствовавшие под российским флагом» офицеры — 10 человек: это Иван Димамани, Николай Георгий, Николай Верготи, Яни Палерз, Янис Павло Пагонис, Петр Псамо, Панаги Пупо, Анастасий Барсо, Спиро Белес, Герасим Димитри. Священники: Лука Иоани, Елизарий Давид.

Удалось вернуться из плена и незначительному числу нижних чинов, моряков (135 человек).²² Основная же масса попавших в плен моряков Ламброса Кацониса осталась в турецких застенках, или была казнена, или находилась в положении гребцов-рабов на боевых турецких галерах. Это неожиданно для себя выявил адмирал Ф. Ф. Ушаков, что «греки, служившие прежде с Ламброу Качони и попавшие в плен, которые... по замирении... должны быть освобождены», до сих пор не отпущены, по-прежнему пребывают в неволе. «Таковые многие находятся ныне на эскадре (Блистательной Порты. — Ю. П.), — пишет в апреле 1799 г. адмирал Ф. Ф. Ушаков чрезвычайному посланнику и полномочному министру в Турции В. С. Томара, — и наиубедительнейше просят исходатайствовать им милосердие...». «Я прошу покор-

нейше Ваше Превосходительство, — пишет далее адмирал Ф. Ф. Ушаков, — употребить ваше об них ходатайство испросить им свободу...»

В своем ответе адмиралу Ф. Ф. Ушакову от 19 мая 1799 г. посол в Турции В. С. Томара сообщает: «Об освобождении служивших с полковником Ламбро Качони греков и других арестантов, на соединенной с Вами турецкой эскадре находящихся, о коих писать изволите, не премину стараться...»²³

Действительно, этих несчастных через некоторое время удалось в конце концов выволить из турецкого плена усилиями российской дипломатии.

Не получив специальной военно-морской профессиональной подготовки, талантливый самоучка, опытейший практик Ламброс Качонис самостоятельно овладел основами военно-морских знаний, тактикой ведения современного ему морского боя, многими знаниями военной управленческой деятельности, работы с подчиненными, практикой повседневного боевого управления соединением кораблей флота, стал настоящим мастером каперских операций.

Несомненно, боевые возможности флотилии Ламброса Качониса находились в прямой зависимости от ее корабельного состава, количества и качества вооружения судов, от искусства повседневного и боевого управления, от уровня боевой и морской выучки командиров судов и их экипажей, подготовки абордажных команд, морально-психологического состояния моряков флотилии, от применения эффективных тактических приемов морского боя и многого другого.

В ходе четырех боевых кампаний суда флотилии решали разнообразные боевые задачи, среди которых можно выделить:

- крейсерство одиночных судов и небольших групп с целью разведки, поиска и захвата торговых судов противника и их союзников;
- нарушение традиционных морских торговых путей, сложившейся системы перевозок различных грузов, подрыв морской торговли; блокаду проливов, крупных портов, островов Архипелага, их населенных пунктов, гарнизонов противника, достижение морского господства в Архипелаге;
- высадку морских десантов на острова для решения различных повседневных и боевых вопросов, смещение турецких властей и верных им ставленников из числа местных жителей; уничтожение небольших турецких гарнизонов, их опорных пунктов и крепостей; пополнение запасов продовольствия, воды, ремонт судов, отдых экипажей и другое;
- активный поиск и уничтожение одиночных разведывательных военных судов противника, небольших группировок боевых кораблей, препятствие переброскам войск, действиям флота противника и многое другое.

В ходе решения названных и других задач Ламброс Качонис, как показывают исследования, придерживался решительной, наступательной тактики, не страшился численного превосходства врага, умело использовал

боевые и мореходные качества своих судов: их маневренность, быстроходность, небольшую осадку, огневую мощь артиллерии, отличную выучку, дерзость и бесстрашие своих моряков, абордажных команд (партий), а также постоянную поддержку, сочувствие местного населения, ценные разведывательные данные, получаемые от жителей прибрежных селений, островов Архипелага.

Следует заметить, что Ламброс Кацонис довел до совершенства тактику поиска и захвата вражеских судов. В основу данного вида боевых действий был положен общепринятый в то время способ ведения морского боя гребными, парусными и парусно-гребными судами — абордаж.

Действительно, Ламброс Кацонис настойчиво преследовал обнаруженное судно, пресекал все его попытки уйти к берегу, к островам в укрытие, осуществлял сближение с кораблем противника вплотную с одновременным интенсивным обстрелом его корабельной артиллерией и из всех других видов огнестрельного оружия. Искусно маневрируя, добивался сцепления с ним, высадки абордажной партии, которая в ожесточенной рукопашной схватке, умело используя абордажное оружие — холодное (копья, кортики, палаши, топоры и т. п.) и огнестрельное (мушкеты, пистолеты), овладевала судном противника, уничтожив большую часть его экипажа.²⁴

Поиск и захват торговых и военных судов противника, как правило, осуществлялся небольшими мобильными группами в составе 3–4 судов. Против групп военных кораблей обычно действовал основной боевой состав флотилии.

Для тактики захвата судов путем абордажа, используемой Ламбросом Кацонисом, было характерно: учет местных ветров и течений, глубин, умело организованная групповая погоня, окружение судна, обстрел его артиллерией при сближении и сцеплении, захват абордажной командой (партией), обстоятельный досмотр судна, его грузов, судовых документов, взятие корабля «в приз» или его уничтожение, обычно путем сожжения. При этом иногда безжалостно уничтожалась и его команда, оказавшая серьезное сопротивление.

Об этом можно судить, опираясь на многие архивные документы, донесения Ламброса Кацониса. Так, например, в своем письме князю Потемкину-Таврическому от 3 марта 1788 г. он достаточно подробно и откровенно описывает захват хорошо вооруженного судна под турецким флагом, раскрывает тактику своих действий, обеспечивших боевой успех. Данная тактика отработывалась, постоянно совершенствовалась. Новые тактические приемы, как правило, давали ощутимый боевой успех.

Для тактики действий флотилии было характерно также использование нескольких маневренных пунктов базирования, наличие определенных точек якорных стоянок, рандеву, создание основного пункта базирования

и ремонта, отдыха личного состава, мест нахождения семей, родственников. Для этого была оборудована хорошо укрепленная и тщательно охраняемая основная база флотилии на острове Зеа (Kea); создана сеть наблюдательных пунктов и постов оповещения на островах Архипелага и в прибрежных районах о появившихся военных и торговых судах противника, места постоянной закупки продовольствия, пополнения воды, осуществления срочного ремонта, укрытия в непогоду и т. п.

Вместе с тем Ламброс Кацонис постоянно поднимал вопрос о необходимости создания хорошо оборудованной и надежно защищенной главной базы российских кораблей и его флотилии в Мани, в подходящих для этого бухтах южной части Пелопоннеса.

Вот как обосновывает необходимость создания военно-морской базы генерал-майор В. Томара в своем обстоятельном рапорте № 16 от 12 августа 1791 г. главнокомандующему князю Г. А. Потемкину-Таврическому: «Для нужного иногда поправления судов порты в Триесте и Ливорне, как по причине чрезмерной дороговизны, так и отдаленности от Архипелага мало способны, лучше починятся здесь в Венецких островах или в Сицилии, а всего способнее в Майне (Мани. — Ю. П.)». ²⁵

К сожалению, данный вопрос до окончания русско-турецкой войны 1787–1791 гг. так и не был решен официально, хотя многочисленные попытки решить данную проблему имели место, договоренность с местным руководством и населением была достигнута.

Подводя итоги всему вышесказанному, следует заметить, что «...Все служащие на вольной флотилии и сам Ламбро командующий оною, — писал в своих донесениях генерал-майор В. С. Томара в ноябре 1793 г., оценивая деятельность легкой российской флотилии, — не имели от казны жалования, не получали також никакого снабжения, включая вышеписанного вооружения в Триесте, и казне не давали никакого отчета о своих призах». ²⁶ То есть флотилия в финансовом отношении и в различных материально-технических вопросах была независима от государства и полностью обеспечивала себя результатами своей каперской деятельности, что давало возможность содержать суда, обеспечивать их всем необходимым для повседневной жизнедеятельности, для ведения боевых действий в море, выплачивать денежное содержание командам, проводить ремонт кораблей, осуществлять обновление такелажа и многое другое.

Следует подчеркнуть, что российские архивы и прежде всего РГА ВМФ, РГИА, расположенные в Санкт-Петербурге, обладают мало известными, до сих пор не публиковавшимися документами. Это дает возможность более детально, глубоко и всесторонне оценить не только результаты боевой деятельности флотилии Ламброса Кацониса, ее корабельный состав, боевые возможности судов, тактику действий, систему базирования, управления

силами, ремонта, снабжения, но и шире показать героев-моряков, чьим упорством и мужеством достигались успехи в боевых действиях. Рассказать о людях, которые вместе с Ламбросом Кацонисом познали радость побед и горечь поражений: о капитанах судов, офицерах и даже отдельных матросах. Проследить их дальнейшие судьбы в России, найти их потомков в современной Греции.

Типы судов, в разное время, входивших в состав флотилии Ламброса Кацониса, объединенной флотилии

Корвет. Парусный военный корабль, использовавшийся в XVIII–XIX вв. во флотах многих стран как посыльное и разведывательное судно, а иногда и для крейсерских операций. Корвет имел парусное вооружение такое же, как и фрегат. Артиллерийское вооружение корвета — до 40 пушек.

Кирлангич (от турецкого *Kirlangic* — ласточка). Быстроходное парусно-гребное судно применявшееся в Турции для посыльной и разведывательных служб. Имело 1–2 мачты с косыми парусами. В России в XVIII в. на Черном море строились кирлангичи длиной около 22 метров, шириной 7,6 м, осадкой 2,4 м.

Куттер (немецкое *Kutter* — бот, катер). Парусное рыболовное, реже грузовое судно, применявшееся в XIX в. на Южном побережье Балтийского и Северного морей. Имел палубу, 2 мачты (носовая выше кормовой) с косыми парусами, прямой вертикальный форштвень и почти горизонтальный бушприт с 1–2 кливерами. Третью корпуса по длине занимал обычно рыбный трюм.

Шебека (от арабского шаббак). Парусно-гребное 3-мачтовое судно с косыми парусами, применявшееся в Средние века на Средиземном море для военных и транспортных целей. Шебеки имели до 40 весел и 30–40, а иногда до 50 пушек малого калибра. Весельные порты располагались между пушечными. Узкий длинный корпус с широким развалом бортов в носовой оконечности обеспечивал шебеке хорошую мореходность. По конструкции они были близки к каравеллам, но превосходили их по скорости и вооружению, от чего часто применялись пиратами. В русском флоте шебеки появились во второй половине XVIII в. и использовались для посыльной службы, перевозки войск и военных действий в шхерах Балтийского моря. Малые шебеки назывались полушебеками. Длина шебеки достигала 36,5 м, ширина 10,2 м, осадка 3,3 м.

Фрегат. Трехмачтовый парусный военный корабль XVIII–XX вв. с полным корабельным парусным вооружением. От парусных линейных кораблей фрегат отличался меньшими размерами и артиллерийским вооружением и был предназначен для дальней разведки и крейсерской службы. Артиллерийское вооружение фрегата до 62 пушек, расположенных на

2-х палубах. Иногда фрегаты включались в боевую линию и носили название линейных.

Бот. Общее название небольших (водоизмещением до 150 т) гребных, парусных судов. В XVII–XIX вв. ботами стали называть небольшие гребные или парусные одномачтовые суда длиной 11–18 м, шириной 3–4,5 м, с косым парусным вооружением типа тендера, предназначенные для снабжения судов, стоящих на рейде, для разведки, десантных операций, для ближнего или абордажного боя с кораблями противника и других целей. Они имели 2–20 малокалиберных пушек, в основном фальконетов.

Для абордажного боя на бушприте бота иногда крепился заряд, который сбрасывался на палубу вражеского корабля и взрывался, причиняя повреждения и урон в живой силе. Большие боты строили палубными, водоизмещением до 60–80 т, с экипажем до 36–40 человек. Существовали боты различных типов: вадбот, вельбот, гросбот, пакетбот и т. д.

Галиот, галиота, гальот.

1. Небольшое транспортное 2-мачтовое судно, распространенное в XVIII–XIX вв. преимущественно для прибрежного плавания. Галиот имел широкие скругленные нос и кормовые обводы; парусное вооружение. На фок- и грот-мачтах ставились прямые паруса, на 1–2 бизань-мачтах косые, на бушприте — блинд. Длина 32–42 м, ширина 6,4–8,5 м, осадка до 2,8 м, грузоподъемность до 2,8 тонны.
2. Небольшая быстроходная галера 1-й половины XVII в., имевшая грузоподъемность до 600 т.

Галера. Военное гребное судно, существовавшее в VII–XVIII вв. во всех флотах почти всех европейских стран.

В качестве вспомогательного движителя на галере использовались косые паруса, ставившиеся на 1–2 мачты. Гребцами служили невольники, добровольцы-бедняки и каторжники.

Галеры снабжались пушечным вооружением (бомбардами, кулевринами, фальконпетами и др.)

Канонерские лодки (от франц. *Canon* — пушка). Артиллерийский корабль, предназначенный для боевых действий в прибрежных районах моря. Канонерские лодки были способны вести борьбу с малыми боевыми кораблями, боевые действия на берегу, высаживать десанты и поддерживать их огнем, нести дозорную и конвойную службу, могли решать другие задачи...

Первые гребные и парусные канонерские лодки появились в XVII в. и применялись при защите и осаде приморских крепостей.

Тарганя

1. Европейский легкий боевой 2–4-мачтовый корабль XVIII–XIX вв. Парусное вооружение: грот-мачты — латинское, фок-мачты — смешанное. Артиллерийское вооружение до 30 орудий крупного и малого калибра.

2. Европейское 1-мачтовое парусное судно для каботажных перевозок и рыболовства у берегов Средиземного моря. Имело высоко выступающие над водой штевни и борта. Парусное вооружение состояло из латинских парусов, бушприта и 2–3 кливеров. Длина 8–20 м, ширина 3–4,5 метра.

Барк. Морское парусное транспортное судно (3–5 мачт) с прямыми парусами на всех мачтах, кроме кормовой (бизань-мачты), несущей косые паруса.

Барка.

1. Парусно-гребное беспалубное рыбацкое, иногда каботажное судно, появившееся в Италии в VII в. Длина около 10, ширина около 1,9 м, высота борта около 0,6 м, вмещала до 20 человек.

2. Легкое быстроходное судно, распространенное в западноевропейских странах в эпоху позднего Средневековья, строящееся по типу галеры с отношением длины к ширине 1:5 или 1:6.

Саколева. 2–3-мачтовое парусное судно средних размеров в восточном Средиземноморье. Имело большую седловатость и бесстеньговые мачты. Были оснащены латинскими и гафельными парусами.

Сандале. Арабское 1 или 2 мачтовое судно. В XIX–XX вв. использовалось для рыболовства и прибрежного плавания. Имела латинскую парусную оснастку. Длина около 12 м, ширина 3 м.

Данные суда нередко назывались *сантия* (сатия).

Поляка (полякра).

1. Средиземноморское торговое 2-, 3-мачтовое парусное судно XVI–XVIII вв., имело узкий и длинный корпус с закругленными бортами, транцевую 4-угольную корму и сплошную палубу. Парусное вооружение подобно бригантине, обе однодеревые мачты не имели марсов, салингов и пертов на реях, так как для постановки и уборки парусов реи соответственно поднимались и опускались.

2. Средиземноморский военный быстроходный 3-мачтовый парусный корабль 2-й половины XVIII–XIX в. Парусное вооружение состояло из прямых 4-угольных парусов на грот- и бизань-мачтах и косых (латинских) на наклоненной к носу фок-мачте. Водоизмещение до 900 т. Вооружение 8–10 пушек.

Примечания

¹ РГИА: ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 33; ф. 994, оп. 2, д. 26, л. 1; РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 93.

² Материалы для истории русского флота. Ч. XIII. 1890. С. 569.

³ РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 26, л. 1; РГИА, ф. 1374, д. 511, л. 197.

⁴ РГА ВМФ, ф. 150, оп. 1, Опись комиссии, л. 11; ф. 239, оп. 1, д. 20, л. 34.

- 5 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 93–94.
- 6 Там же. Л. 159.
- 7 РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 33.
- 8 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 160.
- 9 Там же. Л. 159.
- 10 РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 40.
- 11 Там же. Л. 39.
- 12 РГА ВМФ, ф. 239, оп. 1, д. 4, л. 5–6.
- 13 Там же. Л. 1–4.
- 14 РГА ВМФ, ф. 150, оп. 1, л. 9; С.-Пб ведомости. № 55, июль 10 дня. 1797.
- 15 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 95, 103, 112.
- 16 Там же. Л. 134.
- 17 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 161.
- 18 Там же. Л. 163–166.
- 19 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 60, л. 345; ф. 150, оп. 1, Описание, л. 7.
- 20 РГИА, ф. 1412, оп. 252, д. 678, № 2001; д. 673, № 3279; *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. М., 1970. С. 121.
- 21 РГА ВМФ, ф. 150, оп. 1, описание Комиссии, л. 5–9, 14–15; РГИА, ф. 1412, оп. 252, д. 687, № 765; д. 688, № 2310; РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 161.
- 22 РГА ВМФ, ф. 239, оп. 1, д. 19, л. 8, 10.
- 23 Адмирал Ушаков. Документы. М.: Военмориздат, 1952. С. 489, 530.
- 24 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 63, л. 143–144.
- 25 РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 160.
- 26 РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 64.

мичества, Государыни, Императрицы
ЕКАТЕРИНЫ, самодержицы всероссийской,
я, и прогал, и прогал.
и наждому наму отомъ възратъ надѣжитъ, что по пред-
де-Маюра Лашко Катонн желанію его служитъ. Корсерамъ отъ
и, дозволено ему поднять флагъ Россійской на Котавъ или на
и по пствъ дружественныхъ Россіи Портахъ въли выгода
иному флагоу принадлежащими, дѣйствовать испрѣдѣльски
и оныхъ и взиная въ призы суда и товары ихъ, во утвержде
и въ нужды отъ Консуловъ Россійскихъ и отъ Правительствъ
и надѣжащихся пособіа, данъ ему сей отпущенной листъ
и благополученіи среди Енисейскаго Дельска. 18. дня 1787 года.
рства Величествѣйшей Госу-
и наионализировавшей историческую армію
и, флотамъ Черноморскимъ и многимъ другимъ
и, Государственной военной Коллегіи Президентъ,
и Генералъ Ефимовъ Ея Величества Генер-
и, действительный Кинесъ, Левъ, Левъ, Левъ
и Кинесъ Кинесовъ, историческая Ки-

Глава четвертая

**Возвращение в Россию,
жизнь и деятельность
в Санкт-Петербурге
(1794-1798 гг.),
в Крыму (1799-1805 гг.)**

Λάμπρος Κατσώνης

ΑΥΤΟΚΡΑΤΕΙΡΑ
ΑΙΚΑΤΕΡΙΝΗ

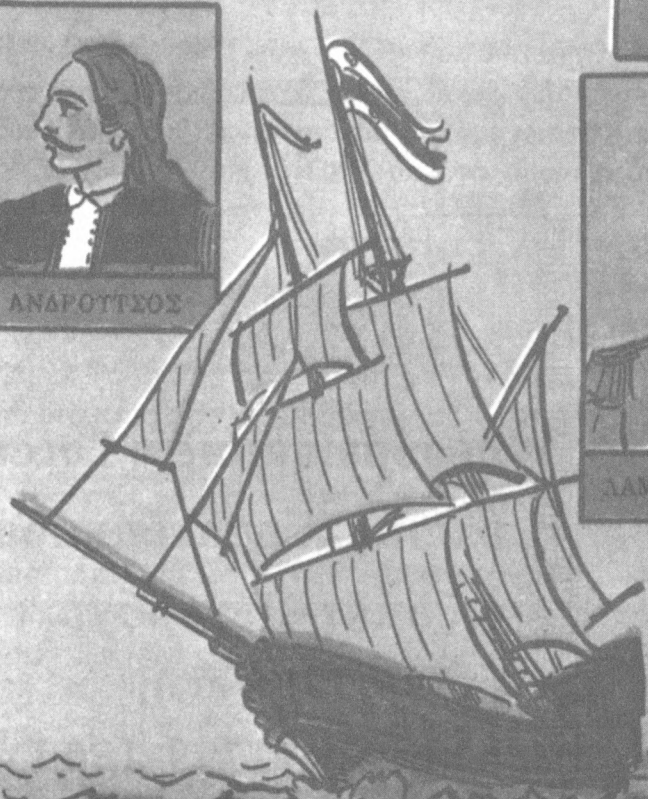
ΣΤΡΑΤΗΓΟΣ
ΠΟΤΕΜΚΙΝ

ΑΝΑΡΟΤΤΣΟΣ

ΛΑΜΠΡΟΣ ΚΑΤΣΩΝΗΣ

В июне 1792 г. после ожесточенных обстрелов турецких и французского судов и десантных атак с моря, возникших угроз наступления противника с тыла, с сухопутных направлений, полковник Ламброс Кацонис, видя бесперспективность дальнейшего сопротивления, был вынужден оставить свою укрепленную базу на юге Пелопоннеса и с наиболее верными людьми укрыться на о. Кифера, а затем, скрываясь от турецких властей, перебраться на о. Итака, намереваясь собрать рассеявшихся сторонников и продолжать дальше вооруженную борьбу. Венецианские власти, испытывающие серьезное давление со стороны турок и их союзников, были вынуждены в конце концов высказать свое неудовольствие пребыванием Ламброса Кацониса на своей территории и отказать ему в убежище. Ламбросу Кацонису приходится скрываться практически от всех: «...два года пропитал себя милостынею и изгоняем был из всех мест яко объявленный изменник».¹

Это было ценой за мятежное выступление против официальной политики Российского правительства, условий заключенного Ясского мирного договора. За проступок, всемерно усиленный в глазах правительства и Екатерины II наветами и злонамеренной клеветой недругов и завистников, «...служившие со мною повешены, — вспоминал впоследствии Ламброс Кацонис, — и сам я предат был неприятелям, от которых скрывался ради сохранения жизни 18 месяцев в турецкой земле».²

В 1794 г., после неоднократных, настойчивых обращений, через консула в Триесте надворного советника Спиридона Варуки, полковник Ламброс Кацонис получает наконец желанное письменное разрешение от фаворита Екатерины II графа Платона Зубова, направленное консулу, вернуться в Россию³ и в октябре того же года с семьей прибывает в Херсон к председателю Черноморского адмиралтейского правления вице-адмиралу Н. С. Мордвинову, который немедленно доносит об этом графу П. А. Зубову в Санкт-Петербург 7 октября 1794 г. специальным письмом.⁴

Несомненно, одной из основных причин Высочайшего разрешения «бунтовщику» Ламбросу Кацонису вернуться в Россию было начало работы «Комиссии учрежденной для рассмотрения претензий по бывшей в Архипелаге флотилии», созданной указом императрицы Екатерины II от 7 апреля 1794 г. Действительно, без объяснений бывшего командующего было бы практически невозможно разобраться с массой жалоб и претензий, поступивших на имя императрицы, с потоком предъявленных неоплаченных денежных счетов и финансовых исков. Причем жалобы и иски были самые разнообразные. Так, например, триестские купцы Савва Куртович и дядя его Иоанн Куртович, давшие «взаимообразно полковнику Ламбро Качиони

на нужды для его флотилии 28 373 флорина», просили помочь вернуть долги Ламброса Кацониса; купец Дмитрий Карчиотти требовал платежа «за захваченное арматором Андреем Ликиардопуло собственного его судна тарнания “Мадонна Идрская”, а после названного кирлангич “Ахилл” и с бывшим на нем грузом пшеницы 19 399 пиастров»; ливорнский купец Апостоли Васильев требовал компенсации «за захваченный командой полковника Ламбро Кацониса капитаном Иваном Солоники груз пшеницы»⁵ и т. д.

В своем обстоятельном письме к графу Платону Zubову о прибытии в Херсон полковника Ламброса Кацониса главный командир Черноморского флота и портов Черного моря вице-адмирал Н. С. Мордвинов поддерживает основную просьбу опального героя, «мятежного» полковника «...дозволения прибыть в Санкт-Петербург, для очищения поступков своих от разных клевет, нанесенных на него, и для уничтожения ложных требований заплаты долгов его».⁶ Явно сочувствуя Ламбросу Кацонису и открыто покровительствуя ему, вице-адмирал Н. С. Мордвинов всячески стремится помочь вернувшемуся командующему, снять с него обвинения в государственной измене, поэтому подробно описывает его искреннее раскаяние и тяжелое состояние, вызванное помрачением «славы его, усердия и верности, которые во все время порывался он доказать кровью, трудами и пожертвованнием богатств, храбростью его получаемых».⁷

25 апреля 1795 г., с целью своей полной реабилитации в глазах императрицы, Ламброс Кацонис пишет обстоятельное письмо ее фавориту Платону Zubову, в котором весьма подробно объясняет причины своих действий, которые-де не были злонамеренны и никогда не направлялись во вред России, с горечью замечает, что созданная «Комиссия почитает меня по сие время яко отверженного бунтовщика», верноподданнически подчеркивает: «...я несомненно уверен о правосудии Ея Императорского Величества тем более что, оказав многие подвиги храбрости, пожертвовал своею собственностью... и жена моя с детьми пострадала в каторжной работе два месяца и двенадцать месяцев в тюрьме, турки разграбили мой дом... во время разграбления дома моего лишился я сына». Далее Ламброс Кацонис просит снисхождения: «...Все сии бедствия кои претерпел я для пользы службы и выгод государственных суть достаточны ко обращению милосердия Всемиловитейшей моей государыни. А потому в оказание мне справедливости и возлагаю непрременную надежду на правосудие Ея Императорского Величества и покровительство Вашего Сиятельства».⁸

Поддержка и заступничество многих видных людей государства, а главное, неоспоримые боевые заслуги, всеми признаваемая преданность России, народу Греции, самоотверженность и упорство в борьбе против Оттоманской Порты обеспечили снисходительное отношение к нему Екатерины II, снятие тяжелых обвинений и в конечном счете Всемиловитейшее

прощение. Первым свидетельством его явилось Высочайшее повеление Екатерины II выплатить полковнику и кавалеру Ламбросу Кацониусу «...за 8 лет жалованье, за службу его во всю прошедшую турецкую войну в Архипелаге на флотилии Российской», а затем Высочайшее распоряжение в адрес главного командира Черноморского флота и портов Черного моря вице-адмирала Н. С. Мордвинова от 6 июня 1795 г. «...Полковника Ламбро Кацони, — говорилось в нем, — Ея Императорское Величество повелеть соизволила отправить в Санкт-Петербург ради объяснения некоторых статей по делам Средиземноморской флотилии, для рассмотрения которых учреждена здесь особая Комиссия».⁹

Убывая в столицу, Ламброс Кацонис везет положительные аттестации о своей деятельности и поведении в Херсоне, рекомендательные письма влиятельным сановникам, различные документы от вице-адмирала Н. С. Мордвинова, характеризующие его профессиональную подготовку и деятельность в Херсоне, после прибытия из Триеста. «...Господин полковник Ламбро Кацони, — подчеркивается, например, в письме вице-адмирала Н. С. Мордвинова графу П. А. Зубову, — донесет Вашей светлости о приведении в совершенство гребных судов корабельных... Господин Ламбро был послан мною для опыта выстрелов 100 ядер без повреждения» корпусов гребных судов, подвергавшихся испытаниям.¹⁰

Действительно, под непосредственным руководством опытного военного моряка Ламброса Кацониса под Херсоном были проведены необходимые артиллерийские стрельбы на предмет исследования прочности корпусов различного типа галер и усиления данной прочности к артиллерийским выстрелам в боевых условиях. «Сии суда, — делает вывод Мордвинов по итогам исследований Ламброса Кацониса и информирует об этом Платона Зубова, — составят истинный гребной флот, соответствующий заданию моим, по коим предполагал я необходимость построить гребной флот».¹¹

Находясь в Херсоне, Ламброс Кацонис, опираясь на помощь и поддержку вице-адмирала Н. С. Мордвинова, принимает самые энергичные меры по устройству судьбы своих бывших подчиненных, отважно сражавшихся вместе с ним на флотилии в Средиземноморье, по переселению всех желающих из них в Северное Причерноморье, размещению их, обеспечению земель, установленными льготами и преимуществами, руководствуясь при этом рескриптом Екатерины II от 20 марта 1792 г., предписывающим расселить моряков, активных борцов с Оттоманской Портой, в районе крепости Гаджибей (теперь г. Одессы).¹²

По его инициативе вице-адмирал Н. С. Мордвинов направляет 20 октября 1794 г. специальное письмо в адрес графа Платона Зубова, в котором, в частности, говорилось: «...Служащие в Средиземном море, под командою полковника Ламбро Кацони воизмев желание поселиться в Гаджибее

и окрестностях одного города подали прошение, в коем изъявляют намерение о привлечении многочисленных их семейств из Греции». ¹³

К данному письму была приложена «Просьба греков-воинов Ламбро Каcioni к Екатерине II», подписанная двумястами человек. «...Желаем, — излагалось в ней, — под покровительством Российской империи жить, и в случае сколько сил будет защищать, и как первым Ваше Императорское Величество Указом удостоили нас, отвести в Аджибее землю и униженнейше просим для строения и прочего на оной земли по недостатку нашему наградить... и о сем послать Вашего Императорского Величества милостивою резолюцию». ¹⁴

Именно из этих почти 300 человек, прежде служивших под командой полковника Ламброса Кацониса, «...кои вяще отличились ревностью и храбростью в сражениях», по Указу Екатерины II от 19 апреля 1795 г. начал формироваться Одесский греческий дивизион численностью в 348 человек, принимавший самое деятельное участие в строительстве города и порта Одессы. ¹⁵

Таким образом, инициированные вице-адмиралом Н. С. Мордвиновым и полковником Ламбросом Кацонисом Высочайшие документы: Указ «О поселении в окрестностях Одессы греков и албанцев, в последнюю войну в Архипелаге служивших» и «Положение для вызываемых из Архипелага и других заграничных мест в Одессу градских поселенцев» от 19 апреля 1795 г., окончательно определили дальнейшую судьбу моряков легкой российской флотилии Ламброса Кацониса и членов их семей, дали возможность всем желающим выехать из Архипелага и поселиться в Северном Причерноморье, в России. Указанными документами предписывалось отвести землю для греков, вновь создаваемого национального воинского подразделения из числа корсаров, воевавших в Средиземном море и «...впредь прибывающих к ним из-за границы родственников их, в окрестностях Одессы, при берегах моря, до 15 тысяч десятин земли удобной». При этом земля выделялась каждому в собственность из следующего расчета: «нижним чинам по 25, обер-офицерам по 50, а штабс-офицерам по 120 десятин, без платежа поземных денег». Для возведения домов им предоставлялось безвозмездно единовременное пособие, из общей суммы в 10 тысяч рублей, выделенной на это, кроме того, для строительства небольшой церкви грекам было отпущено еще 500 рублей. ¹⁶ Вышеназванные документы определяли также ряд других существенных льгот и преимуществ для воинов греческого дивизиона, отважно воевавших в составе легкой российской флотилии «...отличившуюся... взятием многих неприятельских судов», внесшей свой заметный вклад в победоносные итоги минувшей войны. ¹⁷ При этом особо подчеркивалась «...польза, могущая последовать от таковых поселенцев, по способностям их к морской службе, особливая привязанность их к Рос-

сии»,¹⁸ что полностью оправдалось. Греки много сделали для строительства и всестороннего развития города-порта, его специфического колорита.

Ламброс Кацонис предоставил списки моряков своей флотилии — участников русско-турецкой войны 1787–1791 гг., письменно свидетельствовал «...о ревностной и усердной службе и отличии в делах с неприятелем» многих из них, ходатайствовал об их награждении, хлопотал о назначении пенсий больным и получившим увечья.

Следует подчеркнуть, что особо отличившиеся корсары, не только офицеры, но и «...матросы и служители», были награждены серебряными медалями с надписью «Победителям», специально выбитыми по случаю подписания Ясского мира 29 декабря 1791 г.¹⁹ Некоторые, кроме того, получили очередные воинские звания, отдельным были возмещены финансовые потери и задолженности за прошлые годы; определены льготы и преимущества, выданы установленные пособия. Во всем этом видится немалая заслуга их командующего Ламброса Кацониса, проявившего подлинную заботу о своих бывших подчиненных, моряках флотилии.

Прибывший в Санкт-Петербург полковник и кавалер Ламброс Кацонис 20 сентября 1795 г. был официально представлен на балу в Царском Селе, в «День торжества рождения, цесаревича Павла Петровича» императрице Екатерине II. «...Ея Императорское Величество, — гласит запись в Камерфурьерском журнале за этот день, — изволила жаловать к руке приезжаго из города Херсона полковника Ламбро Качиони, которого представил старший по дежурству камергер князь А. А. Кольцов- Масальский».²⁰

Так, официально подчеркнутым, публичным прощением Екатерины II на глазах своего двора, светской публики, начался санкт-петербургский период жизни и деятельности Ламброса Кацониса, главным служебным содержанием которой было тесное сотрудничество с Комиссией по рассмотрению претензий по бывшей архипелагской флотилии, в том числе и лично к Ламбросу Кацонису. Комиссия возглавлялась генерал-прокурором графом А. Н. Самойловым, а затем генерал-прокурором князем А. Б. Куракиным и имела в своем составе высоких чиновников, представителей различных государственных ведомств, известных специалистов, в том числе моряков.

Следует заметить, что Указом императрицы был строго определен срок подачи жалоб и исков в адрес Комиссии: «...от пребывающих здесь (в Санкт-Петербурге. — Ю. П.) полугодичный, а от иностранных мест двухгодичный» с начала работы Комиссии, то есть с 5 мая 1794 г.²¹

Работа Комиссии была достаточно сложной и напряженной, ибо многочисленные претензии, жалобы и иски зачастую не подкреплялись документами, надежными свидетельствами, были эмоциональны, но бездоказательны.

Несмотря на это, Комиссия тщательно разбиралась по каждой поданной жалобе и выносила достаточно обоснованные и аргументированные заклю-

чения, опираясь на которые Екатерина II, а после ее кончины Павел I принимали окончательное решение, которое, как правило, затем объявлялось публично, в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Так, например, в своем № 83 от 16 октября 1797 г. газета сообщала: «...По Высочайшему Ея Императорского Величества повелению от генерал-прокурора объявляется: майору Анагности Адрианопуло, что на поданные от него Ея Императорскому Величеству Всеподданнейшее прошение о выдачи ему за службу на флотилии капитана Ламбро Качиони жалованья, возпоследовало Высочайшее Повеление, в удовлетворении прошения его отказать; ибо он Адрианопуло служил на флотилии Качиони, яко у арматора, и комиссионером в острове Занте сделан был без жалованья».²² 2 ноября 1798 г. в № 88 «Санкт-Петербургские» ведомости опубликовали решение Павла I «оставить без удовлетворения» по жалобе капитана Ивана Анагрири. «Иван Анагрири служил под командою полковника Ламбро Качиони... на собственном судне с 70-ю матросами», не получил «...от него за учиненные свои издержки 11 460 турецких левков». Решение Ея Императорского Величества отказать капитану Ивану Анагрири, ибо «Иск его бывшею Архипелагскою Комиссиею признан несправедливым, и что Положение Комиссии было тогда же удостоено Высокомонаршим утверждением».²³ И подобных публикаций было немало.

Напряженно работая с Комиссией, Ламброс Кацонис аргументированно отвечал на все возникающие у нее вопросы, нередко отметал вздорные, надуманные, ничем не подкрепленные жалобы и обвинения в свой адрес, на действие кораблей флотилии, сумел отчитаться по поступившим финансовым искам, неоплаченным векселям, другим документам, объяснить произведенные расходы.

При этом Ламброс Кацонис показал глубокое знание всего многообразия дел и событий на флотилии в период своего командования ею, убедил всех в разумности и обоснованности большинства своих решений и действий, объясняя их служебной необходимостью и государственной целесообразностью, а также условиями складывающейся обстановки на театре военных действий, что и сумел доказать высокой Комиссии, чем полностью реабилитировался в глазах Высшего руководства, света, флотского командования, общественного мнения.

К нему весьма благосклонна императрица, высший свет. Он принимается ко двору, во многих аристократических домах Санкт-Петербурга, становится достаточно известным и популярным в столице человеком. В знак особого признания его выдающихся боевых заслуг Ламбросу Кацонису разрешено ношение в городе, на Высочайших приемах и балах фески, на которой серебром было вышито изображение женской руки и надпись: «Под рукой Екатерины». Весь последний год царствования императрицы Ламброс

Кацонис не был обделен ее особым вниманием и благосклонностью, Высочайшими милостынями, поэтому чувствовал себя в Санкт-Петербурге спокойно и уверенно, видел определенные перспективы в своей дальнейшей военно-морской службе России.

Судя по записям в Камер-фурьерских журналах за 1796 г., Ламброс Кацонис только с конца мая по конец июля названного года, пять раз присутствовал на официальных Высочайших приемах и торжествах и каждый раз во время торжественных обедов на них персонально приглашался к столу Екатерины II.²⁴

Вскоре после внезапной кончины императрицы Павел I принимает решение о месте дальнейшей службы Ламбрoса Кацониса, его должностном положении. Указом императора от 20 декабря 1796 г. ему предписано отправиться на Черноморский гребной флот «...в команду контр-адмирала Пустошкина в Одессу», что и было официально объявлено Адмиралтейств-коллегией 20 февраля 1797 г. и приказано «...туда отправиться». Копия данного указа была направлена в Черноморское адмиралтейское правление адмиралу Н. С. Мордвинову.²⁵ Вместе с тем 31 декабря 1796 г. Указом Павла I Ламбросу Кацонису было подтверждено его воинское звание полковника и старшинство в данном чине с 29 июля 1790 г., а также выдан соответствующий патент на чин полковника, ранее ему так и не врученный при правлении Екатерины II. Обращают на себя внимание многозначительные слова Указа, несомненно напоминающие «об ошибках» Ламбрoса Кацониса. «...Мы надеемся, — подчеркивает в своем Указе Павел I, — что он в сем Всемиловейше пожалованном чине так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму офицеру надлежит».²⁶

20 февраля 1797 г. полковник Ламброс Кацонис обращается с прошением к императору: «Уволить с абшитом в Архипелаг, Отечество его ради поправления таковых нужных дел», а именно для оказания необходимой помощи и поддержки родственников, ибо «...заимодавцы, оставшиеся без удовлетворения, непременно будут нападать на имения родственников его и разорять их до крайности». При этом в своем прошении Ламброс Кацонис особо подчеркнул «...буде впредь необходимость... то по единоверию и усердию к престолу Его Императорского Величества служить готов будет, и по подписанной при том справке».²⁷

По указанию Павла I, уже 26 февраля 1797 г. Адмиралтейств-коллегия рассмотрела данную просьбу Ламбрoса Кацониса и, вынеся свое решение, приказала: «...Поелику об отправлении означенному Качони в Одессу Указ ему от сей Коллегии уже дан, да и как он прозьбу сию подал не в указанное время то в оной и отказать, о чем ему объявив, по точности оного Указа отправиться к своей команде немедленно, и о том исполнить приказано».²⁸ Указанное решение было Высочайше утверждено 4 марта 1797 г.

Однако вскоре это решение было пересмотрено, полковнику Ламбросу Кацонису Высочайше разрешалось остаться в Санкт-Петербурге до полного завершения деятельности Комиссии по делам его флотилии и окончательного утверждения итогов ее работы императором. Внимательно изучила Комиссия и встречный иск Ламброса Кацониса к российскому правительству. «За подаренное им по предписанию генерал-поручика Заборовского Агмет Паше Жезаиру судно»; за погибший в сражении собственный его фрегат «Минерву» — 42 000 флоринов; «За три судна вооруженные и отправленные после на службу в Черноморский флот...»; за финансовые издержки по созданию базы флотилии на острове Зеа (Кеа) «...на приведение онаго в оборонительное состояние...» и за некоторые другие расходы.²⁹ После тщательного, скрупулезного рассмотрения иска комиссия полностью согласилась с правомěrностью его просьб и заявлений, «...признала права собственности» на некоторые суда флотилии, а также на захваченные под его командованием «призы», оценила понесенные им в морских боях материальные потери, признала его действия в Архипелаге «законными и правомєрными» и предложила правительству выплатить Ламбросу Кацонису «...за иски по флотилии» 576 тысяч 674 рубля,³⁰ достаточно большие по тем временам средства. Вместе с тем Комиссия окончательно установила и размер истинных, обоснованных и доказанных долгов флотилии и Ламброса Кацониса своим кредиторам и другим лицам, определила размер обязательных выплат по официально доказанным и подтвержденным искам и жалобам и перевела из общей «...назначенной в платежа» Ламбросу Кацонису суммы 576 674 рубля, «...от него другим по долгам 159 тысяч 100 рублей». Так, например, были возвращены с установленным процентом долги «...Триестскому купцу Капиоти 13 630 пиастров, Ливорненскому купцу Аристами, капитану Ниану Анагиرو...» и многим, многим другим кредиторам Ламброса Кацониса. Комиссия установила также строгий порядок всех выплат, что затем и было утверждено специальным Указом Павла I от 7 ноября 1797 г.³¹

Полностью рассмотрев все поступившие и зарегистрированные иски, претензии и жалобы, Комиссия в начале 1798 г. завершила свою деятельность. Окончательные итоги ее работы были Высочайше утверждены. На основании Указа Павла I Комиссия прекратила свое существование и 4 апреля 1798 г. все имеемые документы и материалы передала в архив.³²

Следует заметить, что с началом реальных выплат подтвержденных долгов по флотилии полковника Ламброса Кацониса появились новые финансовые претензии и жалобы на действия флотилии и ее командующего в адрес императора, и этот поток не прекращался до самой смерти Ламброса Кацониса.³³

Сам же бывший командующий флотилией Ламброс Кацонис, видимо, был вполне удовлетворен итогами работы Комиссии и никаких претензий

на ее решения официально не заявлял. Он уведомил своим письмом в Николаев адмирала Н. С. Мордвинова, «...что дело окончено и что скоро он сюда прибудет». ³⁴

Именно в это время Ламброс Кацонис и его супруга Ангелина позируют в Санкт-Петербурге известнейшему художнику, академику Петербургской академии художеств И. Б. Лампи-младшему, который написал прекрасные портреты греческого моряка-героя и его жены, чем донес до последующих поколений их исторически подлинный, достоверный облик. ³⁵ На данных портретах отважный греческий моряк изображен в каске и с саблей, олицетворяя собой силу, мужество и спокойствие. Его жена Ангелина, красавица-гречанка в одеждах восточного стиля, — олицетворение женственности и таинственной загадочности. Названные портреты — несомненно, выдающиеся произведения портретного искусства конца XVIII в. Перед 1-й мировой войной они находились в Санкт-Петербурге, в художественном собрании известного любителя и собирателя живописи И. И. Лемана.

Репродукции с портретов были опубликованы в 1911 г. в журналах «Исторический вестник» и «Старые годы». В период революции, гражданской войны следы исторических портретов теряются. Ныне судьба данных произведений искусства и их местонахождение неизвестны. Возможно, хотя и маловероятно, что подлинное портретное изображение одного из ярких героев XVIII столетия и его жены утрачены навсегда, но поиски их продолжаются. В Санкт-Петербурге в «броневой кладовой» Русского музея обнаружена великолепно выполненная миниатюра с данного портрета Ламброса Кацониса в прекрасной художественной рамке из серебра, хранящаяся там уже много десятилетий как портрет неизвестного воина — георгиевского кавалера. Нельзя не утверждать, что и названные портреты неожиданно могут быть обнаружены в каких-то местных музеях и картинных галереях, в коллекциях частных собирателей России или других стран.

Законно полученные от Российского государства деньги за флотилию вызвали вскоре и серьезные неприятности и осложнения, с которыми пришлось столкнуться Ламбросу Кацонису. Это несомненно сказалось на его дальнейшей судьбе, на служебной карьере. Адмирал Н. С. Мордвинов, который принимал самое непосредственное участие в направлении майора Ламброса Кацониса для действий в Средиземном море и в частичном финансировании данного проекта, в возвращении Ламброса Кацониса в Россию и его реабилитации в глазах Екатерины II, вознамерился получить основную часть, определенных Ламбросу Кацонису денежных средств. Свои притязания он высказал в подробном письме от 13 февраля 1798 г. президенту государственной ревизионной коллегии, а затем и в другие инстанции, вплоть до императора, прямо заявив: «...Право мое на назначенную сумму за флотилию известно, может быть доказано бумагами и переводами

денег». Адмирал Н. С. Мордвинов предложил свой вариант распределения средств, выделенных государством за флотилию, полученных Ламбросом Кацонисом: «За храбрость его мы определим ему часть хорошую и достаточную, что может он почесть себя богатым, но полную сумму не должен он без ведома нашего распоряжать, а менее того он уж себе присвоить». ³⁶

Все это привело к глубокому и многолетнему конфликту, ибо по указу Павла I значительная часть денег уже была выплачена Ламбросу Кацонису, а делиться ими, так, как хотел этого адмирал Н. С. Мордвинов, он не пожелал, соглашаясь лишь вернуть действительно полученные им в долг средства и проценты по ним, а не всю определенную ему Комиссией сумму. Адмирал Н. С. Мордвинов посчитал себя коварно обманутым и оскорбленным. Видимо, в силу этого он из весьма влиятельного покровителя полковника Ламброса Кацониса вскоре превратился в его ярого недоброжелателя и очень опасного противника, имеющего обширные связи в свете.

Получив с воцарением на престол Павла I в сентябре 1797 г. чин адмирала, Н. С. Мордвинов решением Александра I в июне 1801 г. становится вице-президентом Адмиралтейств-коллегии, а в сентябре 1802 г., с образованием министерств, первым министром морских сил России. Думается, что он не забыл «дерзкого обмана», «обид», нанесенных ему строптивым, несговорчивым греком, так как служебная карьера полковника Ламброса Кацониса в российском флоте, несмотря на все его старания, не складывалась, как-то затормозилась. Он больше не рос по службе, хотя никто не отрицал его выдающихся боевых заслуг, военно-морских знаний и боевого опыта, храбрости в борьбе с турками, организаторских и управленческих способностей, популярности и авторитета, особенно среди моряков.

Уход в 1798 г. в Средиземное море эскадры под командованием вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова вызвал у Ламброса Кацониса горячее патриотическое стремление принять непосредственное участие в начавшихся в сентябре боевых действиях российского флота против французов на хорошо известном ему морском театре, быть опять нужным и полезным России, ее флоту. Это побуждает его предложить императору свои услуги, напомнить о себе, о прошлых заслугах, о своем боевом флотском опыте. Он обращается непосредственно к Павлу I с просьбой разрешить ему на свои средства вооружить судно «...для разезда противу французов» в Средиземном море. Император с интересом и весьма благосклонно воспринял смелое предложение полковника и кавалера Ламброса Кацониса, оценил его патристический порыв. 24 октября 1798 г. последовало Высочайшее повеление «...вооружение сие ему дозволить». ³⁷

Указанное императорское повеление немедленно рассматривается на заседании Адмиралтейств-коллегии. Уже 26 октября в ее протоколе записывается решение: «...Приказали: во исполнение Ея Императорского Вели-

чества повеления полковнику Ламбро Качони по предъявленному желанию вооружить своим коштом для разъезда противу французов судно дозволить. О чем ему Качони дать от Конторы Главного командира Черноморских флотов и вице-адмиралу Ушакову послать указы. Подписали ноября 1 дня 1798 г.»³⁸

В архивных документах зафиксировано: «...По сему определению указы посланы ноября 15 в Контору Главного командира Черноморских флотов... и вице-адмиралу Ушакову».³⁹

Получив желанное разрешение, Ламброс Кацонис весьма энергично принялся за осуществление подготовки своей экспедиции и вскоре покинул Санкт-Петербург, что подтверждается следующей перепиской. На официальный запрос из Государственной коллегии иностранных дел в адрес Адмиралтейств-коллегии по вопросу «выплаты долгов» архипелагским грекам и попыткой выяснить, «Где ныне находится полковник Ламбро Кацони», следует весьма уклончивый ответ, записанный в протоколе заседания Адмиралтейств-коллегии от 1 ноября 1798 г.: «...Приказали: в Коллегию иностранных дел сообщить, что полковник Качони и майор Пангало в ведомстве Адмиралтейской коллегии не состоит. Подписали Ноября 10 дня 1798 г.».⁴⁰ Видимо, он уже тогда считался в секретной поездке, выполнял ответственную государственную миссию, что не подлежало широкой огласке.

Однако успешные действия эскадры адмирала Ф. Ф. Ушакова совместно с союзными морскими силами, ее блистательные победы над французами резко изменили военно-политическую обстановку в Средиземноморье, при которой организация каперских действий потеряла свою актуальность и необходимость, особенно после взятия о. Корфу 20 февраля 1799 г., когда бесспорно было обеспечено морское господство союзников на морском театре военных действий. Предполагаемая экспедиция Ламброса Кацониса теперь не имела никакого практического смысла. Это понимали все. Последовали соответствующие доклады на Высочайшее имя, и проект, официально не отмененный, постепенно угас под влиянием новых обстоятельств, сложившихся в Средиземноморье.

Полковник Ламброс Кацонис был серьезно разочарован и подавлен. В начале 1799 г. он прибывает в Крым и на подаренных еще Екатериной II землях размещается со своей семьей, начинает активно заниматься разрешением накопившихся личных проблем, много сил отдает сельскому хозяйству, виноградарству, начинает выпускать виноградную водку, занимается морской торговлей, хотя по-прежнему числится на военной службе. Это подтверждается его прошениями на имя Александра I и соответствующими докладами императору: от 20 ноября 1802 г., в котором рассматривается просьба полковника Ламброса Кацониса «о награждении чином «и от 1 июля 1804 г., где излагалась просьба полковника Ламброса Кацониса об увольнении его из армии, что он «...состоя в нынешнем чине 14 лет, просит

уволить его вовсе от службы со все милостивейшим награждением следующего чина». При этом в данном письме, обращаясь к Александру I, он верноподданнически заявляет, что «...если когда-либо угодно будет его паки употребить, то он готов жертвовать всею своею жизнью».⁴¹

О дате прибытия Ламброса Кацониса в Крым из Санкт-Петербурга на постоянное жительство можно судить, опираясь на письмо адмирала Н. С. Мордвинова, направленное 4 февраля 1799 г., из Николаева в адрес полковника Ламброса Кацониса, в котором адмирал пишет: «...По утверждению Ваших писем, я ожидал Вас сюда, но к сожалению моему уведомился, что Вы проехали прямо в Крым. После участия и всего, что делал я для Вас».⁴² А также ответного письма Ламброса Кацониса адмиралу от 22 февраля 1799 г. из Акмечети (Крым), окончательно испортившего их отношения, приведшего к полному разрыву их деловых связей. В данном письме Ламброс Кацонис четко излагает свою позицию: «...Между прочим и никогда не забыл я Вам остаюсь должным за ту сумму, которую Ваше высокопревосходительство ссудили меня во время отправления моего в Архипелаг, и ожидаю нетерпеливо получить от Вас на ту самую сумму процентный щет».⁴³ Это вызвало новую волну возмущения у адмирала Н. С. Мордвинова, его обращение в разные инстанции, в том числе и к императору, в которых он жестко отстаивает свою позицию и утверждает, что в отношении полковника Ламброса Кацониса «...не остается других способов как суд и законы», подчеркивает: «...хотя он храбро поступал и храбростию его были получены призы, но оные не менее принадлежат по всем законам тем, кто отправляет и вооружает корсара».⁴⁴

Так, с новой волны серьезных неприятностей, борьбы за свою честь, за сохранение справедливо полученных от Российского государства за свою боевую деятельность денежных средств начинается заключительный этап жизни и деятельности полковника и кавалера Ламброса Кацониса в Крыму. Этап, к сожалению, мало исследованный, но вместе с тем интересный, позволяющий глубже понять и раскрыть многогранность личности полковника и кавалера Ламброса Кацониса, незаслуженно отстраненного от флота, но продолжавшего служить России.

До сих пор исследователи не пришли к единому мнению, где же все-таки проходил военную службу, числился, стоял на штате полковник и кавалер Ламброс Кацонис в свои последние годы жизни, находясь в Крыму. Его послужной список (формулярный список о службе) пока не найден. Документы Балаклавского греческого пехотного батальона, архивы Керчь-Еникальского градоначальства полностью погибли в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг.

Очевидно, что до мая 1802 г. Ламброс Кацонис находился в морском ведомстве. Это подтверждается тем, что на доложенной 3 мая 1802 г. импера-

тору Александру I письменной жалобе на полковника Ламбро Качони за неуплату долгов на острове Зеа (Kea), император наложил резолюцию «препроводить к Мордвинову», который в это время, с июня 1801 г., исполнял должность Вице-президента Адмиралтейств-коллегии.⁴⁵

Думается, что адмирал Н. С. Мордвинов сделал все, чтобы исподволь вредить, выжить с военно-морской службы неугодного, «дерзко обманувшего его» грека-полковника, уволить или перевести под любым предлогом Ламброса Качониса в другое военное ведомство. Не случайно, что уже через два года на докладе 1 июля 1804 г. Александру I, по письму полковника и кавалера Ламброса Качониса к императору, с просьбой уволить с военной службы с очередным чином, Александр I накладывает резолюцию «препроводить к графу Ливену»⁴⁶, генерал-адъютанту, докладчику по военным вопросам, курировавшему сухопутные силы. Из этого можно заключить, что Ламброс Качонис уже не относился к морскому ведомству. Министром военных сухопутных сил в это время (1802–1808 гг.) являлся граф генерал от инфантерии С. К. Вязмитинов, поддерживающий давние добрые отношения с адмиралом Н. С. Мордвиновым. Все это несомненно отрицательно сказалось на завершающем этапе военной службы Ламброса Качониса, который так и не сумел получить чин генерала.

Как известно, по ходатайству генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина Екатерина II щедро наградила отважного грека-моряка, кроме чина полковника и ордена ему было «...пожаловано до 20 тысяч десятин земли в Крыму, Заездный дом императрицы близь Карасубазара...» в Тавриде и другие милости.⁴⁷

Именно сюда прибыла и стала жить в этом небольшом крымском городке его семья. Здесь, в Карасубазаре родился в 1804 г. младший сын Александр. Именно в Крыму в данный период времени полковник Ламброс Качонис начинает активно заниматься сельским хозяйством, прежде всего виноградарством, в своей деятельности опирается на международную морскую торговлю. Он заключает контракты с купцами о доставке в Крым различных ходовых и необходимых ему товаров и продуктов, по некоторым данным, в свою очередь отправляет в Грецию, в Архипелаг крымскую соль, пшеницу, ценные рыбные продукты, деликатесы Черного и Азовского морей.⁴⁸

В 1799 г. Ламброс Качонис строит в Крыму завод «...для делания водки», направляет свою продукцию в города и селения Крыма, Юга России и две крупные партии в Москву в 1800 и 1801 гг., что вместо ожидаемой прибыли привело к затяжной судебной тяжбе и к значительным финансовым потерям. Отстаивая свои законные права и финансовые интересы, Ламброс Качонис вынужден был трижды в 1801, 1802 и 1803 гг. обращаться с жалобами к Александру I на беззакония «московских водочных откупщиков», на затянувшуюся судебную волокиту.⁴⁹

Изготовленная на Крымском заводе Ламброса Кацониса «сладкая водка» из местных сортов винограда, как видно из документов, была доведена до совершенства. Данная водка не «уступала иностранным» сортам.

Компания «Московских винных откупщиков», не желая появления нового, весьма серьезного конкурента на московском алкогольном рынке, «дабы преградить ему продажу» в Москве, «арестовали привезенную им водку и завели о сем следственное дело». Иск Ламброса Кацониса рассматривался в уездном суде. Решение суда, естественно, было в его пользу, «...но откупщики перенесли апелляцию в гражданскую палату, где по очереди дело сие будем рассмотрено не прежде пяти лет...» Началась продуманная и организованная затяжная судебная волокита. Цель винных откупщиков была ясна. За пять лет «...водка будет на воздухе испортятся, и он (Ламброс Кацонис. — Ю. П.) будучи отохожен к дальнейшему производству потерпит убыток».⁵⁰

Все это и вынудило Ламброса Кацониса обращаться по данному вопросу непосредственно к Александру I. Однако, несмотря даже на это, указанное дело все же затянулось на годы и действительно отбило у Ламброса Кацониса охоту впредь направлять свою водочную продукцию в столицы империи. Своим местом пребывания и деятельности он избирает Акмечеть, Карасубазар, г. Керчь.

В 1805 г., по пути домой, в Керчь Ламброс Кацонис в возрасте 53-х лет трагически и таинственно погибает. По версии следствия, он был отравлен своим случайным попутчиком, представившимся ему доктором. Ламброс Кацонис сумел поразить кинжалом отравителя. В Керчь в коляске приехало два холодеющих трупа. Личность отравителя властям так и не удалось установить. По наиболее обоснованному мнению старшего сына, Ликурга Ламбровича Качони, поддержанному родственниками, друзьями и соратниками покойного, он был убит «на золото Турции». Таким вот образом, считали современники, враги Ламброса Кацониса, отомстили отважному моряку, народному герою Греции.⁵¹ Похоронен он был предположительно в городе Керчь. Обстоятельства его смерти до сих пор не ясны, официально не подтверждены. Документы на этот счет отсутствуют. К началу XX столетия его могила была утеряна, бывшие кладбища у греческих храмов в Керчь-Еникале уничтожены, место захоронения всеми забыто. Могила, видимо, утрачена навсегда, но поиск ее продолжается.

В Одессе краоведами обнаружена могила офицера Российского флота Качони. Некоторые даже стали утверждать, что это захоронение полковника Ламброса Кацониса, не представив в обоснование данной версии убедительных документальных доказательств. Но это явная ошибка. В гребном флоте, базировавшемся на Одессу, действительно служил в 1799 г. офицер Евстафий Качони. Выявлен Указ императора Павла I от 14 декабря 1800 г.

«Об увольнении от службы служащих в Черноморском гребном флоте». В списке среди уволенных со службы находится и майор Качони,⁵² однофамилец героя-командующего легкой российской флотилии в Средиземноморье. Видимо, в Одессе и найдена его могила.

Боевые соратники Ламброса Качониса по легкой каперской флотилии, прибывшие в Россию, осели в основном в районе Одессы. Здесь они образовали греческую слободу Александровское, построил церковь во имя Успения Пресвятыя Богородицы, добротные дома, занимались после увольнения с военной службы торговлей, земледелием, садоводством, не утратили традиций и обычаев своего народа, никогда не теряли связи со своей исторической Родиной.⁵²

Примечания

- ¹ РГА ВМФ, ф. 239, оп. 1, д. 20, л. 34.
- ² РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 26, л. 28.
- ³ Там же. Л. 27, 28.
- ⁴ РГА ВМФ, ф. 239, оп. 1, д. 20, л. 33–34.
- ⁵ РГА ВМФ, ф. 212, оп. Канц. 2 отдел., д. 853, л. 23; ф. 150, оп. 1, Опись фонда, л. 8, 9.
- ⁶ РГА ВМФ, ф. 239, оп. 1, д. 20, л. 33.
- ⁷ Там же. Л. 33–34.
- ⁸ РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 26, л. 28.
- ⁹ Алфавитный указатель и Приложение к Камер-фурьерскому журналу 1795 года. СПб., 1894. С. 141, 147.
- ¹⁰ Материалы для истории русского флота. СПб., 1895. Ч. XV. С. 490–491.
- ¹¹ Там же. С. 491.
- ¹² ЗООиД, Одесса, 1850. Т. 11. отд. 2–3. С. 660.
- ¹³ РГА ВМФ, ф. 239, оп. 1, д. 20, л. 35–36.
- ¹⁴ Там же. Л. 136–137.
- ¹⁵ РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 927, л. 12; д. 176, л. 34–35, 43–47, 91.
- ¹⁶ РГА ВМФ, ф. 383, оп. 29, д. 927, л. 35; ф. 1374, оп. 1, д. 511, л. 195, 197; ф. 1101, оп. 1, д. 72, л. 1.
- ¹⁷ Там же. Ф. 197, оп. 1, д. 63/64, л. 525, 630; д. 52, л. 4–8; РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 511, л. 195–197.
- ¹⁸ РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 176, л. 31, 91.
- ¹⁹ РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 63/64, л. 714–722; д. 27 / 28, л. 37, 297, 317; ф. 243, оп. 1, д. 662, л. 9; ф. 243, оп. 1, д. 189, л. 76.
- ²⁰ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1795 года. СПб., 1894. С. 750.
- ²¹ РГА ВМФ, ф. 212, оп. Канц. 2 отд., д. 853, л. 21–23.
- ²² Санкт-Петербургские ведомости. 1797. № 83. 16 октября.

- 23 Санкт-Петербургские ведомости. 1798. № 88. 2 ноября.
- 24 Камер-фурьерский церемониальный журнал 1796 года. СПб., 1896. С. 423, 548, 558, 610, 630.
- 25 РГА ВМФ, ф. 212, Канц. 2 отд., д. 309, л. 5–6.
- 26 РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 2393, л. 3.
- 27 РГА ВМФ, ф. 212, оп. Канц. 2 отд., д. 327, л. 1, 2.
- 28 Там же. Л. 2.
- 29 РГА ВМФ, ф. 150, оп. 1, опись Комиссии, л. 11.
- 30 РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 511, л. 195–198.
- 31 РГА ВМФ, ф. 1997, оп. 1, д. 29, л. 245–250; РГИА: ф. 1374, оп. 1, д. 511, л. 198; ф. 994, оп. 2, д. 26, л. 41.
- 32 РГА ВМФ, ф. 150, оп. 1, опись Комиссии, л. 1; ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 117, 118, 184–187.
- 33 РГА ВМФ, ф. 212, оп. Канц. 2 отд., д. 854, л. 188; РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 511, л. 196.
- 34 РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 511, л. 196.
- 35 Исторический вестник. 1911, октябрь. С. 212, 213.
- 36 РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 511, л. 195–199.
- 37 РГА ВМФ, ф. 227, оп. 1, д. 67, л. 231, 235.
- 38 РГА ВМФ, ф. 212, оп. 1, Канц. 2 отд., д. 695, л. 341.
- 39 Там же. Л. 342.
- 40 РГА ВМФ, ф. 212, оп. 1, Канц. 2 отд., д. 854, л. 189.
- 41 РГИА, ф. 1412, оп. 252, д. 670, № 8173; д. 671, № 2594.
- 42 РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 26, л. 51.
- 43 РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 78; д. 26, л. 55.
- 44 РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 511, с. 198; РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 77–78.
- 45 РГИА, ф. 1412, оп. 252, д. 669, № 2641.
- 46 РГИА, ф. 1412, оп. 252, д. 677, № 2594.
- 47 РГА ВМФ, ф. 212, канц. 2 отд., д. 309, л. 2; ЗООиД, 1872. Т. 8. С. 219.
- 48 РГИА, ф. 1405, Алфавит за 1803 год, № 4255.
- 49 РГИА, ф. 1412, оп. 252, д. 665, № 6874; Там же. Д. 669, № 3084; Там же. Д. 673, № 2666.
- 50 РГИА, ф. 1412, оп. 252, д. 665, № 6874.
- 51 Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 1. С. 341; Исторический вестник. 1911, октябрь. С. 212–213.
- 52 РГА ВМФ, ф. 227, оп. 1, д. 75, л. 167–168.
- 53 РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 927, л. 22, 70.

**Глава
пятая**

**Потомки Ламброса
Кацониса в истории
России**

Как уже отмечалось, Ламброс Кацонис явился основателем достаточно мощной ветви своей фамилии в России. Не одно поколение российских дворян Качони (Качиони) верой и правдой служили своему новому Отечеству. Их потомки несомненно до сих пор проживают в России, в различных странах мира, не забывают своего доблестного предка.

Полковник и кавалер Ламброс Кацонис и его жена Ангелина имели трех сыновей, двое из которых были рождены в Греции, а младший сын Александр в Крыму, в городе Карасубазаре в 1804 г.

Старший сын героя погиб в Греции «во время разграбления дома» Ламброса Кацониса турками, полного разорения его семейного гнезда.

Весьма показательно, что дети, внуки и правнуки отважного воина-моряка стремились быть достойными своего предка, продолжить традиции своего греческого рода, не умалять славу и известность своей фамилии в России и Греции, как в глазах своих современников, так и последующих поколений греков и россиян.

Сыновья Ламброса Кацониса, подражая ему, решили пойти по стопам своего отца и посвятить свою жизнь военной службе, защите России, также как их знаменитый отец.

Как в последствии выяснилось, в наибольшей степени унаследовал боевые качества своего отца, воинские доблести, неукротимую смелость и отвагу средний сын Ламброса Кацониса — Ликург Ламбрович Качони (Качиони), блестяще приумноживший славные боевые традиции семьи.

В возрасте 19 лет, уже после смерти отца, он поступил в Российскую армию. Ликург Ламбрович участвовал в нескольких войнах, серьезно отличился храбростью и воинским мастерством в ряде сражений, стал опытным, знающим, всесторонне подготовленным боевым офицером, как и отец заслужил чин полковника, стал кавалером семи орденов и шести медалей, в том числе греческого ордена Спасителя.¹

Его воинская деятельность, его боевые заслуги перед Россией являются закономерным продолжением славных, героических деяний его героического отца.

Сын подхватил своеобразную эстафету ратных подвигов во славу России у предыдущего поколения, упорным воинским трудом, своей доблестью продолжил боевые традиции фамилии, заложенные отцом, чем, несомненно, серьезно порадовал бы его, если тот был бы жив.

Как повествуют семейные предания и свидетельствуют боевые соратники, друзья Ламброса Кацониса, женился он весьма «романтически», в условиях суровой и опасной каперской деятельности, в рамках нравов и понятий

своего времени. Женился на дочери наместника-коменданта острова, преданно служившего туркам. Категорически отказавшись добровольно отдать свою дочь за «...известного и жестокого морского разбойника», преследуемого турецкими властями, отец вскоре был вынужден подчиниться силе оружия и под угрозой уничтожения кораблями флотилии укреплений и поселений острова разрешить законный брак своей любимицы с врагом Османской Порты, с «...бесстрашным российским офицером, отважным корсаром» — грозой турок.²

Как показало будущее, данный брак оказался удачным и длительное время вполне счастливым. Однако следует заметить, что красавица гречанка не была обделена вниманием мужчин, что создавало определенное напряжение в семье ревнивого, эмоционального и самолюбивого грека-моряка, не важно, где находилась семья — на греческих островах, в строгом холодном Петербурге или в знойном Крыму. Пылкие взгляды поклонников сопровождали ее повсюду. Отношения супругов постепенно осложнились и в конечном счете обострились настолько, что «выплеснулись в свет». Несмотря на рождение в 1804 г. младшего сына Александра, возмущенный Ламброс Кацонис обращается в 1805 г. с жалобой в адрес Александра I на непристойное поведение своей супруги, обвинив свою жену в «...развратности и присвоению ею имущества его»,³ что стало предметом особого разбирательства.

К сожалению, в годы Великой Отечественной войны указанное дело в архивах было утрачено, сохранились лишь регистрационный номер и название его. Поэтому не ясно, как разрешился этот публичный семейный скандал, ставший достоянием двора, императора, общественности. Однако известно, что после смерти Ламброса Кацониса, его вдова видимо на вполне законных основаниях, подала на Высочайшее имя «Прощение о пенсии»;⁴ но и данное дело погибло во время блокады Ленинграда.

По всей видимости, семья Ламброса Кацониса в годы русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и активного действия легкой российской флотилии проживала большую часть времени на Ионических островах и островах Архипелага, острове Зеа (Кеа), где, как известно, находилась основная укрепленная и защищаемая база флотилии Ламброса Кацониса.

После поражения флотилии в 1790 г. его дом был найден и подвергся разграблению со стороны турок, а его старший сын — убит, жена была арестована венецианскими властями и более года находилась в тюрьме и на каторжных работах и была освобождена усилиями российских дипломатов.⁵

Средний сын Ламброса Кацониса — Ликург Качиони — родился 4 октября 1790 г., на одном из островов Ионического архипелага, и в 4-летнем возрасте, вместе с матерью, был перевезен в Россию, в г. Херсон, а затем

в Санкт-Петербург, где получил вначале неплохое домашнее образование, а потом прошел курс наук в Горном корпусе, который успешно окончил в 1809 г. 30 октября того же года Ликург Качиони поступил в лейб-гвардии Семеновский полк подпрапорщиком. Так началась его многолетняя офицерская служба. Ликург Качиони, несомненно, хотел быть достойным своего знаменитого отца, воина-патриота, и как отец, посвятить свою жизнь военной службе. Вскоре он переводится в лейб-гвардии конно-артиллерийскую бригаду, а затем, будучи уже прапорщиком, в январе 1812 г. в конно-артиллерийскую роту, в составе которой принял участие в Отечественной войне 1812 г. и впервые отличился 26 октября 1812 г. в бою под местечком Устичуге. Затем Ликург Качиони участвовал в заграничном походе русской армии 1813–1814 гг., в 1815 г. находился во Франции.

За отличия в боях под Варшавой, при занятии крепости Ченстолау, он награжден очередным чином подпоручика в апреле 1813 г. Находясь в составе 24-й конно-артиллерийской роты, проявил храбрость и находчивость, воинское мастерство в боях при занятии Кракова, Бунцлау, за что и получил свой первый орден (Святой Анны 4 класса). Вскоре Ликург Качиони назначается адъютантом к начальнику артиллерии гренадерского корпуса генерал-майору Никитину, но и в данной должности продолжает активно участвовать в сражениях. К этому времени он уже поручик, за отличия в боях при Мейсине, в генеральном сражении под Лейпцигом награжден вторым орденом (Святого Владимира 4-й степени), зарекомендовал себя как храбрый, инициативный артиллерийский офицер.

Являясь адъютантом, Ликург Качиони вновь отличается при переправе войск через Рейн, а также в многочисленных сражениях на территории Пруссии и Франции. Так, за мужество при взятии штурмом вражеских артиллерийских батарей во Франции он награждается Баварской золотой медалью, получает от императора Александра I «Высочайшее благоволение», а вскоре за новые боевые отличия орден Святой Анны 2 класса и прусский орден «Пурлямерита». 24 декабря 1814 г. поручик Ликург Качиони получает бронзовую медаль «В память 1812 года», на Владимирской ленте. Кроме того, он удостоивается серебряных медалей: «В память 1812 года», «За взятие Парижа».

Суровые боевые будни, лишения походной жизни, многочисленные сражения, нервные перегрузки, видимо, самым отрицательным образом сказались на здоровье молодого офицера, он серьезно заболел. Представленные Ликургу Качиони 4-месячные отпуска для лечения в 1814, 1815, 1816 гг. результатов не дали, и Ликург Ламбрович вынужден был подать прошение об увольнении его из армии.

7 апреля 1818 г. указом Александра I поручик Ликург Качиони был «уволен от службы с награждением чином штабс-капитана за болезнью».⁶

Рассчитавшись с армией, он уезжает в Крым, в отцовскую деревню Александровскую, начинает заниматься сельским хозяйством, становится известным помещиком Симферопольского, а затем и Феодосийского уездов, приобретя 50 десятин земли в деревне Азберды. Интенсивное лечение, спокойная, размеренная сельская жизнь, благодатный климат Крыма самым благоприятным образом воздействовали на молодой организм. Ликург Ламбрович постепенно с годами выздоравливает и возбуждает ходатайство о своем возвращении в армию, в боевой строй.

Просьба заслуженного боевого офицера была удовлетворена. Через 5 лет после своего увольнения из армии он снова в воинском строю. Высочайшим указом он определен в Балаклавский греческий пехотный батальон штабс-капитаном. Энергичный, инициативный, храбрый и распорядительный офицер, отличившийся в боях с французами и их союзниками, пользовался у местных дворян и сослуживцев несомненным авторитетом и уважением. Не случайно, что именно его 1 марта 1827 г. избирают предводителем дворянства Симферопольского уезда Таврической губернии, и он успешно справляется с возложенными на него дополнительными обязанностями.

В составе Балаклавского греческого пехотного батальона Ликург Ламбрович принимал активнейшее участие в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. За боевые заслуги и отличия в службе в 1828 г. он получает чин капитана, а за мужество и храбрость проявленные при осаде и взятии штурмом 29 сентября 1828 г. крепости Варны — чин майора. В Указе императора Николая I о производстве Ликурга Качони в очередной чин говорилось: «В вознаграждение отличного усердия к службе, примерной неустрашимости и ревностного исполнения возложенных поручений. Всемилоостивейше пожалован в майоры». 25 марта 1830 г. Ликург Ламбрович награжден серебряной медалью «За турецкую войну 1828–1829 гг.».

Свои высокие воинские, организаторские способности майор Ликург Качони с блеском продемонстрировал в конце 1829 г., выполняя трудные и весьма опасные обязанности командира Карантинной военной цепи, развернутой во время эпидемии холеры вокруг города-крепости Севастополя. За труды и деятельное исполнение возложенной на него обязанности майор Ликург Качони получает «Высочайшее благоволение», а к ордену Святой Анны 2 класса присоединяются знаки «императорской короны». А вскоре Высочайшим приказом Николая I майор Ликург Ламбрович Качони назначается командиром Балаклавского греческого пехотного батальона, в командование которым он вступил 3 февраля 1831 г. Начался его почти 15-летний период руководства пограничной безопасностью южного и восточного побережья Крыма, от Севастополя до Керчи. 8 «За отличную и ревностную службу» в должности командира греческого батальона майор Ликург Качони 13 декабря 1834 г. производится в подполковники.

При посещении в 1837 г. Крыма император Николай I особо отмечает «отличный порядок, устройство и знание службы» в Балаклавском греческом пехотном батальоне и жалует его командиру подполковнику Ликургу Ламбровичу Качиони «аренду по чину на 12 лет». ⁹

Еще раз показал Ликург Качиони свои высокие боевые качества, преданность России, готовность отдать за нее свою жизнь в ходе войны на Кавказе, находясь при главнокомандующем отдельным Кавказским корпусом, наместнике на Кавказе с неограниченными полномочиями князе М. С. Воронцове. Подполковник Ликург Качиони особо отличился в 1845 г. при занятии Андийских высот, а также в ходе других операций. 31 января 1846 г. «в воздаяние примерного мужества и храбрости» он императорским указом произведен в очередной чин полковника, имея возраст 55 лет. В ходе названной боевой кампании он пролил свою кровь, получив во время одного из боев, 6 июля 1845 г., легкое ранение в лицо, однако после лечения быстро вернулся в строй и продолжал боевую деятельность. Император Николай I по докладам наместника на Кавказе князя М. С. Воронцова высоко оценивал боевую деятельность Ликурга Качиони и «повелеть соизволил во уважение усердной и ревностной службы Качиони и заслуг, оказанных на Кавказе...» не препятствовать «к получению наград и преимуществ». ¹⁰

18 августа 1847 г. приказом Николая I полковник Л. Л. Качиони, несмотря на пенсионный возраст, назначается инспектором Керченского центрального карантина, продолжая числиться в кавалерии. В 57 лет начинается совершенно новый этап в его службе России, принесший ему огромное уважение, известность среди купцов, моряков и рыбаков, жителей Керчи, населения Крыма и Тамани. В 1851 г. за 25-летнюю выслугу в офицерских чинах Высочайшим указом полковник Ликург Ламбрович Качиони награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

В Крымскую (Восточную) войну в 1853–1856 гг., находясь в достаточно почтенном возрасте, Ликург Ламбрович в боях не участвовал, отсутствовал в Керчи и в период ее оккупации англо-французско-турецкими войсками.

После заключения мира он активно включился в работу по очистке Керченского полуострова, Керчь-Еникальского градоначальства от последствий происходивших здесь боевых действий, по восстановлению разрушенного и разграбленного города и порта, помещений карантинной службы. «За отличное усердие и неутомимые труды при распоряжениях и действиях по очистке Керчь-Еникальского градоначальства», а по сути за недопущение эпидемий, полковник Качиони награждается орденом Святого Владимира 3-й степени. Решением местных властей он был введен в состав строительного комитета, назначен членом керченского Комитета «о приведении в известность потерь и об оказании пособий жителям Керчь-Еникальского градоначальства». На последней должности Ликург Ламбрович проявлял

исключительную принципиальность и честность, постоянную заботу о людях, пострадавших в ходе войны. Своей порядочностью и вниманием к людям грек-полковник заслужил высокий авторитет, стал весьма известным и почитаемым человеком не только в Керчи, но и в Крыму. Этому несомненно способствовали также его деятельность в ранге помощника председателя Керченского статистического комитета, действительного члена Императорского общества сельского хозяйства Южной России.¹¹

И на все у него хватало сил и энергии. Его весьма заметная общественная и служебная деятельность, боевые заслуги, забота и внимание к греческим переселенцам, представителям греческого народа в Крыму были замечены и высоко оценены общественностью Греции, и не случайно, что 16 сентября 1858 года полковник Ликург Качиони, своими деяниями прославивший греческую нацию, был награжден королем Греции орденом Спасителя. Так его далекая Родина отметила несомненные заслуги своего славного сына перед Грецией.

12 ноября 1858 г. по Всеподданнейшему докладу императору Александру II «...благоугодно было Всемилоостивейше разрешить» полковнику Ликургу Ламбровичу Качони «...принять и носить означенный орден...»¹²

В июне 1862 г. «За непрерывную и беспорочную выслугу по карантинному ведомству в 10 лет» Ликург Ламбрович получает свою очередную награду. На этот раз 2-годовой оклад жалованья.

Удивительно, но, посвятив свою долгую жизнь военной службе России, полковник Ликург Качиони лишь 20 марта 1857 г. стал российским подданным, дав соответственное «Клятвенное обещание на подданство», в котором, в частности, заявил: «Я, полковник Ликург Ламбров сын Качони, бывший греческий подданный ... хочу верным, добрым, послушным и вечно подданным с моею фамилиею быть...».¹³ Являвшийся потомственным дворянином, Ликург Качиони был утвержден в российском дворянском достоинстве указом Правительствующего Сената по департаменту Герольдии 20 августа 1858 г. Ликург Ламбрович скончался и похоронен в г. Керчи в 1863 г., в возрасте 73 лет, в славе и почете, окруженный родными и близкими.

Будучи женатым человеком, хорошим семьянином, заботливым отцом, Ликург Ламбрович имел 3 сыновей и 4 дочерей, немало внуков и внучек — и тем дал свою мощную ветвь греческой фамилии Качонисов в России. Дети и внуки Ликурга Качиони честно служили своей новой Родине, среди них было немало известных, заслуженных людей. Так, например, наверняка порадовали бы своего деда внуки Ламброса Качониса. Внук героя-моряка, Александр Ликургович (1822–1870), свыше 14 лет отдал армии, дослужился до чина майора, в 1851 г. уволился со «службы по домашним обстоятельствам», затем трудился в должности феодосийского земского исправника, был известным и уважаемым в городе человеком, затем пере-

ехал в Таганрог, где и скончался в 1870 г. в достаточно молодом возрасте. Второй сын Ликурга Николай Ликургович Качиони был офицером Таврической бригады пограничной стражи, кавалером двух боевых орденов, бронзовой медали в память войны 1853–1856 гг. на Андреевской ленте. В августе 1871 г. «За отлично усердную службу» ему было «Всемилюстивейше пожаловано единовременно 350 рублей». ¹⁴

В 1869 году старший сын полковника Ликурга Ламбровича — Александр, проживавший в городе Таганроге, преподнес в дар королю Греции Георгу I боевое оружие своего легендарного деда Ламброса Кацониса: мушкет, пику, ятаган, кинжал и саблю. Король передал эти драгоценные реликвии борьбы за национальную независимость Греции на вечное хранение в Национальный музей при Афинском университете и специальным посланием через греческих дипломатов поблагодарил внука героя-моряка, майора в отставке Александра Ликурговича Качони за столь щедрый и дорогой для греческого народа дар. ¹⁵

Теснейшим образом связана с Крымом жизнь, служба и судьба младшего, менее известного широкой общественности сына полковника и кавалера Ламброса Кацониса — Александра Ламбровича (1804–1865 гг.), который родился в Карасубазаре, в Крыму, за год до смерти своего отца.

Александр Ламбрович, как и его старший брат Ликург, решил пойти по стопам своего отца. Пройдя подготовку в Одессе, он в 1819 г. поступил офицером в Мингрельский пехотный полк, где добросовестно и честно выполнял свои обязанности. С 1824 по 1827 г. находился в Санкт-Петербурге, служил в составе драгунского полка. Будучи офицером, он много внимания уделял службе, добросовестно выполнял свои служебные обязанности, проявлял хорошие воинские и командирские качества, положительно аттестовался командованием, но не имел таких ярких боевых заслуг и наград, как его брат Ликург, хотя «за заслуги и отличия» являлся кавалером двух орденов: Святого Владимира 4-й степени и Святой Анны 3-й степени, ряда медалей.

В 1827 г. Александр Ламбрович Качони «...по домашним обстоятельствам» уволился от службы поручиком и уехал на родину, в Крым, где сперва служил смотрителем Симферопольского уездного училища с 1833 по 1836 г. Российским подданным он стал 22 июля 1849 г., приняв Присягу на подданство России публично, в присутствии родных, друзей, сослуживцев, в Таврическом губернском управлении.

Имел по наследству от отца, полковника Ламброса Кацониса, небольшую деревеньку Александровку в Симферопольском уезде Таврической губернии, с 25 душами крестьян. Усадьбу с фруктовым садом и земли до 7000 десятин, где успешно занимался сельским хозяйством, садоводством. ¹⁶ Хорошо зарекомендовал себя в училище и в 1854 г. был избран предводителем дворянства Симферопольского уезда.

Известно, что, являясь отставным поручиком, предводителем дворянства, Александр Ламбрович отличился в ходе Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг., за что и получил свой второй орден Святой Анны 3-й степени. Как об этом говорится в Указе Александра II, «...за усердие при исполнении возложенных на него во время войны поручений». Действительно, он много и самоотверженно трудился, серьезно отличился в ходе обеспечения боевых действий в Крыму: активно помогал организовать оборону Симферополя, поддержку осажденного Севастополя всем необходимым. Осуществлял помощь беженцам, раненым и больным, обеспечивал сбор и деятельность дворянского ополчения, подготовку его к боям, поддержание порядка в Симферополе и прилегающих к нему местностях, много сделал, чтобы не допустить возникновения эпидемии и многое другое. После войны Александр Ламбрович по неустановленным причинам уехал с семьей из Крыма, где пользовался широкой известностью и огромным авторитетом, уважением и почитанием дворянства, в город Бердянск, где вскоре также был избран уездным предводителем дворянства. И на этой почетной, но хлопотной должности прекрасно зарекомендовал себя в среде местного дворянства города весьма активным, честным, порядочным и ответственным человеком.¹⁷

От двух своих сыновей, Ликурга и Александра, Ламброс Кацонис имел 8 внуков и 6 внучек, которых ему, к сожалению, не пришлось даже увидеть.

Многие из них стали уважаемыми и известными людьми не только в Крыму, в Причерноморье, но и в других регионах Российской империи.

Из внуков и внучек Ламбрoса Кацониса, чья жизнь была тесно связана с Крымом, наиболее известны и вошли в историю Крымского полуострова: Александр Ликургович и Николай Ликургович Качиони, о которых уже говорилось ранее.

Другие честно трудились на государственной и военной службе, занимались сельским хозяйством и торговлей, растили детей, не забывали своих греческих корней, обычаев и традиций своего народа, ничем особенно не выделялись среди окружающих их россиян. Они никогда не забывали, что они греки, старались ничем не опозорить славное имя своего знаменитого предка, героя-моряка Ламбрoса Кацониса.

Один из наиболее известных правнуков Ламбрoса Кацониса — Спиридон Александрович Качиони — родился в Крыму в 1858 г., в г. Феодосии. Проживал в основном в Карасубазаре. В марте 1893 г. Спиридон Александрович Качиони, «...жительствующий в городе Карасубазаре, Таврической губернии», обратился в соответствующие государственные органы с просьбой. Прошу, — писал он, — «...утвердить меня в дворянском звании, внося в родословную книгу дворянства Таврической губернии... выдать свидетельство о дворянском происхождении». Данная, вполне обоснованная и закон-

ная просьба была удовлетворена указом Правительствующего Сената по департаменту герольдии установленным порядком.¹⁸

Спиридон Качиони окончил симферопольскую гимназию, юридический факультет Санкт-Петербургского университета, куда поступил в 1878 г. Со временем стал достаточно крупным чиновником судебного ведомства, статским советником (гражданский чин по Табелю о рангах между полковником и генерал-майором. — Ю. П.), в процессе службы был членом различных судов, в том числе Астраханского уездного суда.¹⁹ После революции 1917 г. бывший статский советник, юрист Спиридон Александрович Качиони во время гражданской войны служил помощником начальника компасного отделения в Главном гидрографическом управлении Рабоче-Крестьянского Красного флота, затем, с конца августа 1919 г., юрисконсультом районного управления водного транспорта в г. Рыбинске.²⁰

Однако прославился он и вошел в историю России не как чиновник, а как известный русский писатель начала XX в., прозаик, сатирик, журналист, автор многих литературных произведений и книг, среди которых, хотелось бы выделить его исторический очерк о собственном прадеде, легендарном Ламбросе Кацонисе: «Пират-витязь», судебно-бытовые очерки «Силуэты прошлого», а также познавательную книгу в «Дебрях Крыма». Она до сих пор пользуется спросом у читателей. И многие другие художественные произведения начала XX столетия, вошедшие в сокровищницу русской литературы. В Санкт-Петербурге в 1914 г. вышел 1 том собраний сочинений С. А. Качиони «Райские ягоды и другие рассказы». За свои литературные труды и достижения он заслуженно внесен в библиографический словарь «Русские писатели 1800–1917 гг».²¹ Будучи свояком художника, академика живописи И. К. Айвазовского (женаты на родных сестрах), Спиридон Качиони был тесно связан с известным маринистом «узами взаимной приязни и дружбы». Опубликовал о нем ряд глубоких биографических статей «Профессор живописи И. К. Айвазовский», «И. К. Айвазовский» и другие. Общался и дружил со многими художниками и литераторами России, например, с академиком живописи, пейзажистом Г. П. Кондратенко и др. Был достаточно известен и популярен в среде российской интеллигенции. Умер в Ленинграде не ранее 1931 г. (точная дата пока не установлена).²²

Старший сын Спиридона Качиони, праправнук Ламброса Кацониса Сергей Спиридонович Качиони также писатель, работавший в советское время. Автор охотничьих и рыболовецких очерков и рассказов, ему же принадлежит иногда приписываемый его отцу Спиридону Качиони очерк «Из жизни И. К. Айвазовского» и некоторые другие произведения.

Накануне I мировой войны продолжали мужскую линию фамилии Ламброса Кацониса в России правнук Спиридон Александрович Качиони и три праправнука греческого национального героя. Дальнейшая судьба пред-

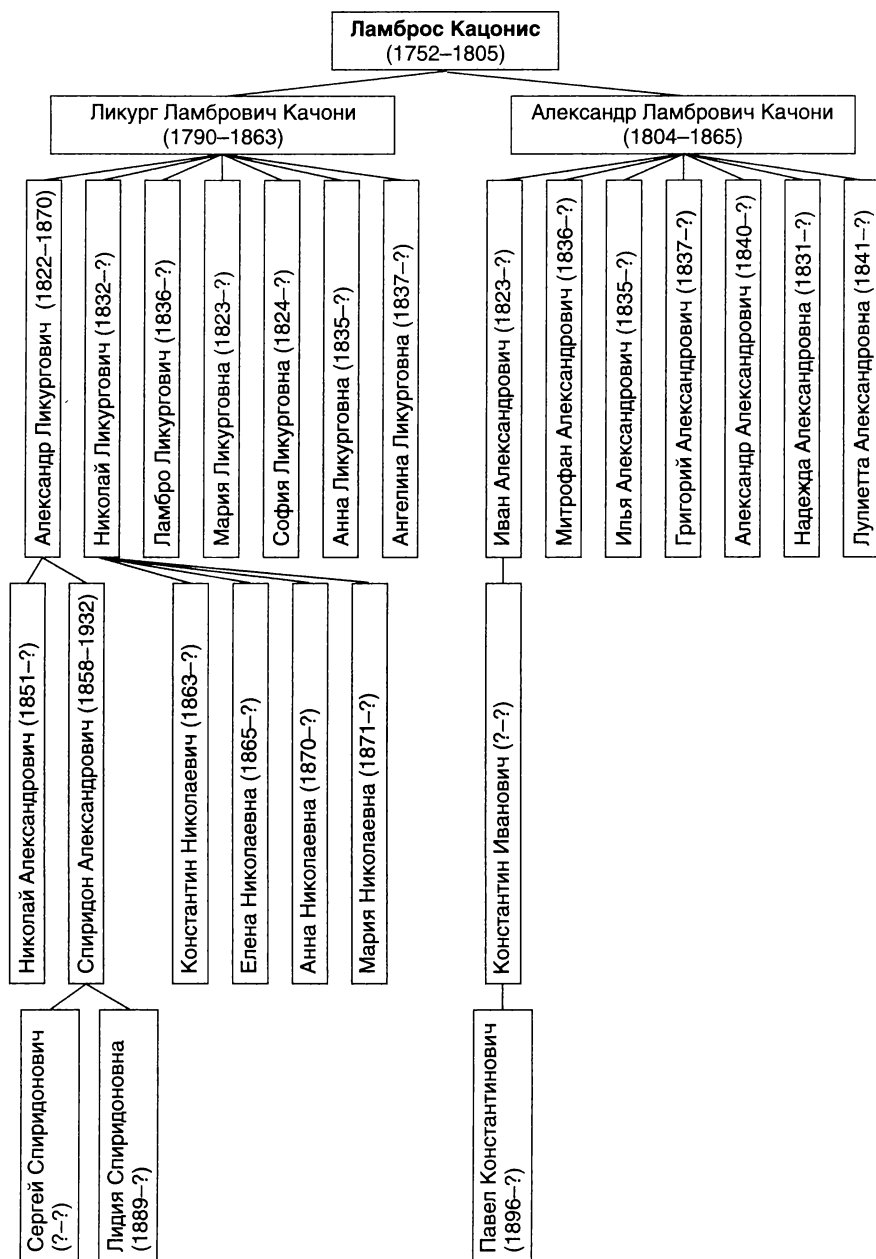
ставителей данной фамилии неизвестна, требуются дополнительные научные исследования. Имеются данные, что в 80-е гг. XX столетия в Москве проживала прапраправнучка полковника Ламброса Кацониса — Прохорова Г. А., сохранившая некоторые реликвии своей греческой семьи, редкие документы, записанные устные рассказы, предания, передаваемые по наследству, о своем славном, героическом предке греке-патриоте Ламбросе Кацонисе и его окружении, их судьбе.²³

Генеалогическая схема выявленных потомков Ламброса Кацониса составлена автором на основе архивных документов.

Это лишь первый шаг в исследованиях по данному вопросу. Полагаю, что есть возможность выявить практически всех потомков отважного грека-моряка, героя греческой нации, найти многих из ныне живущих не только в России, но и в других странах мира. Генеалогическая схема представлена в конце данной главы, и она являет собой своеобразный зримый итог первого разговора о потомках Ламброса Кацониса в истории России XIX—XX вв., которые немало сделали для своей новой Родины и стали частью ее славной и сложной истории.

Почти 200 лет прошло со дня смерти национального героя Греции, полковника и кавалера России, но до сих пор еще есть белые пятна как в славной биографии Ламброса Кацониса, так и в деятельности его потомков, продолживших славные традиции своей фамилии, проживавших и проживающих ныне на территории России и в других уголках современного мира. Их славные дела во имя Греции и России не могут быть забыты патриотами данных стран. Славная, героическая жизнь Ламброса Кацониса, грека-патриота — пример честного и добросовестного служения своей Родине.

Генеалогическая схема (потомки Ламброса Кацониса в России)²⁴

Примечания

- ¹ Исторический вестник. 1911, октябрь. С. 204; РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 2411, л. 40–43.
- ² Исторический вестник. 1911, октябрь. С. 206.
- ³ РГИА, ф. 1405, алфавит № 3 за 1805. № 266.
- ⁴ РГИА, ф. 1286, оп. 1, д. 111 (дело утрачено).
- ⁵ РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 26, л. 27–28.
- ⁶ РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 2393, л. 5.
- ⁷ РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 2411, л. 43.
- ⁸ Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1872. Т. 8. С. 219–220; 1844. Т. 1. С. 238.
- ⁹ РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 2411, л. 41.
- ¹⁰ Там же. Л. 42.
- ¹¹ РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 2393, л. 1–21; Там же. Д. 2411, л. 39–54.
- ¹² РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 2411, л. 46.
- ¹³ Там же. Л. 2, 37.
- ¹⁴ Там же. Л. 57.
- ¹⁵ Исторический вестник. 1911, октябрь. С. 204.
- ¹⁶ РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 995, л. 89.
- ¹⁷ РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 2393, л. 12–21; Там же. Д. 2412, л. 2.
- ¹⁸ РГИА, ф. 1343, оп. 23, ч. 1, д. 2394, л. 1.
- ¹⁹ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям Российской империи на 1906 год. СПб. Ч. II. С. 675.
- ²⁰ РГИА, ф. 1343, оп. 23, ч. 1, д. 2394, л. 1; ф. 1343, оп. 3, д. 995, л. 89–93; РГА ВМФ, ф. Ф-180, оп. 1, д. 12, л. 141.
- ²¹ Русские писатели 1800–1917 годов. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 519–520.
- ²² Там же.
- ²³ *Полевой В. М.* Искусство Греции. М.: Советский художник, 1984. С. 421.
- ²⁴ Схема составлена на основе архивных документов: Российский государств. историч. архив (РГИА), ф. 1343, оп. 23, д. 2393, л. 1–34; д. 2412, л. 39, 57; д. 2412, л. 1–6; д. 2392, л. 1–3.

Приложение

Тексты документов, хранящихся в РГА ВМФ и РГИА, г. Санкт-Петербург¹

1 1788 год, мая 3,
о. Занти

Майор Ламброс Кацонис — Главнокомандующему
генерал-фельдмаршалу Светлейшему князю
Г. А. Потемкину-Таврическому.
(РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 63, л. 143–144)

Светлейший князь!

30-го прошедшего апреля в 11-м часу по полуночи против Мореи было найдено мною одно судно под флагом турецким, за которым вдруг учинена была погоня, и на конец оное судно имея противный себе ветер все меры прилагало бежать к острову Занти; однако не допусти его к берегам помянутого острова с моим фрегатом и другими тремя бывшими при мне из числа мною вооруженных судами атаковал, а потом стремясь за ним к берегам и догнавши у берегов беспрестанно продолжал военное действие до наступления глубокой ночи; но и турки очень крепко оборонялись; однако другава дни то есть 1 мая поутру взяты. Все оное происходило не без потери моих людей и не без вреда судам только благодарность всевышнему не так убыточно.

Турков всех числом было сто семьдесят человек, некоторые алжирцы, другие барбарезцы; несколько кандиотов и несколько тулчениотов. Они как оказалось морские разбойники по здешнему збандиты. Крайне разоряли по здешним местам христиан.

По окончании военного действия осталось в живых 80 человек, которые также в отмщение происходящего от их рода вероломства и крови, которую при сем военном действии ее лишались и некоторые из моих, и — словом да уведят другие что творят так же преданы смерти.

По окончании всего сего на судно приведении должного обряда вдруг был положен наш флаг.

Судно оное о трех мачтах, 24 пушки было на нем, 14 которые были медные, турки бросили в море.

Оное ж судно по снятии доставных пушек и других принадлежностей против острова Занти предано огню, в рассуждении что происходила боль-

¹ Некоторые документы даны с незначительными купюрами. — Ю. П.

шая течь, а потому и не было способно итить в поход. Поправлять же надобно было время, а время для меня теперь дороже всего.

Видимо всевышнее существо совершает бессмертную славу премудро гремящего нашего Отечества.

Уже ныне в ведомстве моем десять судов, которые мною в Архипелаге взяты в призу, вооружены и ныне корсируют вместе со мною, из которых одно о 16-ти пушках именуется «Князь Потемкин-Таврический».

Поколь прибудет сюда не победимый наш флот уже по всем местам.

Турецинство гремит, что Архипелаг весь наполнен русскими военными судами. В Архипелаге нет больше никаких наших корсаров, только я с моим маленьким в десяти судах состоящим флотом.

Христиане здешних мест чрезвычайно довольны, что мне удалось сыскать и победить тех турок, о которых выше объяснил. Ибо они крайнее разорение причиняли оным христианам.

Таковое мое на всем моем иждивении к службе усердие и таковые до сел мною учиненные дела.

Предаю наимилостивейшее Вашей светлости примечание уважение и благоволение, и по гроб мой имею быть.

Светлейший князь, Вашей светлости всеуниженный слуга.

Личная подпись

2 1789, апреля,
Триест

Ордер генерал-поручика Заборовского —
майору Ламбросу Кацонису.
(РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 7–8)

...Остается теперь вам отправиться с оными в море под флагом Ея Императорского Величества в виде российской Императорской флотилии и принять от меня следующие наставления, кои вы как командующий флотилиею обязаны исполнять в течение действий ваших против врага имяни Христианского.

I

Выступя из Триеста с возможною поспешностию, следуйте прямо в Архипелаг не заходя в Сиракузу, дабы не упустить время, которым можно воспользоваться.

II

Достигши Дарданельского залива займите сию линию чрез Афонскую гору, Лемнос, Тенедос и прочая, дабы пресечь сею дорогою привоз съестных припасов из Египта, Наталии, Архипелага и Ромелии в Константинополь. Суда, которые будут вашею добычею в сем месте, как и во всем вашем плавании, оставляются в пользу Вашу и Вашей флотилии; почему все то

что нужно из добычи сей употребить на содержание Екипажа, или для умножения сил ваших, рапортуйте по собственному Вашему усмотрению: прочее же, дабы не обременить себя тем что не нужно, можете отсылать под командою одного из офицеров службы нашей в Комиссию учрежденную в Сиракузе, где неупустительно сохранено будет все в пользу вашу.

III

Председательствующий в сей Комиссии господин генерал-майор и кавалер Гибс по высочайшему повелению Ея Величества вооружает несколько казенных судов в сим же самым намерением, которое есть предметом ваших действий. Они составят другую флотилию под командою Гвилелмо Лоренца, и отправясь из Сиракузы, поплывут также прямо к Дарданельскому заливу, дабы соединиться с Вами.

Я не обязываю вас действовать всегда с ним, ни его с Вами: и как никто из Вас не подчинен друг другу, то и соединение ваше зависит от единой пользы службе: то есть, для вящего нанесения вреда неприятелю, где нужно действовать обоим вместе флотилиям, там вы должны быть соединены, в противном же случае можете разделиться. Но я еще повторяю, что польза службе долженствует быть главным вас обоих предметом; да умолкнет здесь и зависть и честолюбие, и частные пользы каждого. Внемлите гласу совести и чести, последуйте долгу присяги и верности, коею вы обязались к Ея Императорскому Величеству.

IV

Во время плаванья вашего все неприятельские суда, как турецкие, так и шведские долженствуют быть вашею добычею. В рассуждении же держав неучаствующих в настоящей войне, да будет одним из главнейших ваших правил строгое и неупустительное наблюдение Высочайше утвержденного установления о корсерах, которые здесь в копии на итальянском и греческом языке прилагаю. Употребите все внимание дабы оные сохранены были во всем их пространстве; и чтобы суда плавающие под флагом нейтральных держав, отнюдь не были визитованы, как только в таком случае, когда есть прямое доказательство, или по крайней мере сильное и явное подозрение, что на оных везутся товары запрещенные трактатами; Высочайшие интересы требуют сего, и вы были свидетелем в прошедшую кампанию с какою строгостию Ея Императорское Величество наблюдает правила свои относительно до сего пункта.

V

Все христианские народы подданные Порты суть наши единоверцы и друзья. Относиться к ним во всех местах с тем же расположением какого требуют единоверие и дружба, испрашивая от них пособия нужного для вас поспешествование оружием Ея Величества ополченному в их собственную пользу и защиту, как изображено в Манифесте Ея Императорского Величе-

ства в коих здесь для раздачи им прилагаю я экземпляры. Для удостоверения же их о препоручении которое я вам делаю, приобщаю у сего особенный лист, утвержденный моею рукой и печатью; на основе оного вы можете требовать от них преданности и верности к Ея Императорскому Величеству, и в доказательство оных принимать от них людей в службу, суда и прочие принадлежности относящиеся до мореплавания и военных действий.

Лист 8-й концовка — утрачены (отсутствуют).

3 1789, апреля 12
Флоренция

Генерал-поручик Заборовский — статс-секретарю
Екатерины II графу Безбородко.
(РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 63, л. 168)

По Высочайшему Ея Императорского Величества повелению составленная на основании корсаров из 10 судов, принадлежащих грекам, легкая флотилия отправлена из Триеста в море сего апреля 8 числа под командою майора Ламбро-Качони. Из Сиракуз вышли также другие 6 судов, а за ними скоро последует еще 3 фрегата казне принадлежащие, под начальством принятого в службу нашу Мальтийского морского капитана Гвильгельма Лоренца. Обе сии флотилии, соединясь в море поплывут к Дарданельскому заливу, дабы занять линию от Афонской горы через Лемнос и Тенедос, и пресечь привоз съестных припасов в Константинополь из Архипелага, Египта, Натолии и Румелии.

Но прежде нежели достигнут к помянутому месту, зайдут в остров Воллонуз для нападения на дульциниотов, готовящих помощь туркам противу Его Величества Императора в Банате, а потом к идриотам, дабы воспрепятствовать жителям сего острова отправить в Черное море суда, приготовленные ими по повелению Порты.

Подпись

Заборовский

4 1790, июля 29,
Царское Село

Указ Военной Коллегии, утвержден Екатериной II.
(РГА ВМФ, ф. 212, канц. 2 отд., д. 309, л. 2)

УКАЗ НАШЕЙ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ

В награждение усердной службы подполковника Ламбро Качони, отличной его храбрости и мужестве, неоднократно оказанных в сражении с турецким морским вооружением Всемилоостивейше пожаловали мы его в полковники.

Подлинно подписан собственной Ея Императорского Величества рукою
Тако: *Екатерина*

5 1790, ноября 16
Константинополь

Капитан Егор Палатино — генерал-майору
В. С. Томара.

(РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 64, л. 82–83)

Контр-адмирал Гибс сего года 4 февраля (1790 г. — Ю. П.) отправил меня из Сиракузы к майору Ламбро Кацонису с приказанием, чтобы он ожидал со своею флотилиею в местах Петталла соединиться с генералом Псаро, которого он господин контр-адмирал имел отправить из Триеста с другою флотилиею для действия обще против неприятеля.

Судно, на котором я был отправлен следовало до Цанта-Острова. Како неподалеко оттуда, в Тиаки — Остров, зимовал помянутый Ламбро... но Ламбро оттуда еще 28 генваря отправился в Архипелаг, а потому поехав я туда Его уже и не застал... 29 апреля сыскал его в острове Дзею, и подал я ему данный мне ко нему ордер. Много описать к Вам, что воспоследовало с оным майором с начала, как он вышел в Архипелаг! Понеже генерал Заборовский, дав ему инструкцию коею делал его полномочным в Архипелаге, не захотел слушаться и исполнить все то, что ему предписывал контр-адмирал противу службы и противу имянного повеления Ея Императорского Величества, коим наистрожайше подтверждалось послушание и дисциплины. Я... стараться всячески его склонить к послушанию для пользы службы, предоставлял я ему, сколько он повергал себя взысканию и законам. Тогда пред всеми своими офицерами объявил мне, что он повинуется воле Ея Императорского Величества, а чтоб возвратиться в означенное ему место, никак не хотел, а коль скоро генерал Псаро поедет в Архипелаг с надлежащим повинованием явится к нему в Команду. Уже я был в водах неприятельских, оказий мне возвратиться к генералу не было; не знал куда броситься. Уже май месяц; и со дня на день ожидать должно прибытие генерала Псаро в Архипелаг; то взяв с Ламбро ответ; как к контр-адмиралу, так и к генералу Псаро при своем рапорте отправил с верным человеком в Цериго; куда генералу Псаро было не миновать для известия о учиненном мною с Ламбром. Сам принужденным нашелся остаться с ним; стараясь между тем склонить его в послушание; но к несчастию моему после 3-х дней противу всех моих стараниев, чтобы он оставил всякое им предприятие, а шел на встречу генералу, узнав что турецкая эскадра находилась в острове Сикро, вознамерился идти ее атаковать. 5 мая попалась оная нам навстречу число 23 суда разной конструкции; дрались с оною около 8 часов, и за ночным временем разошлись; и как не потерпели никакого урону от неприятеля; майор вознамерился наутро паки оную атаковать, не смотря на то, что мало стало у наших снарядов. На на утре как только расцвело увидели еще 11 судов неприятельских, кои нас и атаковали. Флотилия ж наша состояла в 7 маленьких судах; дрались до обеда. Уже у наших почти снарядов не стало, что приметя

алжирцы пошли на abordаж; взяли 3-и наши судна, два карланкича наши ушли; майор сжог свой фрегат и ушел на карланкиче. Я был на карланкиче, и так управляли артиллериею, что во все время неприятели не осмеливались никак к нам подойти, люди увидя что мы остались одне, взбунтовались; уже стало смеркаться, взяли судно на буксир, и подходя к острову Андрос, бросили якорь. Ни пороху, ни ядер у нас не было; люди стали выходить на берег, и ни я, ни капитан не могли от того их удержать и я принужденным нашелся туда ж на берег вытти. А чтоб судно не было добычею неприятеля, то капитан оно приказал стрелять в трюм, но к несчастью не потонуло, а на утре взяли неприятели. Бегал я по горам и пещерам, и снисхождением монахов одного монастыря Св. Николая охранен был целыя 49 дней, до окончания всех поисков неприятеля.

Оттуда переехал в остров Тино, где консул есть, намерен был сыскать какую либо оказию ехать хотя бы до Цериго; но по наскокам захвачен был одним барбарешам, который повез меня в Хио, оттуда в Станчио, в след их Сераскера Сент-Али, у коего и содержан я был с протчими несчастными нашими людьми весьма худо до самого прибытия сюда 24 октября (1790 г. в Константинополь. — Ю. П.)

Сей победитель торжествовав своею пред двором Султана, повесил по всем судам своей эскадры 17 человек; в том числе трех офицеров. Пред самим Султаном отрубили головы шестерым. На другой день 21-го человека тож лишили жизни. И я был выведен, но спасся только тем, что Сераскер знал действительно что я прислан был к Ламбру курьером; и потому еще что имел у себя свой патент.

Узнав о сем по письму моему господин французский посол граф де Шоазель Гуффьер; представил Порте таковые насильственные поступки противу правила войны; и с того дня ничего более не воспоследовало.

Я бы терпел всемиловитейший государь сие мое несчастье в здешнюю тюрьму с продчими несчастными нашими офицерами, но слух носится что сей Сераскир родом грузин (ренегат) когда выходил в Архипелаг имел у Султана аудиенцию на коей он ему обещал, что все призы и пленные, которые бы он взял под нашим флагом уступит ему; то остаюсь еще в той опасности, быть в какой-либо день в Алжире повезенну, и потому прибегаю к великодушию Вашему помня сколько жаловали меня пред сим своим благоволением и милостями, защитить меня Милостивейший Государь и от сей последней опасности которая мне угрожает. [Так, как по щастию моему слышу, что Вы находитесь при его Светлости Князе Григории Александровиче, и чрез дружбу Вашу с Его Превосходительством Васильем Степановичем конечно можете] исходатайствовать мне рекомендации к господину графу де Шоазель Гуффьер, чрез что избавлюсь я от тиранской власти, и не буду подвержен страдать в оковах на площади Алжира, и быть посмеши-

щем сволочи слепых арапов; чем обяжите меня вечно чтить ваши достоинства и с тем самым и пребываю до гроба.

Вашего Превосходительства Милостивейшаго Государя
Покорнейшим слугою *Егор Палатино*

6 1790, декабря 5
Константинополь,
тюрьма

Австрийский офицер Бенжамин Тиздель —
генерал-фельдмаршалу Светлейшему князю
Г. А. Потемкину-Таврическому.

(РГА ВМФ, ф. 197 оп. 1, д. 64, л. 88–89, выдержки из письма)

...После происшедшаго сражения в Архипелаге между турко-барбаресцами с нашими крейсерами майора Ламбро Качонием. Первая будучи в несравненном количестве судов против второго; имели щастие захватить 111 человек в полон, в том числе Лейб-Гренадерского полку капитана Егора Палатино, посланного от господина контр-адмирала Гибса с повелением к оному господину майору Качиони и 4-е маленьких судна.

Барбересы возвратившись в сию столицу праздновали оную победу целых 5 дней непрерывною пушечную пальбою и в пятый день отрубили шестерым человекам головы в присутствие самого султана, повеся при том по всем судам на рейнах двадцать человек, имея пред ними повешанной Всероссийской державы флаг и с таким позорищем входили они в Адмиралтейство.

Не довольствуясь и сим, на другой день взяли из тех же новоприведенных из сей тюрьмы двадцать человек и отрубили им головы, по всем воротам Константинопольской Крепости.

В числе тех 46 человек казненных были многие офицеры и некий капитан Герасим Калига, который еще сей чин заслужил в прошло войне, а прочие при настоящей...

...Донести честь имею, что число всех Российской Императрицы поданных находящихся в сей тюрьме 37 штаб и обер — офицеров и 440 нижних чинов служителей.

Подпись

7 1790, декабря 24

Светлейший князь Г. А. Потемкин-Таврический —
генерал-майору Томара.

(РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 67–69, л. 200, 225, 246–249)

Ея Императорскому Величеству благоугодно было препоручить моему начальству морския силы Российские в Средиземном море и Архипелаге находящиеся и состоящие теперь под ведомством контр-адмирала и кавалера Гипса.

По составлению сих сил из разных команд, из которых одна собрана полковником Ламбро-Качони, другою же снаряженною от короны, управляет генерал-майор Псаро, встретились разные между ими раздоры, службе Ея Императорского Величества весьма вредные.

Сие самое обязывает меня употребить там доверенного человека, который бы, войдя во все течение дел тамошних, мог подать мне справедливое известие и исполнить с точностью мои предписания. Ваше Превосходительство я к сему избираю, и Вам поручаю отправясь немедленно в Вену и испрося там, посредством Посла нашего потребные предписания австрийским начальникам в Триесте и в прочих приморских местах о преподавании Вам способствования, следовать потом в Триест, увидеться с господином контр-адмиралом Гипсом и, приняв от него команду со всеми бумагами, до флотилии нашей касающимися, донести мне как наискорее, в каком состоянии находятся наши силы, и каким удобнейшим способом можно привести их в деятельность.

Известная храбрость и предприимчивость полковника Ламбро-Качони и доверенность его у греков обнадеживают меня, что, с добрыми наставлениями, он способнее других к произведению важных на неприятеля поисков, к чему Вы его и учредите. Господин генерал-майор Псаро останется при своем poste, не мешаясь в дела флотилии.

Господину контр-адмиралу Гипсу писал я, чтобы он приехал ко мне для лучшего объяснения, уговоря с собою и подполковника Лоренция Гульгельми, которого употреблю я в важных случаях на Черном море.

Всего нужнее приобрести доверенность от наших единовверных под игом магометанским страждущих. Я получаю письма от разных их обществ: одни из них жалуются на полковника Качони, другие им довольны. Ваше главное будет попечение привести их в согласие, дабы могли они единодушно действовать на общего врага Нашего.

Прилагаю при сем кредитив в Вену на 15 тысяч червонных для необходимых снабжений и исправления флотилии. Сверх того, здесь получите 2 тысячи червонных на таковое же употребление и на проезд Ваш.

Старайтесь как наискорее уведомить меня с нарочным курьером, в каком состоянии Вы найдете.

Подпись

8 1790, декабря 24

Светлейший князь Г. А. Потемкин-Таврический —
контр-адмиралу Гипсу.

(РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 67–69, л. 884, 978)

Поруча в ведение господина генерал-майора Томары флотилии Ея Императорского Величества на Средиземном море и Архипелаге находящихся

ся, Ваше Превосходительство предписываю вручить ему все бумаги и преподать все сведения, до помянутых флотилий касающихся. Господину генерал-майору Псаро дайте знать, чтобы он не вмешивался в дела флотилии.

Сами Ваше Превосходительство имеете явиться ко мне для личного объяснения обо всех обстоятельствах флотилий. Господина подполковника Лоренция Гульгельми желаю я употребить при важных ныне предприятиях во флоте Черноморском. Предложите ему сие и склоните его вместе с Вами приехать ко мне.

9 1791, февраля 3
Вена

Полковник Ламброс Кацонис — генерал-фельдмаршалу
Светлейшему князю Г. А. Потемкину-Таврическому.
(РГА ВМФ, ф. 197, оп.1, д. 60, л. 355)

РАПОРТ

Ордер Вашей Светлости о пожаловании меня Ея Императорским Величеством всемилостивейшею моею государынею в полковники, и письмо о награждении меня кавалером военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-ья степени, чрез господина генерал-майора Томара, я имел честь получить.

Чувствуя милости Ея Императорского Величества всемилостивейшей моей монархини и Вашей Светлости усугублю рвение мое к службе Ея Императорскому Величеству и не упущу случая к отличению себя новыми подвигами дабы сделаться достойным к получению новых знаков в милости Ея Императорского Величества и Вашей Светлости.

Подпись

Ламброс Кацонис

10 1791, апрель 19
Триест

Генерал-майор Томара — главнокомандующему
генерал-фельдмаршалу Светлейшему князю
Г. А. Потемкину-Таврическому.
(РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 60, л. 345)

РАПОРТ

Господин генерал-поручик Заборовский ордером своим от 20 марта прошлого 1789 года, препоручив легкую флотилию в командование майору, что ныне полковник и кавалер Л. Качони, приказал награждать представляющих на службу людей по числу оных офицерскими чинами.

Между получившими таковым образом чины на флотилии помянутого господина полковника и кавалера офицерами отличается Николай Касими с самого и на всех сражениях служашей на той флотилии и имеющий капитанский чин: он командовал всегда фрегатом Его господина полковника,

и в отсутствии целою флотилиею, как и ныне оною командует, исправляя и мои ему поручения с усердием и точностию; прошение сего офицера и господина полковника и кавалера Ламбро Качони о награждении его секунд-майорским чином пред вашей светлостью одобрять побуждает меня и то, что сверстники его капитаны в той же флотилии и всегда под его начальством служившие Дмитрий Мустаки и Левтер Зигури отличены получением от Вашей Светлости патентов на свои чины еще прошедшего года, при отправлении депутатов греческих.

Подпись *генерал-майор Томара*

11 1791, август 12,
пристань Каламо

Генерал-майор Томара — главнокомандующему Светлейшему князю Г. А. Потемкину-Таврическому.
(РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 159–160)

РАПОРТ

На другой день после отправления моего рапорта к Вашей Светлости прибыли ко флотилии фрегат «Фома» под командою капитана 2 ранга Гульельмо Лоренци, и фрегат «Алианс» командуемый от армии капитаном Войновичем; за тем вскоре прибыл и капитан Николай Касими с карлагичем «Великий князь Константин» называемый. Со флотилии полковника и кавалера Ламбра Качони не прибыли еще одна полугалера и две вооруженные лодки, которые по рапорту командующаго оными капитана Дмитрия Мустаки овладели около острова Тенедос двумя небольшими турецкими купеческими судами. И составленная из двух одна флотилия состоит из 22 разной величины судов.

Одна Сантия и один Кирлангич собственные суда капитанов Михали и Пандели по контракту на флотилии господина генерал-майора и кавалера Псаро служившие, також и все чины той флотилии оставили службу; а остались капитан из греков Христофор Сапунсогли на собственном же судне. Пакет-бот Российский «Орел» называемый, и иностранцы, мичман Шмит, прапорщик Жак-Мооре, из Англичан.

Капитан Микели, прапорщик Доте и кадет Севастиян Гандольфо из корсиканцев да из нижних чинов разных наций 66 человек, согласившиеся ожидать заплаты заслужанного ими жалованья здесь, из коих некоторым следует за 9, другим за 12 и за 18 месяцев.

Главные сего причины со стороны офицерства есть раздор двоих флотилий и презрение к грекам вкоренившаяся так глубоко в служащих в первой флотилии, что живучи здесь с ними и употребив все меры к приведению их в согласие, должен был наконец почесть оное невозможным.

Не удовольствие нижних чинов произошло с самого начала от неплатежа обещанного жалованья.

Здесь прилагаю положения о жалованье и провизии экипажей сделанные для флотилии господином контр-адмиралом и кавалером Гиббсом, к чему еще и третья часть в призах им же назначенна, составляют участь для военнослужащих такую, какой ни с одной иностранной службою сравнить нельзя: сверх того лучшие матрозы имели в жалованье прибавку против положения, определением их в разные звания, коим трактament в положении назначен выше рядовых; и по сему на малых наших фрегатах есть столь великое количество получающих большое жалованье людей. Но все сие не рождало привязанности к службе по причине всегдашнего недостатка в деньгах, следственно не платежа жалованья и худого экипажам содержания отчего сделали непослушными, и без малейшаго уважения к начальникам. При всяком движении судов, должно было уговаривать экипажи подняться с места.

На контр-адмирала Гиббса вооружились было в Сиракузе. Гульельмо часто уходил от своих матрозов; и при последней встрече с турецким флотом освободили его от ареста несколько служащих на судне его греков и корсиканских офицеров; наконец не умножая примеров, должен донести Вашей Светлости, что почитаю избавлением для себя и флотилии отъезд всех их отсюда, не имея и сам как Вашей Светлости способов, ни к удовольствию прежних претензий и ниже к содержанию их нане.

Суда первой флотилии не в лучшем состоянии: один фрегат господина Гульельма Лоренци снабжен посредственно вещами против положения весьма умереннаго сделанного здесь господином контр-адмиралом и кавалером Гиббсом для военных судов; другой фрегат командуемый капитаном Войновичем ни одной годной веревки и ни одного посредственного паруса не имеет.

Прежне Ламбровой флотилии суда возвратившиеся из Архипелага гораздо лучше снабжены, и лучшие имеют экипажи. Вся флотилия к выступлению в море могла бы быть готова в первых числах сентября месяца; но мешает тому крайний недостаток в деньгах, который я терплю. Нужнейшие исправления на судах и содержание экипажей производится помощью капитанов и других партикулярных людей из Ламбровой флотилии, но и их состояние есть весьма тесное и не отвечает ревности. обстоятельное известие о флоте турецком я получил от консула французского в острове Мило, где тот флот пробыл целые две недели; оной состоит из одного линейного корабля о 52-х пушках, двух фрегатов о 36 пушках, двух корвет Мароканских о 20 пушках, одной полакры из Цареграда о 18 пушках; четырех судов Алжирских о 20 пушках; малого фрегата о 24-х; двух сантий о 18-ти и девяти карлангичей от 12 до 18 пушек, всех судов 22.

Оставшиеся мореходцы наши не сомневаются, что с имеющимися ныне у нас судами можно взять поверхность над сим флотом, а находится оный ныне около острова Станкиа. Для нужнаго иногда опрaвления судов порты

в Триесте и Ливорне, как по причине чрезмерной дороговизны, так и отдаленности от Архипелага мало способны, лучше починятся здесь в Венецких островах или в Сицилии, а всего способнее в Майне.

Депутаты сей нации здесь находятся; они представляют обе свои пристани Порто-Гаио и Паганя на услуги флотилии, а на каких условиях — Здесь прилагаю Вашей Светлости их предложение.

Здесь подношу Вашей Светлости разные ведомости, одну «А» с описанием как суда наши нынешние снабжены и вооружены, а вторую, примерное положение «Д» об экипажах судов с прописанием им жалованья. Я же из Триеста писал, что греки согласятся служить с половинным жалованьем и участием в призах, как и согласились было экипажи купленных мною судов в Триесте; но сообщение с флотилиею господина генерал-майора и кавалера Псаро произвела перемену и они теперь так, как и другие требуют назначения жалованья.

Что ж касается до прокормления, то включая хлеб и вино, половинною частью того, что назначено было флотилии генерал-майора Псаро, содержать экипажи греческие можно.

Подпись

генерал-майор Томара

12 1794, октябрь 7
Херсон

Вице-адмирал Н. С. Мордвинов — графу П. А. Зубову.
(РГА ВМФ, ф. 239, оп. 1, д. 20, л. 33–34)

Сиятельнейший граф
Милостивый государь

Полковник Ламбро Кациони явился ко мне с письмом от Варуки, консула Триестского; по которому уведомлен я что благоугодно было вашему сиятельству оное повелеть.

Господин Ламбро Кациони просит дозволение прибыть в Санкт-Петербург, для очищения поступков своих от разных клевет нанесенных на него и для уничтожения ложных требований zapлаты долгов его. Признает он весьма малую сумму, которую заплатить должно. Притом желает познать сколько денег поставлено на щет флотилии его.

Он утверждает, что со дня вооружения, до окончания войны получил он только казенных денег 25 тысяч флоринов и вспомоствовано ему было при покупке катера и двух мелких судов 4400 флоринами.

Содержал же он свою флотилию призами братьями им от неприятеля.

Напротив того, отпускал собственного провианта своего на суда вооруженные от казны и вооружил 22-мя пушками, ружьем и всякою военною амуницией, кирлангич «Князь Голицын», который взят у него был и отдан во

флотилию казенную состоявшую под командою Гульельмо; за два призовые судна, полученные от него генералом Псаро, повелено было покойным Светлейшим князем заплатить за вооружение одного 10 500 пиастров, но денег он не получил. Подарил он из своих судов «Сант-Луку», вооруженное 20 пушками, по предписанию генерал-поручика Заборовского Озезаир Паше Барутскому; снабжал многократно порохом и свинцом народ Сулинский; дал 12 орудий Али Паше, когда признаваемым он был преданным России.

Призы сделанные судами его «Ахилесом», «Константином», «Александром» не возвращены ему; и наконец ссудил он генерал-майору Томару более 10 тысячами пиастров, в Каламо, которые собрал, заложив все свои вещи венецианцам; и сии вещи по сие время находятся, не выкупленными, в руках генерала Мемо и частью в Занте.

С глубочайшею чувствительностью описывает он помрачение славы его, усердия и верности, которые во все время порывался он доказать кровью, трудами и жертвованием богатств храбростью его получаемых; два года пропитал себя милостынею и изгоняем был из всем мест яко объявленный изменник.

Имею честь быть с глубочайшим почтением и преданностью.

Милостивый государь вашего сиятельства
всепокорнейший слуга

Подпись *Мордвинов*

13 1794, октября 20,
Херсон

Вице-адмирал Н. С. Мордвинов — генерал-фельдцейх-
мейстеру графу П. А. Зубову.
(РГА ВМФ, ф. 239, оп. 1, д. 20, л. 35)

Сиятельный граф.
Милостивый государь!

Служившие в Средиземном море, под командою полковника Ламбро Кациони возмев желание поселиться в Гаджибее и окрестностях онаго города подали прошение в коем изъявляют намерение о привлечении многочисленных их семейств из Греции.

Рассуждая что предложение таковое может быть благоприятно Вашему сиятельству осмеливаюсь предоставить прозбу их и при оной трех депутатов избранных от всего общества, майора Паскали Калонра, майора Стратиники Фораки и поручика Пандели Годжи.

Имею честь быть с глубочайшим почтением и преданностию.

Милостивый государь Вашего сиятельства
всепокорнейший слуга

Подпись *Мордвинов.*

14 1794, октябрь,
Архипелаг

Греки-воины легкой российской флотилии
Ламброса Кацониса — императрице Екатерине II.
(РГА ВМФ, ф. 239, оп. 1, д. 20, л. 35–37)

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна Самодержица Всероссийская Государыня всемило-
стивейшая.

Просят Средиземного моря начальствующаго полковника и кавалера Ламбро Кациони подкомандные штаб, обер офицеры и рядовые, а о чем то-
му следуют пункты.

1.

Служа мы с начала открытия с турком войны Вашему Императорскому Величеству под начальством полковника и кавалера Ламбро Кационе рев-
ностно усердие имели ко оной службе и проливали противу неприятеля
кровь также показывали свои храбрости и при заступлении Российского
Отечества, потеряли и свои отечества. Ныни ж не имеем мы где бы з своими
фамилиями можно было прожить а желаем под покровительством Россий-
ской империи жить, и, в случае сколько сил будет защищать, и как первым
Вашее Императорское Величество указом удостоили нам отвесть в Аджи-
беи землю и униженнейше просим. Для строения и протчего на оной земли
по недостатку нашему наградить. О всех же нас при сем прилагается ре-
гистр, почему и осмеливаемся всеподданнейше просить.

Дабы высочайшим Вашего Императорского Величества указом повеле-
но было сие наше прошение принять. Где следует записать и нас оставших-
ся крайне обиженными и лишившихся своих Отецеств, вышесказанну в
землю равно настроения и протчое наградить и о сем неослать Вашего Им-
ператорского Величества милостивою резолюциею.

Всемилоствейшая государыня просим Вашего Императорского Вели-
чества о сем нашем прошении решение учинить. Октября 14 дня 1794 года.
К поданию надлежит Ея Императорскому Величеству. Прошение писал за
не имением гербовой на простую бумаге Губернский регистратор Петр
Пантелеймонов сын Самарский

Депутаты Пандели Дочи

Костанди Карапуни

Стати Карадио.

Имеет число двесте фамилий и подписывают...

15 1795, марта 25Граф Платон Zubov — графу А. Н. Салтыкову.
(Алфавитный указатель к Камер-фурьерскому
журналу 1795 г. СПб., 1894, л. 141)

Ея Императорское Величество Высочайше повелеть соизволила полковнику и кавалеру Ламбро-Качиони не полученное им за 8 лет жалованье, за службу его во всю прошедшую турецкую войну в Архипелаге на флотилии Российской, выдать из здешнаго остаточного казначейства.

Как оный полковник находится ныне в Херсоне, то я отнесся к господину вице-адмиралу и кавалеру Мордвинову, чтобы он на счет помянутого казначейства удовольствовал его следующим жалованием из суммы Черноморского Адмиралтейского Правления.

Подпись

*Зубов***16** 1795, июня 6,
Царское СелоГраф Платон Zubov — вице-адмиралу Н. С. Мордвинову.
(РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 40, л. 49)Милостивый государь мой
Николай Семенович!

Полковника Ламбро Качиони Ея Императорское Величество повелеть соизволила отправить в Санкт-Петербург ради объяснения некоторых статей по делам средиземноморской флотилии, для рассмотрения которых учреждена здесь особая комиссия. Имею честь быть в отличном почтении и преданностию покорный Вашего Превосходительства покорный слуга.

Подлинная подпись

17 1795, апреля 25,
ХерсонПолковник Ламбро Качонис — графу Платону Zubov.
(РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 26, л. 22–28)

...Генерал-майор Томара по прибытии отнимал у меня эскадру и хотел дать мне паспорт чтоб поехал я куда хочу. Располагая моею флотилиею не так как вольною, но как казенною. Взял часть оной в Ливорно, которая уже не была мне возвращена а отправлена в Черное море.

По заключению мира в ней были три судна одно Сантя и два кирлангича и полгалер со всем вооруженные. Он же послал секретный ордер с капитаном Стикули о взятии из Архипелага 3-х кирлангичей вооруженных и о привозе в Ливорну. Из них пришли ко мне два, а третий остался в Ливорне.

В Майну пошел я не в виде неприятельском, а принуждены были сие сделать по недостатку провианта и денег. А по тому на пути судов не брал и никаких военных действий не производил.

Господин генерал-майор Томара сей самый поступок объявил возмущением, почему признал, объявил и утвердил его оным. Отнимал у меня власть и не почитал флотилию мою вольною, но казенною, чрез то и не мог я продать части судов своих в Каламе для содержания оных, почитая собственность свою по его повелению казенною, а потому необходимость сия и заставила меня идти в Майну, поблизости которой в Нидре имел я долгу 31 мешок и 50 пиастров. Кои надеялся получить и на оные содержать флотилию, до прибытия моих депутатов из Константинополя от министра от которого надеялся получить Пособие: но как по требованию моему денег платить мне не хотели и начали людей моих бить, кои принуждены были обороняться, сие то самое названо было бунтом.

Монифест издал и объявил я в Италии и Архипелаге по совершенной нужде в пропитании и содержании флотилии, не получая никакого пособия; объявленный же в Санкт-Петербурге суть подложный и я его за свой признать не могу. Изо всех моих истинных объяснений ваше сиятельство заключить изволите, не должен ли я почитать флотилию мою присвоенною Казне, когда не имел уже я власти оною распоряжать так как хозяин, а находился с нею в повелениях на пользу службы Ея Императорского Величества и не мог обращать на свои интересы и сооружителей оной, но есть ли бы хо о сем преградам положено было утвердить Ее и моею собственною, то и тогда по Уставу о корсарах должно мне заплатить за суда потерянные мною против неприятеля, с коим сражался я по повелению главнокомандующего.

О чем и сама комиссия в определении сказали сими словами: буде главнокомандующий найдет за нужное кого либо из корсаров употребить для пользы службы Ея Императорскому Величеству, то оный должен исполнить Его повеление и за все время употребления его будет получать из казны достаточную плату, пока он опять отпущен не будет для учинения поисков над неприятелем...

...Вашему сиятельству осмеливаюсь донести: требование мое о сем не представляю я в комиссию потому, что возвратился я в Россию единственно по дозволению Вашего сиятельства и что комиссия почитает меня по сие время яко отвержанного бунтовщика; почему и не могут я приехать в Санкт-Петербург и предстать пред Комиссиею ради личного требования моих претензий и оправдания, а особливо не осмеливаюсь поступить на то без воли вашего Сиятельства.

В заключение сего я несомненно уверен о правосудии Ея Императорского Величества тем более, что оказав многия подвиги храбрости, пожертвовал своею собственностью три года находился без пропитания и жена моя с детьми страдала в каторжной работе два месяца и 12 месяцев в тюрьме. Турки разграбили мой дом; служившие со мною повешены и сам

я предат был неприятелям, от которых сокрывался ради сохранения жизни 18 месяцев в турецкой земле; во время разграбления дома моего лишился я сына.

Все сии бедствия кои претерпел я для пользы службы и выгод государственных суть достаточны ко обращению милосердия Всемиловитвейшей моей Государыни. А потому в оказание мне справедливости и возлагаю я непременную надежду на правосудие Ея Императорского Величества и покровительство Вашего сиятельства.

Подпись

18 1795, август 4,
Херсон

Вице-адмирал Н. С. Мордвинов — графу Платону Zubову.
(Материалы по истории русского флота.
СПб., т. XV, с. 490–491)

Господин полковник Ламбро Кациони донесет Вашей светлости о приведении в совершенство гребных судов корабельных по предложенному мною плану. Поправления которые вновь мы сделали усовершенствовали их весьма. Господин Ламбро посылан был мною для опыта выстрелов 100 ядер без повреждения, кроме слабой течи, которая оказалась на барказе, но не может существовать случая, когда нужно выпалить 100 зарядов, таковыя суда 20-ю бомбами должны закончить бой, потопить корабль или зажечь; сии суда составят истинный гребной флот, соответствующий заданиям моим, по коим предполагал я необходимость построить гребной флот.

Подпись

Н. С. Мордвинов

19 1795, сентября 20,
Царское Село

Запись в Камер-фурьерском журнале
(Камер-фурьерский церемониальный журнал
за 1795 год. СПб., 1894, л. 750, выдержки...)

20 сентября 1795 года.

В четверг, в день торжества рождения Его Императорского Высочества Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича происходило следующее:

«...По начатии же бала, в 7-м часов вечера Ея Императорское Величество изволила из внутренних своих апартаментов иметь выход на бал...»

Ея Императорское Величество изволила жаловать к руке приезжаго из города Херсона полковника Ламбро Кочиони, которого представил старший по дежурству Камергер князь А. А. Кольцов-Масальский»...

20 1796, декабрь 31
Санкт-Петербург

Патент на чин полковника Ламбро Качони
подписан Павлом I.

(РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 2393, л. 3)

ПАТЕНТ

Патент на чин полковника Ламбро Качони «...но токмо ему на оный чин патента поныне было недано того ради мы сим жалуем и учреждаем повелевая всем нашим помянутого Ламбро Качони за нашего полковника надлежащим образом признавать и почитать, напротив чего и мы надеемся, что он в сем ему всемилостивейше пожалованном чине так верно и прилежно поступать будет как то верному и доброму офицеру надлежит».

Дан в Санкт-Петербурге лета 1796 декабря 31 дня.

«Тако» Павел

21 1797, февраля 26
Санкт-Петербург

Протокол Адмиралтейств Коллегии.
(РГА ВМФ, ф. 212, Канц. II отд., д. 327, л. 1–2)

...Оная Коллегия по прошению полковника Ламбро Качони в коем прописывает, что: ... в службу он вступил из греков города Левадии в прежнюю против Порты Оттоманской войну с прочими единоверцами в 1770 году и продолжал оную до скончания войны на флоте действовавшем в Архипелаге под командою графа Орлова.

По смерти же родного его брата убитого в действиях, перешел в бывший Егерский корпус.

По заключении мира в 1775 г. переселился в Крым с прочими албанцами и служил непрестанно в греческом, что ныне батальон, полку сержантом, находился в оном при всех данных сражениях и во время татарского бунта отличив себя храбростию пожалован был офицером.

В 1781 году назначили его отправиться с графом Мариам Войновичем в Персию, тогда же и был произведен поручиком за заслуги в Персидской экспедиции; потом в 1786 году объявлено ему было покойным князем Потемкиным чин капитанской; по открытии же последней с турками войны в награждение неоднократных и достойных услуг перед Очаковым, под командою вице-адмирала Мордвинова был он тем князем Потемкиным произведен в 1787 году майором, тогда и возложил он же князь на его Качони тяжелую должность отправиться в Архипелаг к составлению в Средиземном море флотилии, которую и составил собственным трудом, успехом и коштом.

Продолжая службу на оной флотилии начальником, в награждение же усердных его услуг в Архипелаге произведен был блаженный и вечно до-

стойнши славы памяти государыни императрицы Екатерины Вторья указом в 1789 г. подполковником, также и в 1790 г. июля 29 числа по Ея же Величества Указу пожалован полковником и 12 день сентября того же года кавалером военного ордена Святого Георгия 4 степени, в награждение противу неприятеля в Средиземном море подвигов, в 1796 году в декабре месяце по Высочайшему Его Императорского Величества повелению определен был в Черноморский гребной флот капитаном 1 ранга.

А как ныне обстоятельства нужд его требуют непременно возвратиться в Архипелаг по причине 27 летней отлучки его из Отечества и по обстоятельствам долгов вделанных в Архипелаге во время командования его флотилиею, чрез которые заимодавцы оставшиеся без удовлетворения непременно будут нападать на имения родственников его и разорять их до крайности просит — уволить с абшитом в Архипелаг отечество его ради поправления таковых нужных дел с тем, что; буде впредь необходимость потребует по обстоятельствам нужды, то по единоверию и усердию к престолу Его Императорского Величества служить готов будет, и по подписанной при том справке.

•Приказали поелику об отправлении означенному Качони в Одессу указ ему от сей коллегии уже дан, да и как он прозбу сию подал не в узаконенное время, то во оной и отказать, о чем ему объявив, по точности одного указа велеть отправиться к своей команде немедленно, и о том исполнить приказано.

Подписали марта 4 дня 1797 года.

22 1798, октября 26

Протокол Адмиралтейств Коллегии.
(РГА ВМФ, ф. 212, канц. 2 отд., д. 695, л. 341)

1798 г. октября 26 дня в Протоколе Адмиралтейств Коллегии записано:

Оная Коллегия по высочайшему повелению объявленному коллегии за подписанием господина вице-президента оной и кавалера Григория Григорьевича Кушелева, что Его Императорское Величество Государь Император по представленному от полковника Ламбро Качони желанию вооружить своим коштом для разъезда противу французов судно, высочайше повелеть соизволил вооружение сие ему дозволить.

Приказали: во исполнение Его Императорского Величества повеления, полковнику Ламбро Качони по предъявленному желанию вооружить своим коштом для разъезды противу французов судно дозволить. О чем ему Качони дать от канторы Главного командира Черноморских флотов и вице-адмиралу Ушакову послать указы.

Подписали 4 октября 1 дня 1798 года.

23 1799, февраля 22
Акмечеть, Крым

Полковник Ламброс Кацонис —
адмиралу Н. С. Мордвинову.
(РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 26, л. 55)

Милостивый государь Николай Семенович!
Ваше превосходительство!

Чрез господина поручика Новосельского имел честь получить почтеннейше ваше письмо от 6-ого февраля и к чувствительнейшую моему сожалению усмотрел что ваше высокопревосходительство изволит напрасно обидеть меня забвением будто моим обязанность; когда я не упустил ни минуты времени разделаться со всеми теми с коими я имел дело, и удовлетворить всех моих кредиторов (по сие не без расчета и документов) Между прочим и никогда не забыл я Вам остаюсь должным за ту сумму которую Ваше высокопревосходительство ссудили меня во время отправления моего в Архипелаг, и ожидаю нетерпеливо получить от Вас на ту самую сумму процентный щет в полном разделке, и удовлетворении с благодарностию.

Оставаться на всегда честь имею со все глубочайшим высокопочтанием и таковую же преданностию.

Вашего высокопревосходительства Милостивый Государь
покорнейший слуга
Подпись.

24 1803 г., 19 июня

Доклад Александру I по жалобе полковника
и кавалера Ламброса Кацониса.
(РГИА, ф. 1412, оп. 252, д. 673, № 2666)

Ламбра Качиони полковник построив в Крыму завод для делания водки из тамошних продуктов и доведя оной до совершенства так, что делаемые на оном водки не уступали иностранным. Отправил знатное количество в Москву, но содержатели тамошнего винного откупа из единого корыстолюбия, заарестовав оную, под видом сомнения произвели о ней дело, которое потом разделили; в 4-й и 6-й Сената департаменты дабы продолжением времени разстроить заведения, в чем и успели и хотя 6-й департамент и решил, но убытки предоставил отыскивать формою суда, которому также не предвидят окончания тяжбы; повелеть 4-му департаменту дело о сем решить не в очередь, а в убытках разобраться выбранными с обеих сторон посредниками.

Резолюция: препро к Державину

25 1803 г., 21 июняВысочайшее повеление Александра I министру юстиции
Державину.
(РГИА, ф. 252, д. 9, № 688)

Ея Императорское Величество высочайше повелеть изволил препроводить на рассмотрение Вашего высокопревосходительства прилагаемое при сем прошение капитана 1 р. Качиони жалующегося на содержателей в Москве винных откупов в причинении ему убытков за арестованием деланной на его заводе водки и о прочем.

Подпись

26 1804, июля 1Содержание краткого доклада императору Александру I
(по письму полковника Ламброса Качониса
на Высочайшее имя).
(РГИА, ф. 1412, оп. 252, д. 677, л. 1, № 2594)

Ламбро Качиони полковник, описывая службу свою и оказанные им разные услуги, но состоя в нынешнем чине 14 лет, просит уволить его вовсе от службы со все милостивейшим награждением следующего чина, присовокупляя к тому, что если когда либо угодно будет его паки употребить, то он готов жертвовать всею своею жизнью.

Препро: к графу Ливену 2 июля (1804 г. — Ю. П.)

27 1911 г., октябрьВыдержка из статьи «Пират-Витязь», автор Спиридон
Качиони — правнук героя Ламброса Качониса.
(Журнал «Исторический вестник». С. 212–213)

...А когда Ламбро... возвращался откуда-то из поездки к себе домой, его на последней остановке перед Керчью догнал какой-то господин, назвавшийся доктором. Они разговорились, и Ламбро с хлебосольством южанина, пригласил его закусить вместе и выпить стакан красного вина.

И здесь во время беседы и выпивки из руки доктора, наливавшего своему радушному собеседнику этого вина, незаметно упал в стакан какой-то маленький кристаллик...

Это был последний заключительный стакан, опорожнив который Ламбро пошел к экипажу, чтобы продолжать путь дальше уже вместе с этим новым своим знакомцем, которому он любезно предложил левое сидение в своем тарантасе...

На пути началось ужасное действие яда, и вслед за тем Ламбро, вся жизнь которого научила узнавать врага, к ужасу своему, понял, в чем дело...

Сверкнул огромный кинжал в еще не потерявшей силу руке корсара, и вероломный злодей оказался пригвожденным этим кинжалом к экипажу...

В Керчь через час въехали два трупа...

Среди близких Ламбро долго держалось мнение, что отравитель, имя которого так и не выяснилось, был подослан князем N, не простившим ревнивому мужу смертельного оскорбления, нанесенного ему тогда, во дворце, в присутствии государыни. Но это едва ли справедливо. Гораздо более правдоподобна другая версия этого отравления, которой между прочим держался и сын Ламбро, Ликург, и внук его Александр: отравитель был подкуплен золотом Турции, которая этой предательской смертью отомстила знаменитому пирату-Витязю целые потоки пролитой им в Архипелаге и Эгейском море турецкой крови...

Ламброс Кацонис: яркая жизнь между Грецией и Россией

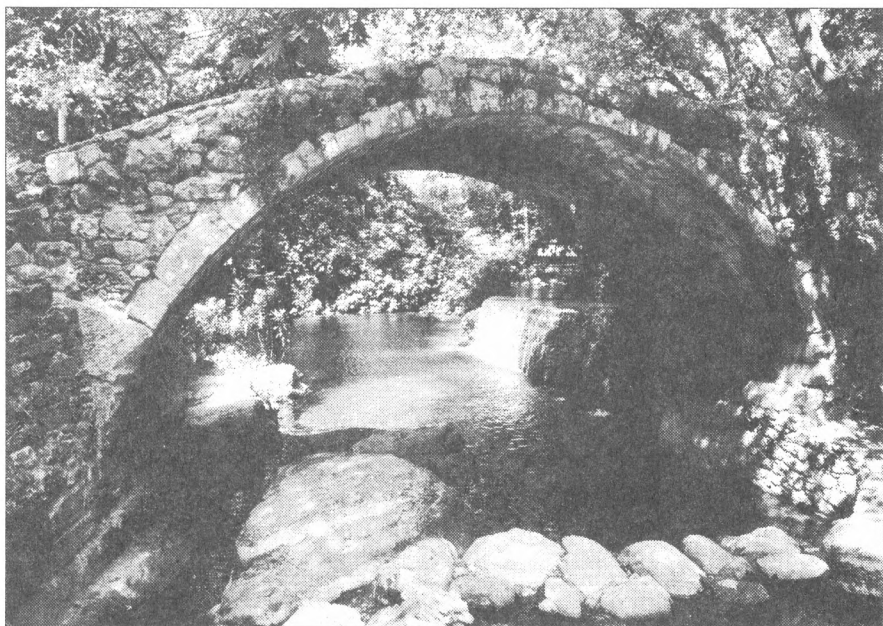
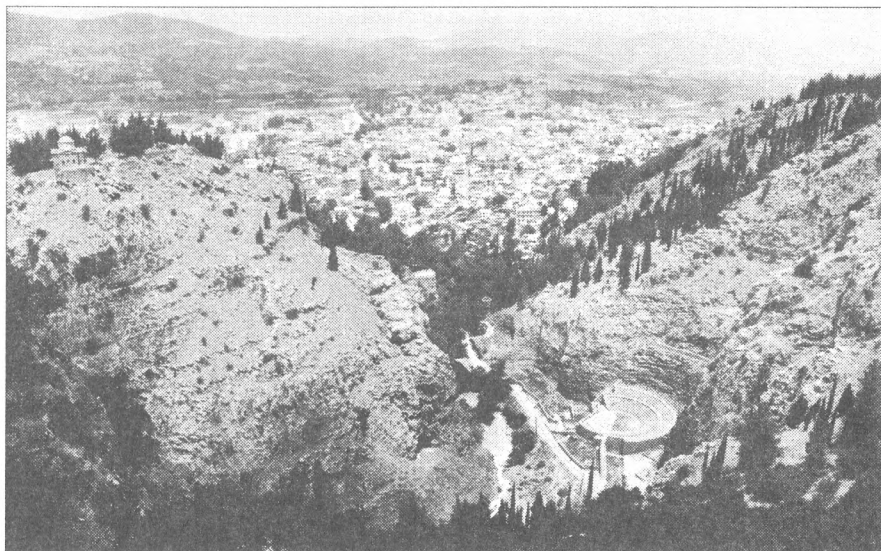

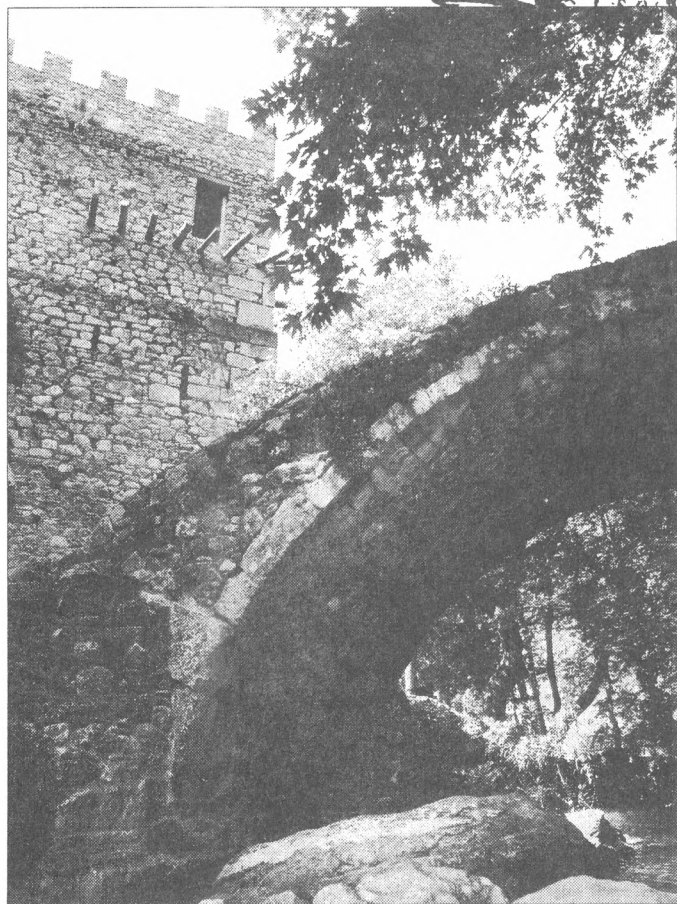
Ламброс Кацонис

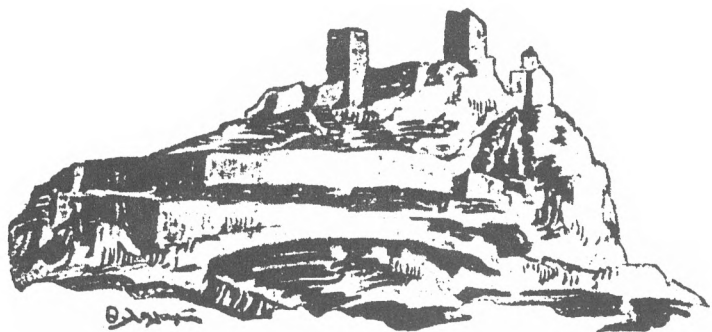
Lampros Katzonis

Подпись Л. Кацониса

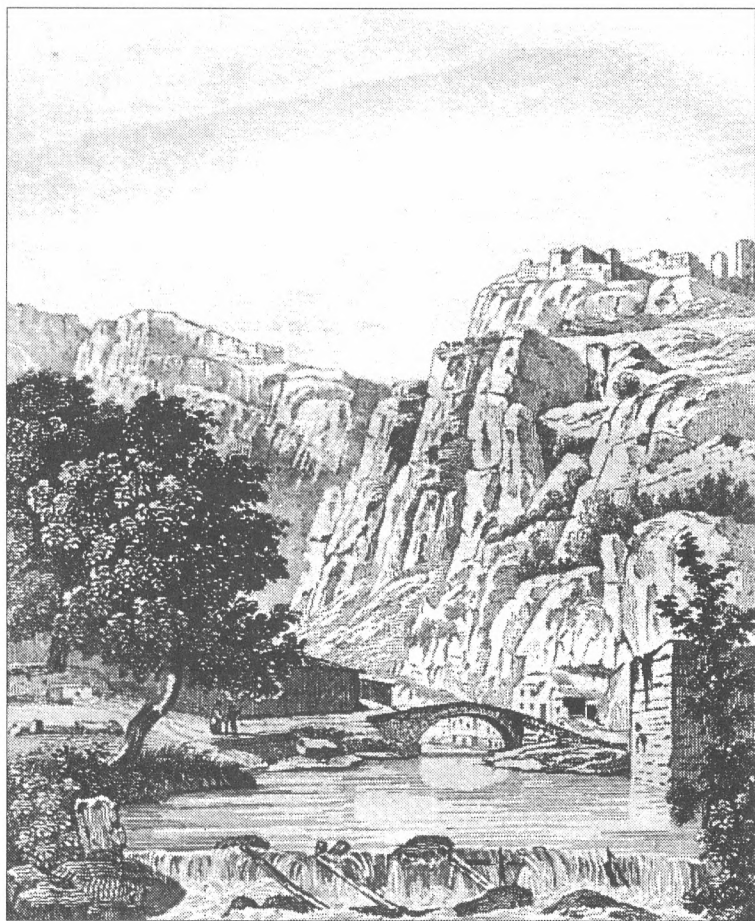
Виды Левадии — родного города Ламброса Кацониса

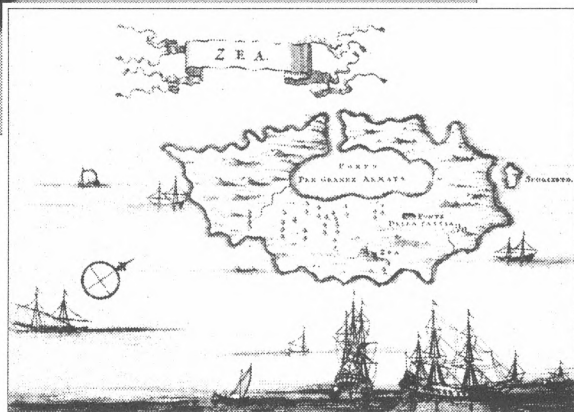
Левадийский замок. Графика Ф. Лазариса

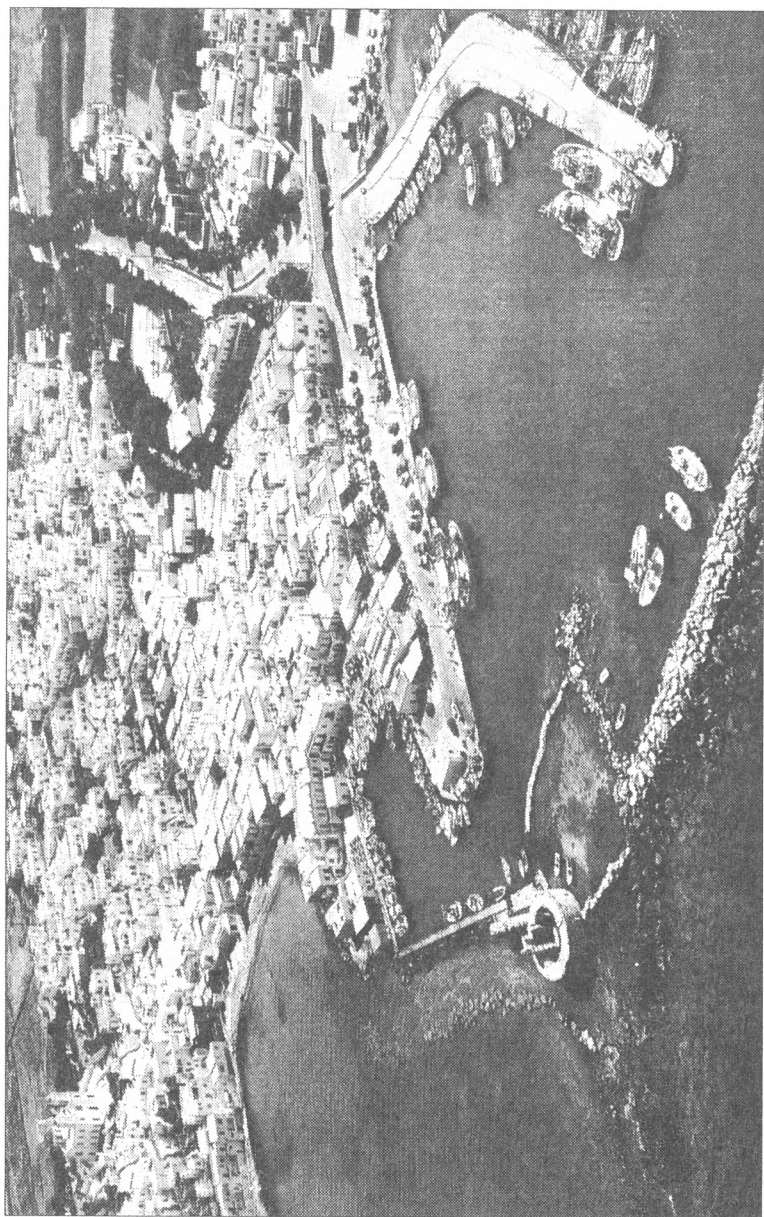

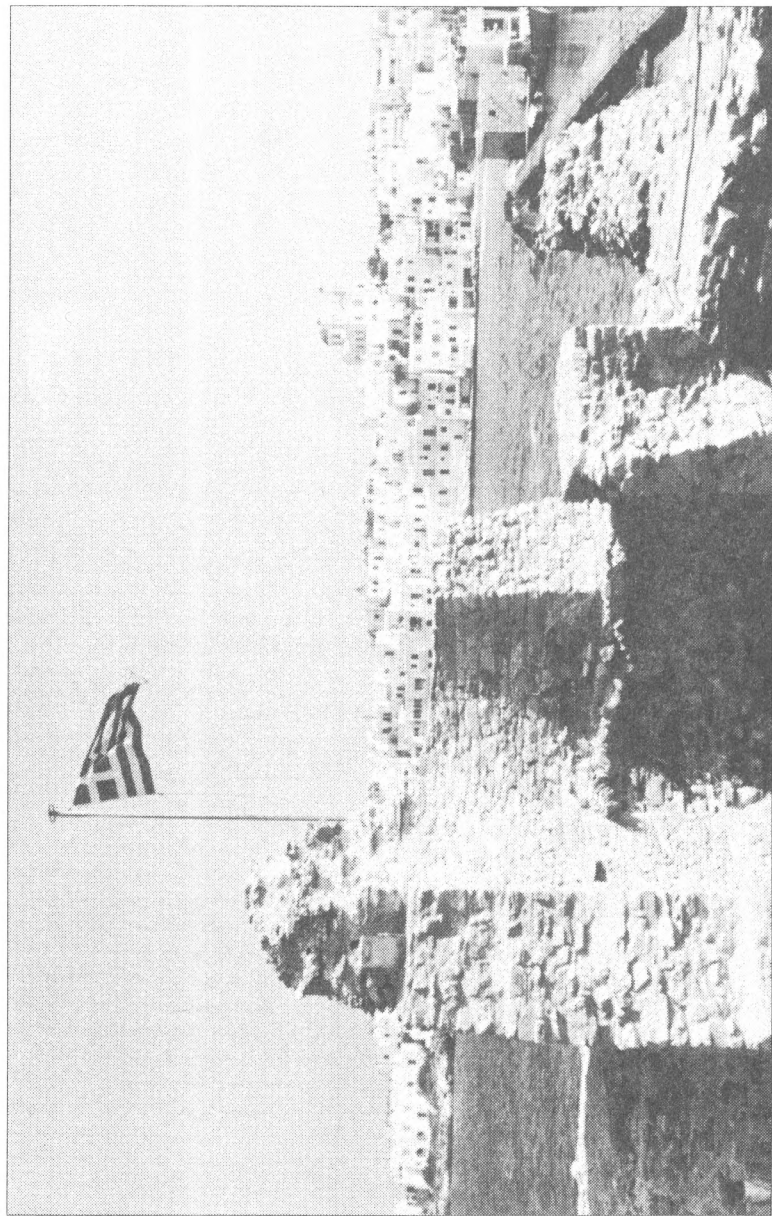
Первая база легкой
флотилии Л. Кацониса —
укрепленная бухта
острова Кеа

Остров Кеа (Zea).
Гравюра XVIII века

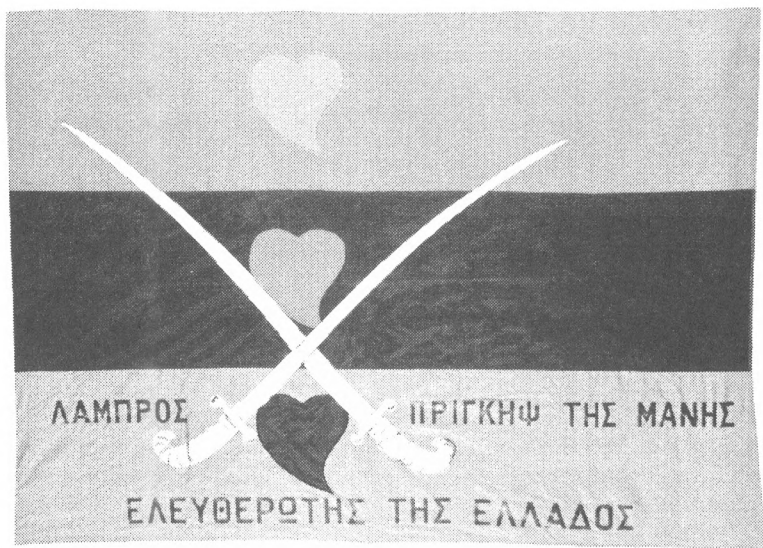

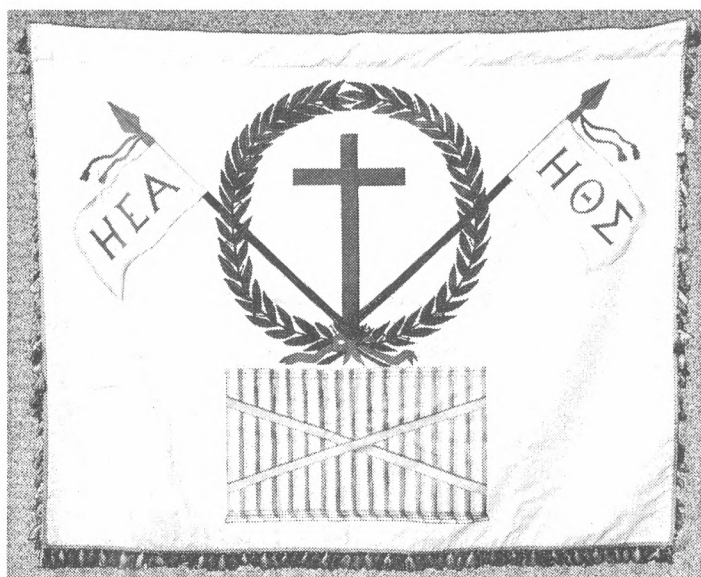
Современный вид старой гавани на о. Парос, защищенной крепостью

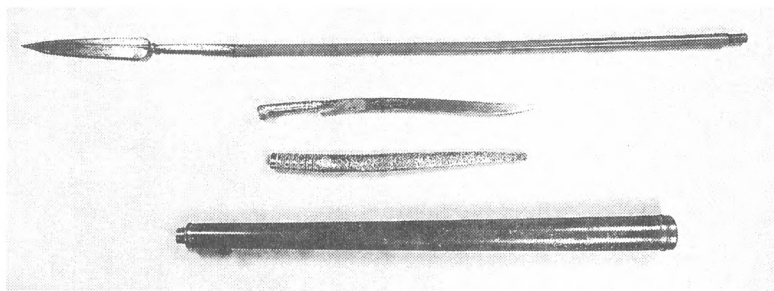
Средневековая крепость, защищавшая гавань г. Науса, о. Парос.
Ее развалины помнят Ламброса Кацониса

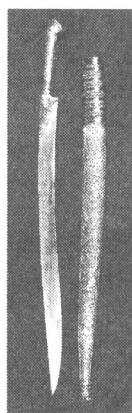
Личный флаг Л. Кацониса, который он поднял в Порто-Кайо в Мани.
Надпись на флаге: Ламброс правитель Мани — освободитель Греции

Флаг с символами «Филики Этерия» (свобода или смерть).
 Одесса, музей «Филики Этерия»

Личное оружие Ламброса и его личная подзорная труба

Ятаган
Ламброса

Личное оружие
Л. Кацониса
(графика)

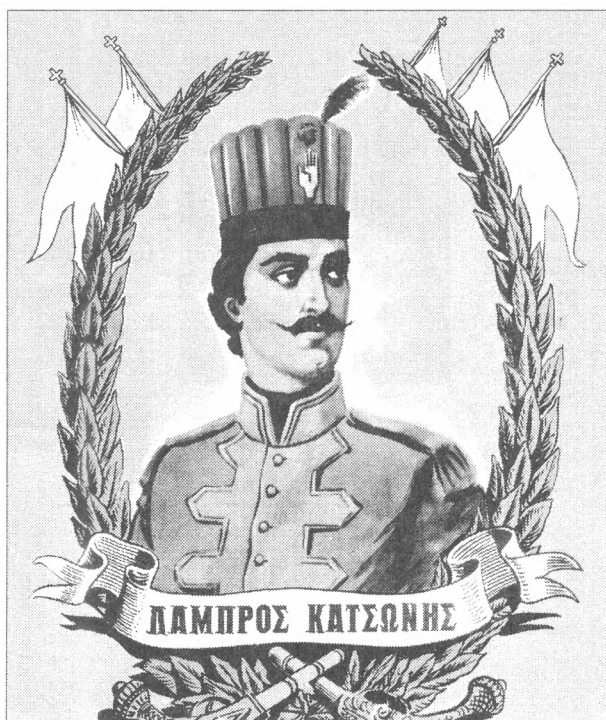
Ламброс Кацонис.
Графика Ф. Лазариса

Значок Греческой
Военно-морской
академии.
Архив П. Стаму

Юбилейная медаль (керамика).
Надпись наверху: Военно-морской флот

Ламброс Кационис. Популярная литография

Портрет Екатерины II.
Собрание Греческого исторического
и этнологического общества в Афинах

L'ENJAMBÉE IMPERIALE .

Прыжок Императрицы.

Французская карикатура, характеризующая имперские устремления Екатерины II

ΑΙΚΑΤΕΡΙΝΑ Ή Β΄.

ἦτο·

Ἱστορία σύντομος τῆς ἐν τῇ ὁδοιπορίᾳ
αὐτῆς πρὸς τὰς ἐν Νίζνῃ καὶ Ταυρίᾳ
Γραικὰς ὑπ' αὐτῆς διαχειρίσεως
Εὐνοίας.

Συντάχουσα μετ' ὑπαὶ

ΑΨΑΝΑΣΙΟΥ ΠΕΤΡΟΥ ΨΑΛΙΔΑ

τῷ ἐξ Ἰωαννίνων,

καὶ τύποις ἐκδοθεῖσα.

Εἰς Βίστην τῆς Α΄ εὐρείας 1792. ἔτυ.

Παρά Ἰωσήφ τῷ ΒΑΟΥΜΑΤΣΤΕΡΩ,

Граф П. В. Завадовский,
Директор Заемного банка,
через который, по-видимому,
кредитовали каперскую
флотилию Л. Кацониса.
Миниатюра Ф. Г. Слезенцова

Описание путешествия,
совершенного Императрицей
Екатериной II в Нежин
и греческую Таврию незадолго
до начала русско-турецкой
войны 1787–1792 гг.
Составитель Афанасий Петрос
Псалидас. Вена. 1792

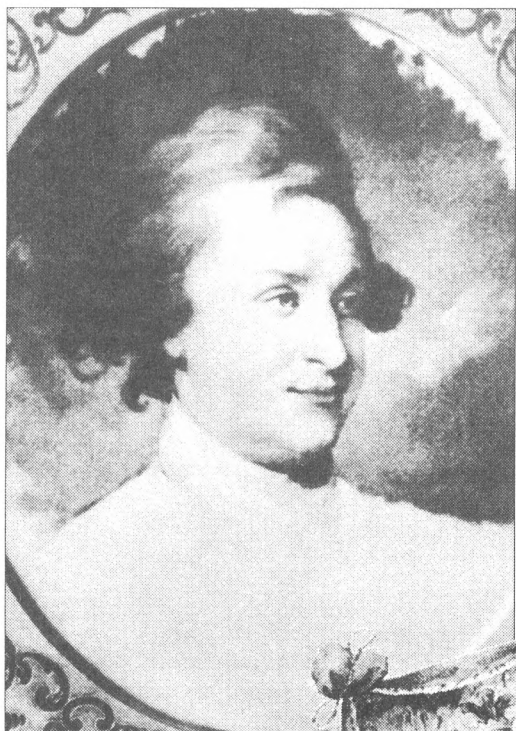
Григорий Орлов,
старший из братьев
Орловых, самых
активных участников
дворцового переворота,
приведшего к власти
Екатерину II

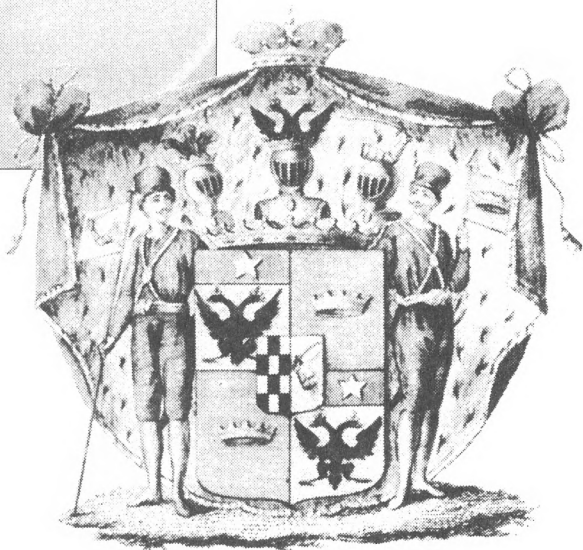
Портрет А. Г. Орлова
неизвестного
русского художника
второй половины
XVIII века

Алексей Орлов повелением
Императрицы Екатерины II
возглавил русскую кампанию
на Средиземноморье

Князь Г. А. Потемкин.
Портрет работы
И. Г. Лампи-старшего.
1770-е гг.

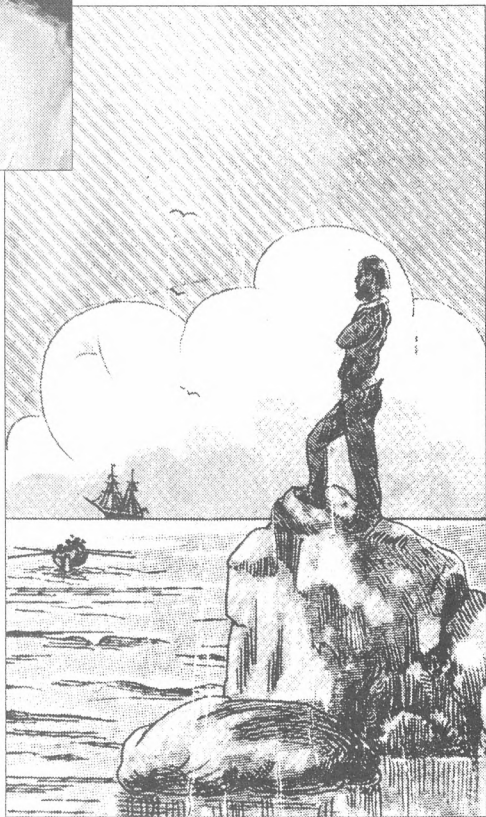
Герб князя Священной Римской империи
германской нации
Г. А. Потемкина-Таврического

Карта Балкан конца XVIII века

Л. Кацонис.
Портрет неизвестного
художника. Греческий
Исторический музей

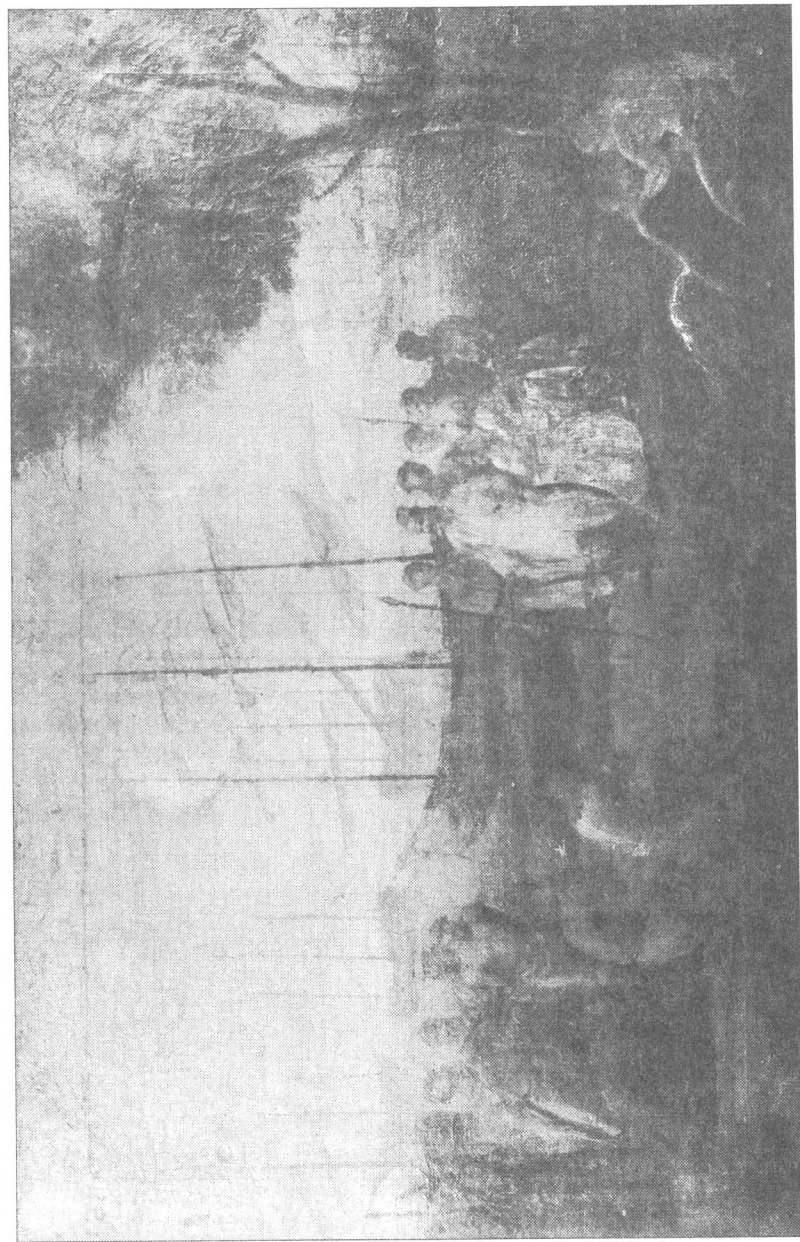
Ламброс Кацонис на острове
Кеа. Архив П. Стаму

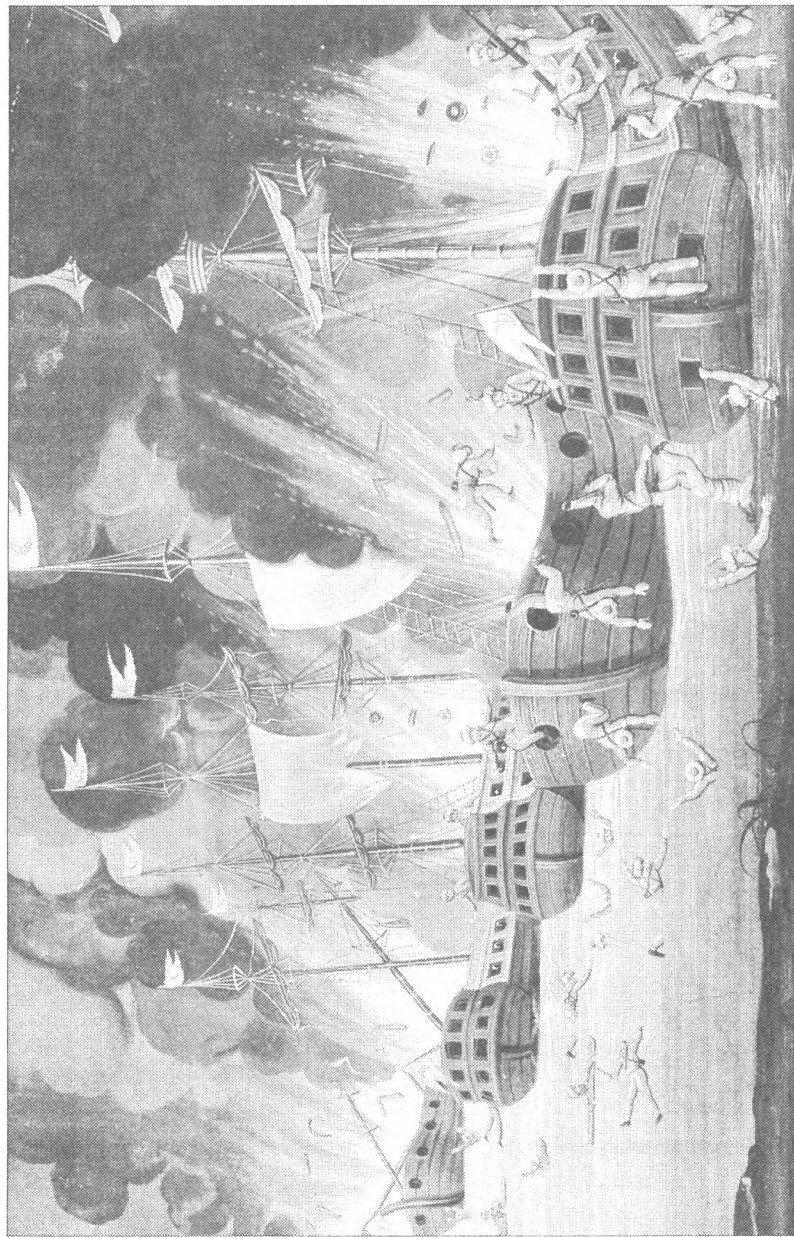
Л. Кацонис.
Гравюра неизвестного
художника

Л. Кацонис.
Гравюра Фр. Гроши, 1789 г.

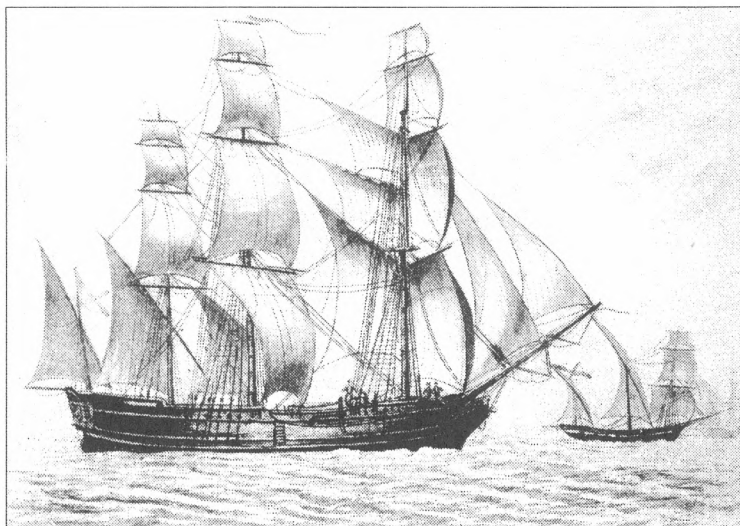

Турки сдаются Л. Кацониусу. Картина неизвестного русского художника.
Музей Греческого исторического и этнологического общества

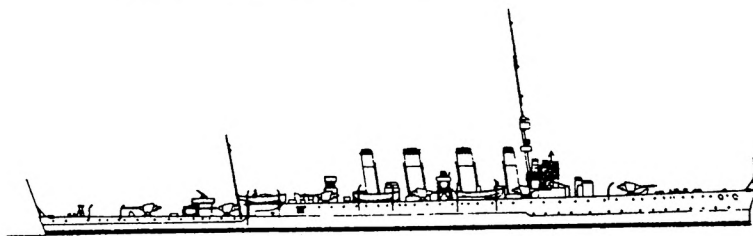
Морской бой у острова Андрос.

Музей Греческого исторического и этнологического общества в Афинах

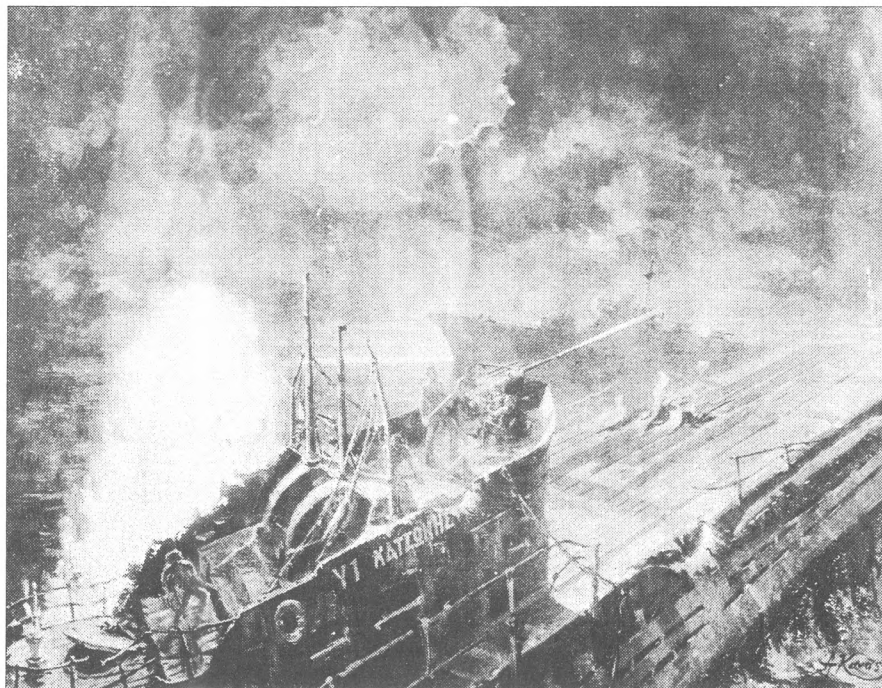

«Минерва Северная» — флагманский корабль
флотилии Л. Кацониса. Архив П. Стаму

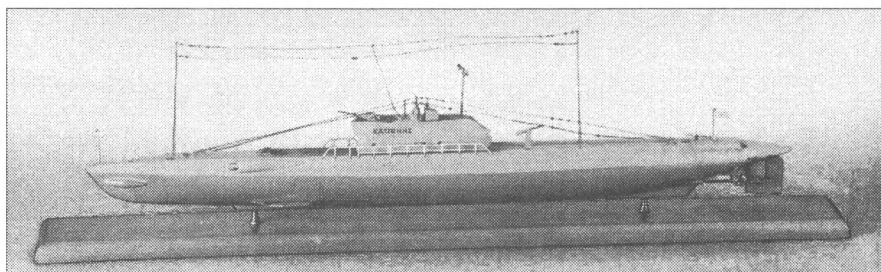
KATSONIS class cruisers

Крейсер греческого ВМФ «Кацонис» (спущен на воду в 1917 г.)

Гибель греческой подводной лодки «Кацонис» в неравном бою (1943 г.).
Архив П. Стаму

Новая субмарина греческого ВМФ «Кацонис» (модель). Архив П. Стаму

πρὸς τὴν αὐτὴ Κ. Β. Μεγαλειότητα, διὰ τὴν ζητήσῃ νὰ σταθῇ ὡς Καπελάνος τῷ Παλατίῳ. Ἐτύποντο τὸν σκοπὸν τοῦ ἰφάνειωσεν εἰς ἕναν γνωρίμων τε νέον, ὁ ὁποῖος ὑποσχευόμενος νὰ δώσῃ τὴν ἀναφορὰν ἐκεῖνος ὁ ἴδιος εἰς τὸν Καίσαρα καὶ πολλὰ εὐκόλα νὰ τῷ ἐνεργείσῃ τὴν ἀπόλαυσιν τῷ ζητήματός τε· ἀπερῶντας μερικαὶ ἡμέραι, ἤλθεν ὁ νέος ἐκεῖνος πρὸς τὸν πνευματικὸν φέρωντας τὴν εἴησιν, ὅτι ἡ αὐτὴ Κ. Β. Μεγαλειότης βέβαια νὰ ὑπόδεχῃ διδωντας τε τὴν ἀξίαν ὡς Καπελάνον τῷ Παλατίῳ, ὡς τόσον χρειάζονται μόνον 16 Φλωρί, ὅπῃ νὰ πληρωθῇ ἡ τάξα· Ὁ Πνευματικὸς γεμέτος ἀπὸ χαρὰν εὐγύζει διδωντας τὰ 16 Φλωρί, καὶ ἄλλα μερικὰ χαρίζοντας τε, μετὰ εἰν ἐμίσσευσε διὰ τὸ ῥυγισμένον τε. Πηγαινάμενος ἐκεῖ ἐπέλιπτε τὰ ἡδύσματα μετὰ ἑκατεσμένον παχῶν, καὶ χρυζωντας εἰς τὰς Ὀφφικιάδας, ὅσα τὰ ἐχρῶσσαν, ἐμίσσευσε διὰ ἐδῶ. Ἐρχόμενος τὸ λοιπὸν ἐδῶ καὶ ἐρευνῶντας τὸν γνωρίμων τε νέον, μετὰ πάντα τρόπον δὲν ἠμπόρυσεν νὰ τὸν εἰρῇ ἐπειδὴ ἔφυγεν.

Ὁ Εὐγενέστατος βασιλικὸς Ὀμπρέζερὸς κύριος Λάμπρος Κατζιὸν ἐμίσσευσεν ἀπ' ἐδῶ ταῖς 17 τὰ αὐτὴ διὰ Τριέσι, ἐκεῖ ὅπῃ ἔχει νὰ συνάξῃ ὅλον τε τὸ κράτεμα καὶ νὰ ἀρματώσῃ τὴν Φλόταν τε. Αὐτὸς δὲ πηγαινέει ἀπ' ἐκεῖ διὰ τὸ Λιβόρνο, εἰς τὸ νὰ περιλάβῃ ὁ καράβια τῆς Λίνιας καὶ μετὰ ταῦτα διὰ Βενετίαν, διὰ νὰ ἀγωγάσῃ καὶ ἐκεῖ ἄλλα 3 καράβια τῆς Λίνιας καὶ ἄλλα ἀναγκαῖα τῆς Φλότας τε ὅπῃ μέλλει νὰ σταθῇ· περιλαμβανόντας καὶ τὰ ἐπίλοιπα καράβια, ὅπῃ ὁ Γαλιέλμος καὶ ψαροὶ ἔχον, καὶ ἀρματώνωντας τὴν Φλό-

ταν τε, νὰ κινήσῃ διὰ τὸ Ἀρχιπέλαγος, ἐκεῖ ὅπῃ θέλει εὐρὴ καὶ ἄλλαι ἀξίαι στρατιώται, μάχομενοι διὰ τὴν χριστιανωσύνην· αὐτὸς θέλει εἶναι ὁ Κομμαντάντος τῆς Φλοτῆς εἰς τὸ Ἀρχιπέλαγος ἔχωντας ἀπὸ παντὸς τε καὶ ὡς Κομμισσάρου τῆς βασιλικῆς Καίσαρικής Αὐλῆς τὸν κύριον Φερνάνδον ὅπῃ ἦτον Κένσολα εἰς τὴν Σμύρναν.

ΜΠΕΡΛΙΝΙ 1^η, Φεβρουαρίου.

Φθάνοντας ὁ τούρκικος Ἐλτζῆς Ἀσμι Ἀχμετ ἰφάντης εἰς τὰ σύνορα τῆς Περσσίας, καὶ ἀπ' αὐτὸν ἐδέχθη ὁ βασιλικὸς Κομισσάριος Κύριος Μαγιόρος Ρ'αδὲρ τὸν ἡγεμῶνα ταῖς 28^α Ἰαν. ἀπὸ μέρους τοῦ βασιλέως εἰς τὸν τόπον Κρόσεν· ὁ μουσικὸς συμβουλάρχης Κύριος Διτζ ἐκίνησεν εἰς τὰς 17 διὰ τὸ Φρενκφούρτ, καὶ ἐμείνεν ἐκεῖ ὅλην τὴν ἄλλην ἡμέραν διὰ νὰ ἤθελε χρῆσιν εἰς τὸ συμπόσιον, ὅπῃ ὁ Γενεραλκαίτεναντ Μπεβίλλε εἰσέχεν ἐτοιμασίαν εἰς τὴν κατοικίαν τε. κατὰ ἕναν εὐμορφον τρόπον διὰ τὸν Ἐλτζῆν καὶ ἀνδρώπῃς τε· ἀγκαλιὰ καὶ νὰ τὰς ἦτον δύσκολα νὰ ἀφήσεν ἐκεῖνη τὴν συνανταφροσὴν, μετὰ ὅλον τὸ ἐπρεπὲς ὅπῃ τὴν ἄλλην ἡμέραν τότες 17 νὰ κινύσεν διὰ τὸ Φίρσβαλδ, ἐκεῖ ὅπῃ ὁ Ὀμπρέζερὸς Μπέρνυ εἶχε κάμῃ κάθε δυνατόν εἰς τὸ νὰ ἤθελεν ἠμπορέσῃ νὰ χαροποιήσῃ τὸν Ἐλτζῆ μαζὺ μετὰ τὴν συνοδίαν τε. Τῇ 18^α φθάνοντας εἰς τὸ Κεπενί, καὶ ἔχωντας ἐκεῖ νὰ μείνῃ μερικὰς ἡμέρας, ἐκόνευσεν εἰς τὸ ἐκεῖ Καρσεβί, προσμένοντας ἕως ὅπῃ ὁ ἄνω ῥιζεῖς Κύριος Διτζ, ὁ ὁποῖος εἶχε πηγαινίην διὰ τὸν Μπερλίνι, ἤθελε φέρν

Андруцос.
Картина греческого
художника-примитивиста
Теофила (1931 г.)

Андруцос, командир абордажных команд
на кораблях флотилии Л. Кацониса.
Иллюстрация из книги П. Маякоса

Памятник Л. Кацонису в Левадии, родном городе героя

Вымпел Ассоциации греков-левадийцев им. Ламброса Кацониса (в центре — личный флаг Л. Кацониса). Президент ассоциации — Панос Стаму

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Боевая молодость, воинская зрелость (1770–1787 гг.)	9
Глава 2. Жизнь и боевая деятельность в Средиземноморье (1788–1794 гг.)	19
Глава 3. Легкая российская флотилия Ламброса Кацониса: корабельный состав, боевые возможности, тактика действий (1788–1791 гг.)	69
Глава 4. Возвращение в Россию, жизнь и деятельность в Санкт-Петербурге (1794–1798 гг.), в Крыму (1799–1805 гг.)	91
Глава 5. Потомки Ламброса Кацониса в истории России	109
Приложение	123

Ю. Д. Пряхин

ЛАМБРОС КАЦОНИС
В ИСТОРИИ ГРЕЦИИ И РОССИИ

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Корректор *И. Е. Иванцова*

Оригинал-макет *И. А. Смаришева*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя», 193019, СПб., пр. Обуховской Обороны, 13.

Тел.: (812) 567-22-39, факс: (812) 567-22-53

E-mail: aletheia@rol.ru

www.orthodoxia.org/aletheia

Фирменные магазины «Историческая книга»

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (095) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55. Тел. (812) 327-26-37

Подписано в печать 22.10.2003. Формат 60x88^{1/16}.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 10,7. Тираж 1000 экз. Заказ № 243.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «ИПК «БИОНТ»»

199026, Санкт-Петербург, В. О., Средний пр., д. 86, тел. (812) 322-68-43

Printed in Russia

Пряхин Юрий Дмитриевич

Капитан I ранга в отставке, доктор исторических наук, профессор Военно - морской академии в Санкт - Петербурге. Родился во Владивостоке в 1933 г. Окончил Тихоокеанское Высшее военно-морское училище в 1956 г., Военно-политическую академию им. В. И. Ленина в Москве в 1968 г.

Прослужил в плавсоставе ВМФ на надводных кораблях, атомных подводных лодках Тихоокеанского, Черноморского, Северного флотов, в Высших военно-морских учебных заведениях более 40 лет.

Автор нескольких монографий и 120 публикаций на военные и исторические темы. Участник и организатор многих научных конференций. Член редколлегии журналов «Морской вестник», «Новый часовой».

